

А. А. Кара-Мурза, Л. В. Поляков **РОССИЯ И ПЕТР**

1. ТВОРЕЦ РОССИИ

1.1. Петр — создатель великой России из «ничего»

«Единые вашим неусыпным трудом и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены».

(Головкин, 1721)

«Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию, и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший, прямой сын Отечества своего Отец...»

(Феофан Прокопович, 1725)

«Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди, — одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут».

(Неплюев, 1725)

«Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу. Не надо заблуждаться: как бы велик ни был гений этого человека и необычайная энергия его воли, то, что он сделал, было возможно лишь среди нации, чье прошлое не указывало властно того пути, по которому она должна была двигаться, чьи традиции были бесильны создать его будущее, чьи воспоминания смелый законодатель мог стереть безнаказанно. Если мы оказались так по-

слушны голосу государя, звавшего нас к новой жизни, то это, очевидно, потому, что в нашем прошлом не было ничего, что могло бы оправдать сопротивление».

(Чаадаев, 1837)

<Петр> «...дал нам право на историю и едва ли не один заявил наше историческое призвание».

(Грановский, 1855)

1.2. Петр превратил русский народ в нацию

«Полное владычество народности необходимо предполагает в государстве состояние естественной непосредственности, состояние патриархальности, когда различие в сословиях заключается даже и не в формах, а только в оттенках форм, но уже несколько не в сущности. В таком состоянии была Россия до Петра Великого... Народность... предполагает что-то неподвижное, раз навсегда установившееся, не идущее вперед; показывает собою только то, что есть в народе налицо, в настоящем его положении. Национальность, напротив, заключает в себе не только то, что было и есть, но что будет или может быть... Народность есть первый момент национальности, первое ее проявление. Но из сего отнюдь не следует, чтобы там, где есть народность, не было национальности: напротив, общество есть всегда нация, еще и будучи только народом, но нация в возможности, а не в действительности, как младенец есть взрослый человек в возможности, а не в действительности: ибо национальность и субстанция народа есть одно и то же... Итак, Россия до Петра Великого была только народом и стала нацией вследствие толчка, данного ей ее преобразователем... Что все усилия Петра были направлены против русской народности — это ясно, как день Божий; но чтобы он уничтожил наш субстанциональный дух, нашу национальность — подобная мысль более чем неосновательна: она просто нелепа».

(Белинский, 1841)

«И до сих пор Петербург в пыли и мусоре; он еще создается, делается; будущее его еще в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живет одним Петербургом. Уже все почувствовали на себе силу и благо направления Петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следственно, все начинает жить. Все: промышленность, торговля, науки, литерату-

ра, образованность, начало и устройство общественной жизни — все живет и поддерживается одним Петербургом. Все, кто даже не хочет рассуждать, уже слышат новую жизнь и стремятся к новой жизни. И кто же, скажите, обвинит тот народ, который невольно забыл в некоторых отношениях свою старину и почитает и уважает одно современное, то есть тот момент, когда он в первый раз начал жить. Нет, не исчезновение национальности видим мы в современном стремлении, а торжество национальности, которая, кажется, не так-то легко погибает под европейским влиянием, как думают многие. По-нашему, цел и здоров тот народ, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живет, и он умеет понять его. Такой народ может жить, а жизненности и принципа станет для него на веки веков».

(Достоевский, 1847)

1.3. Петр подобен Богу

«Он Бог, он Бог твой был, Россия!»

«Не верим, что он един от смертных был,
Но в жизнь его уже за Бога почитали».

(Ломоносов, 1750)

«Ежели человека Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю».

(Ломоносов, 1755)

«Как Бог, великий провиденьем
Он все собою озирал...
Поднесь вселенну изумляет
Величие его чудес...
Премудрый ум не постигает,
Не Бог ли в нем сходил с небес?
Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, великий Петр!»

(Державин, 1776)

«Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен,
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза».

(Пушкин, 1828—1829)

1.4. Петр подобен Христу

Наиболее ранние сравнения подобного рода встречаются у Димитрия Ростовского в его «Приветствии Петру», а также у Стефана Яворского в «Слове о победе над королем Швеции под Полтавою» и «Слове благодарственном» по случаю взятия Выборга.

*(Димитрий Ростовский, 1701;
Стефан Яворский, 1709,1710)*

В текстах Феофилакты Лопатинского («Служба благодарственная о великой Богом дарованной победе под Полтавою») и Феофана Прокоповича («Слово похвальное о баталии Полтавской») встречаются сравнения Петра с Христом, гетмана Мазепы — с Иудею, а сподвижников Петра — с апостолами*.

*(Феофилакт Лопатинский, 1709;
Феофан Прокопович, 1717)*

В Оде на восшествие на престол Елизаветы Ломоносов уподобляет рождение Петра Рождеству Христову, обращаясь к матери

* В ряде сочинений Феофана Прокоповича и Феофилакты Лопатинского (некоторые из них были отредактированы самим Петром) идея о том, что монархи суть «бози и христы» обосновывается теоретически. Б. Успенский комментирует: «При этом слово “Христос” употребляется здесь в смысле помазанника, но совершенно очевидно, что оно должно было восприниматься современниками прежде всего как имя собственное, а не как нарицательное имя. Этому в достаточной степени способствовало и поведение Петра, в частности окружающий его церемониал. Так, в Москве после победы над врагами (21.12.1709 г.) Петра встречали словами церковного пения, обращенного к Христу в Вербное воскресенье: “Благословен грядый во имя господне, осанна в вышних, бог господь и явися нам...”, т. е. Петр как бы олицетворял Христа, входящего в Иерусалим... Необходимо иметь в виду, что совсем еще незадолго перед этим (и именно в Москве!) был специальный церковный обряд шествия патриарха на ослати в Вербное воскресенье, где патриарх мистически олицетворял Христа во время входа в Иерусалим. Следует полагать, что элементы этого обряда были использованы в церемониале триумфальной встречи Петра (царя встречали дети, одетые в белые подстихари, “с вайами и ветвми”), что усугубляло кощунственный характер этой церемонии... Аналогично и при выходах Петра из Спаского монастыря его встречали пением “Осанна в вышних”, т. е. опять-таки обращались к нему как к богу, причем выходил он в венце, который легко мог ассоциироваться с терновым венцом» (Успенский, 1976).

Петра царице Наталье Кирилловне Нарышкиной словами Архангела Гавриила, адресованными Богородице.

(Ломоносов, 1752)

То же самое делает Сумароков в «Оде на победы Петра», а затем в стихотворении «Российский Вифлеем»:

«Российский Вифлеем, Коломенско село,
Которое на свет Петра произвело».

(Сумароков, 1768)

1.5. Петр подобен апостолу Петру

Панегирическое сопоставление царя-Петра с апостолом Петром содержится уже в школьном «Действе о семи свободных науках» (1702—1703), где к царю обращаются со словами:

«Ты еси камень, в Христе-бозе нареченый,
Еже помазан есть царь и Петр прореченый
Самем им.
На том камне, Петре, церковь укрепися,
А тобою о Христе церковь утвердися
Истинна».

(Учебник, 1702—1703)

Главный идеолог петровского времени Феофан Прокопович не раз уподоблял Петра апостолу Петру, также обыгрывая евангельские слова о Петре как камне, на котором будет воздвигнуто грядущее здание Церкви («Петр» <греч. «камень» > — прозвище первоапостола Симона):

«В Петре нашем, в котором мы первее видели великого богатыря, потом же мудрого владетеля, видим уже и Апостола... Все на нем, яко на главном основании стоит»*.

(Феофан Прокопович, 1717)

* Сам Петр Великий активно использовал эту метафорику: в письме Апраксину после Полтавской победы он уподоблял одержанную «викторию» камню в основании Санкт-Петербурга: «Ныне уже совершенный камень во основание Санкт-Петербурху положен с помощию Божию» (Петр I, 1709).

Та же ассоциация Петра и камня была заложена и в одной из главных идеологий режима — противопоставлении «деревянной Руси/Москвы» и «каменного Петербурга» (Лотман, Успенский, 1982).

Со своей стороны, Стефан Яворский, апологизируя просветительскую деятельность Петра Великого, обыгрывал в своих проповедях образ апостола Петра как ключаря райских врат:

«Нельзя было выглянуть за государство и видети, что ся деет на свете. Вестей такожде никаких ниоткуда россияне не имеюту, поведений, нравов и обычаев в иных государствах политических отнюдь не знаюху. Тем же поношения и укоризны и досады многия от прочих государств терпяху, аки детища некия и отроки невежливы, которым разве то ведомо, что в дому деется. Ныне же радуйся и веселися, Россие, — егда благоизволи бог ключем Петровым отверсти тебе врата на видение света».

(Стефан Яворский, 1710)

1.6. Петр — родомысл

«Родомысл есть тот, чья деятельность оказывает решающее и благотворное влияние на народную судьбу и судьбу государства и кто направляется в этой деятельности волей демиурга сверхнарода... Родомыслами русского средневековья были Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Мономах, Александр Невский, Минин, Пожарский, Гермоген... Демиург, осуществляя свой всемирный замысел, выдвинул такого колосса, как Петр...»; «В чем же состояла историческая задача Петра I, поскольку эта задача указывалась демиургом?... России суждена всемирная миссия, смысла которой императору не дано знать. Он должен быть уверен лишь в одном: в ее мировом характере. Его персональная задача сводится к тому, чтобы повернуть сверхнарод на путь, ведущий из прозябания в национальной замкнутости на простор общечеловеческого становления. При этом народ русский надлежит ввести в круг передовых народов не в качестве чьего-либо сателлита или младшего исторического партнера, а в качестве великой державы, которую другие народы вынуждены будут принимать всерьез с самого начала. Такой поворот возможен только при условии, если Россией будут восприняты объективно передовые начала соседней, старшей культуры, ибо эта культура — одна из двух, сумевших расторгнуть аристократически-сословную ограниченность внутри себя и локальную изолированность — по отношению к остальному миру... Как грандиозна ни была фигура этого императора и сколь провиденциально необходимой ни являлась его деятельность, но двойственность инвольтаций, воспринятых его бушующим сердцем, богатырской волей и дальновидным, но утилитарным умом, превратила родомысла в двойственное существо, перед которым врата Синклита оказались закрытыми».

(Андреев, 1958)

1.7. Петр — языческое божество, титан

«Исполинского роста кузнец, освещенный красным заревом горна, похож был на подземного титана... “Время подобно железу горячему, которое, ежели остынет, не удобно кованию будет”, — говорит царь. И, кузнец России, он кует ее, пока железо горячо... Его стихии — огонь и вода. Он их любит, как существо, рожденное в них: воду, как рыба, огонь — как саламандра. Страсть к пушечной пальбе, ко всяким опытам с огнем, к фейерверкам... Такая же страсть к воде... Говорит, что начал впервые думать о море, когда прочел сказание летописца Нестора о морском походе киевского князя Олега под Царьград. Если так, то он воскрешает в новом древнее, в чужом родное. От моря через сушу к морю — таков путь России... Иногда кажется, что в нем слились противоречия двух родных ему стихий — воды и огня — в одно существо, странное, чуждое — не знаю, доброе или злое, божеское или бесовское — но нечеловеческое».

(Мережковский, 1904)

1.8. Петр создал тело России, Екатерина одухотворила его

«Петр дал нам бытие, Екатерина — душу».

(Сумароков, 1768)

«Петр россам дал тела, Екатерина — душу».

(Херасков, 1768)

«Петр разбудил Россию от апатического сна, но вдохнула в нее жизнь Екатерина».

(Белинский, 1841)

1.9. Петр вдохнул душу в Россию

<Петр> «дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия».

(Радищев, 1792)

«Русская поэзия, как и русская жизнь... до Петра была только телом, но телом, полным избытка органической жизни, крепким, здоровым, могучим, великим, вполне способным, вполне достойным быть сосудом необъятно великой души, но — телом, лишенным этой души и только ожидающим, ищущим ее... Петр

вдунул в него душу живую — и замирает дух при мысли о необъятно великой судьбе, ожидающей народ Петра...»

(Белинский, 1841)

«Века слагали вещественную громаду сил России, и когда России должно было двинуться в Европу, явился Петр, вдохнул жизнь в вещество...»

(Полевой, 1830-е)

2. СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА

2.1. Петр — спаситель России от разложения

«Петр явился вовремя: опоздай он на четверть века, и тогда — спасай или спасайся, кто может!... Провиденье знает, когда послать на землю человека»*.

(Белинский, 1841)

«Россия в XVII веке избегла участи Византии: она признала свою несостоятельность и решила совершенствоваться. Великий момент этого сознания и этого решения воплотился в лице Петра Великого. Если Бог хотел спасти Россию и мог это сделать только чрез свободную деятельность человека, то Петр Великий был несомненно таким человеком. При всех своих частных пороках и дикостях, он был историческим сотрудником Божиим, лицом истинно провиденциальным, или теократическим... В лице Петра Великого Россия решительно обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи — самодовольный квиетизм. Вместе с тем Петр Великий был совершенно чужд навуходоносоровского идеала власти для власти. Его власть была для него обязанностью непрерывного труда на пользу общую, а

* И. Тургенев так прокомментировал позицию Белинского: «Белинский еще потому благоговел перед памятью Петра Великого и, не обинуясь, признавал его нашим спасителем, что уже при Алексее Михайловиче он в нашем старом общественном и гражданском строе находил несомненные черты разложения — и, следовательно, не мог верить в правильное и нормальное развитие нашего организма, подобное тому, каким оно является на Западе... Какое место мы уже заняли в этой семье — это покажет история; но несомненно то, что мы шли до сих пор и должны были идти (с чем господа славянофилы, конечно, не согласятся), должны были идти другими путями, чем более или менее органически развивавшиеся западные народы» (Тургенев И., 1869).

для России — необходимым условием ее поворота на путь истинного прогресса».

(Соловьев В., 1896)

2.2. Петр спас Россию от исторически тупиковых путей развития

«Высокий ум ЭТОГО необыкновенного человека безошибочно угадал, какова должна быть наша исходная точка на пути цивилизации и всемирного умственного движения. Он видел, что, за полным почти отсутствием у нас исторических данных, МЫ не можем утвердить наше будущее на этой бессильной основе; он хорошо понял, что, стоя лицом к лицу со старой европейской цивилизацией, которая является выражением всех прежних цивилизаций, нам незачем задыхаться в нашей истории и незачем тащиться, подобно западным народам, чрез хаос национальных предрассудков, по узким тропинкам местных идей, по изрытым колеям туземной традиции, что мы должны свободным порывом наших внутренних сил, энергетическим усилием национального сознания овладеть предназначенной нам судьбой. И вот он освободил нас от всех этих пережитков прошлого, которые загромаждают быт исторических обществ и затрудняют их движение; он открыл наш ум всем великим и прекрасным идеям, какие существуют среди людей; он передал нам Запад сполна, каким его сделали века, и дал нам всю его историю за историю, все его будущее за будущее».

(Чаадаев, 1837)

«Благодарение Богу, Россия избавлена была и от старой китаящины, и от ненужной и запоздалой пародии на средневековое папство. Односторонние начала, столкнувшиеся между собою в расколе XVIII, оказались недостаточно сильными, чтобы самим решить свою распрю и захватить в свои руки дальнейшие исторические судьбы нашего народа».

(Соловьев В., 1888)

2.3. Петр — спаситель России от иностранного порабощения

«Если бы Петр Великий не явился, то, кто знает, может быть, мы были бы теперь шведской провинцией...»

(Чаадаев, 1843)

«Пусть скажут мне безусловные противники Петра, кого противопоставили бы они Карлу XII на полях полтавских? Нет, некогда было ожидать тогда органического развития, а надо было спасать как-нибудь и во что бы то ни стало. Петр спас древнюю Россию...»

(Погодин, 1863)

«Для этой несомненно предстоящей борьбы необходимо было укрепить русскую государственность заимствованиями из культурных сокровищ, добытых западной наукой и промышленностью, — заимствованиями быстрыми, не терпящими отлагательства до того времени, когда Россия, следуя медленному естественному процессу просвещения, основанному на самородных началах, успела бы сама доработаться до необходимых государству практических результатов просвещения. Петр сознал ясно эту необходимость, но (как большая часть великих исторических деятелей) он действовал не по спокойно обдуманному плану, а со страстностью и увлечением».

(Данилевский, 1868)

«Страшно даже подумать, что было бы, если бы мы не сравнялись с Европою до конца XVIII века. Мы и при петровской реформе попали в доселе длащущую кабалу к иностранцам, но без этой реформы, конечно, утратили бы национальное существование, если бы дожили в варварском бессилии своем до времен Фридрихов Великих, Французской революции и эпохи экономического завоевания Европою всего мира. Петр, железною рукой принудивший Россию учиться и работать, — был, конечно, спасителем всего национального будущего».

(Тихомиров, 1904)

«С Петра Великого, принуждением Промысла и истории, взрослый русский человек посылается на учебу новому Западу. Он должен был на время оставить свою духовную утонченность, загубить и поучиться полезному, нужному, приобрести некоторые технически усовершенствованные земные органы, ибо с Запада шла гроза и возможность поглощения и завоевания. Путем заимствования и ученичества нужно было создать приспособление русской периферии к новым условиям надвигавшегося на мир “железного века”».

(Эрн, 1915)

«Темная, некультурная боярская Русь с ее отсталой, кабальной техникой и патриархальными бородами была бы в скором

времени целиком поглощена иноземными захватчиками. Нужно было сделать решительный переворот во всей жизни страны, нужно было поднять Россию на уровень культурных стран Европы. И Петр это сделал. Русский народ отстоял свою независимость». «Несмотря на различие целей, эпоха Петра и наша эпоха перекликаются каким-то буйством сил, взрывом человеческой энергии и воли, направленной на освобождение от иноземной зависимости».

(Толстой А., 1930-е)

2.4. Петр, «разделив небесное и земное», спас русскую веру

<Петр> «понял, что народ, отставший в цивилизации, в технике и знаниях, — будет завоеван и поработен и не отстоит себя и свою правую веру. Он понял, что необходимо отличить главное и священное от неглавного, несвященного, земного — от техники, хозяйства и внешнего быта; что надо вернуть земное земле; что вера Христова не узаконивает отсталых форм хозяйства, быта и государственности. Он постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир, с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой — с другой стороны. Петр Великий понял, что русский народ преувеличил компетенцию своего исторически сложившегося, но еще не раскрывшего всю свою силу религиозного акта и что он недооценил творческую силу христианства: Православие не может санкционировать такой уклад сознания, такой строй и быт, которые погубят народную самостоятельность и предадут врагам и веру, и церковь. Он извлек урок из татарского ига и из войн с немцами, шведами и поляками: Запад бил нас нашей отсталостью, а мы считали, что наша отсталость есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное. Он был уверен, что Православие не может и не должно делать себе догмат из необразованности и из форм внешнего быта, что сильная и живая вера проработает и осмыслит, и облагородит новые формы сознания, быта и хозяйства. Хозяйство не может и не должно быть источником обскурантизма и национальной слабости.

И вот небесное и земное разделилось в русском самочувствии. Вместе с тем национальное отделилось от вероисповедно-цер-

ковного. Русское самочувствие проснулось, и началась эпоха русского национального самосознания, не законченная и донныне».

(Ильин, 1950)

2.5. Петр спас страну, обуздав стихийный наплыв западного просвещения

«Гражданское строение наше произошло также не правильным, постепенным ходом событий, не медленно-рассудительным введением европейских обычаев, — которое было бы уже невозможно по той причине, что уже слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил... Переворот, который обыкновенно на несколько лет обливает кровью потрясенное государство, если производится бореньями внутренних партий, был произведен, в виду всей Европы, в таком порядке, как блистательный маневр хорошо выученного войска».

(Гоголь, 1847)

2.6. Петр спас Россию от Европы частичным слиянием с ней

«Необходимость создала и Петербург. Необходимость жестокая, трагическая. Великий Петр понял эту необходимость. Единственное средство спасения для России — это перестать быть русской. И создал Петербург. Унес центр власти туда, к морю и к северу, откуда грозили нам чудовища чужеземных завоеваний, и к Европе, частичным слиянием с которой мы только и могли отстоять себя. И Петр спас Россию. Петр дал жизнь России. Он облек себя еще не слыханной со времен Рима властью, какой-то антихристовой властью — и, бестрепетный, гневный, непреклонный, не знающий сомнения и жалости, с глыбой гранита вместо сердца, целый мир наполнил лязгом своего железа, с орлиным клекотом накинулся на весь враждебный свет. И вот спас. И создал».

(Тардов, 1911)

2.7. Петр спас государство от народной анархии

«Внимательное рассмотрение исторических событий и внутреннего состояния России может доказать, что Петр рядом энергических правовых реформ спас Россию от насильственного переворота, которого начало сказалось уже в волнениях народных при Алексее Михайловиче и в бунтах стрелецких».

(Добролюбов, 1858)

2.8. Петр — хирург, спасший Россию от смертельной внутренней болезни

«Петр действовал, как воспитатель, врач, хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры. Нельзя было иначе действовать: невозможное теперь было тогда, по несчастию, необходимо, неизбежно... Тут некогда было выжидать, действовать исподволь. Нужды были слишком настоятельны, чтоб можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лет вперед».

(Кавелин, 1847)

«Внимательно рассматривая состояние России в конце XVIII века, видим совершенное расстройство, как пред норманнами, пред монголами, пред временем Иоанна III, — болезнь к росту. Требовалось новое издание, revue, corrigée et augmentée <исправленное и дополненное>, требовалась реформа. Застарелые язвы точили внутренность, огонь распространялся по всем оконечностям, и ей нужен был сильный, ловкий, смелый оператор, — указать на другого, вместо Петра I, едва ли кто решится!»

(Погодин, 1863)

«Он многое в России покалечил и многое окостенил, но в самом главном он успел — как не слишком заботливый хирург, ничего не спасший больному, кроме жизни».

(Вейдле, 1937)

3. ПРОСВЕТИТЕЛЬ-УНИВЕРСАЛИСТ

«Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье...»

(Пушкин, 1826)

3.1. Петр — учитель

«Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель...»

(Пушкин, 1828—1829)

«Программа деятельности великого человека была начертана. “Учиться, работать!” — воскликнул он своему народу. “Я показываю пример, восстановим нашу честь и славу, выучимся побеждать иноземцев, чтоб они не смели презирать нас; возьмем у них науку, благодаря которой они так превосходят нас; приобретем морские берега, обогатимся торговлею, заведем промыслы, проложим дороги, пророем каналы, переведем все их хорошие книги на свой язык”. Что же значил этот призыв народа к труду? Эта открытая, сильная, кровавая борьба против лености, косности, тунеядства? Что значила эта неутомимая, неслыханная в истории деятельность Петра? Она выражала великий переворот, великое движение в жизни народной, стремление отделаться от начал общества варварского и усвоить себе начала общества цивилизованного».

(Соловьев С., 1861)

«Народ проходит трудную школу. Строгий учитель не щадит наказаний ленивым и нарушителям уставов, но дело не ограничивается одними угрозами и наказаниями. Народ действительно учится, учится не одной цифири и геометрии, не в одних школах, русских и заграничных; народ учится гражданским обязанностям, гражданской деятельности... Ясно сознавши, что русский народ должен пройти трудную школу, Петр не усумнился подвергнуть его страдательному, унижительному положению ученика *; но в то же время он успел уравновесить невыгоды это-

* Ср. со словами самого Петра в указе Мануфактур-коллегии от 5 ноября 1723 г.: «Что мало охотников и то правда, понеже наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел, не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел» (Петр, 1723).

го положения славою и величием, превратить его в деятельное, успел создать политическое значение России и средства для его поддержания».

(Соловьев С., 1860-е)

«Петр считал себя одного умнее всех русских людей. Он смотрел на народ, как на ребятишек, которых следует взрослому учителю сечь, чтоб они учились».

(Костомаров, 1875)

«На себя Петр смотрел как на педагога, обучающего детей, как на мастера, окруженного ленивыми учениками...»

(Богословский, 1902)

3.2. Петр — просветитель по инстинкту

<Петр> «во внешних формах правления ничего решительно не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле. Без точного намерения дать своему государству политическое бытие, но по одному, так сказать, инстинкту просвещения он все к тому приуготовил...»

(Сперанский, 1809)

3.3. Петр — просветитель по исторической необходимости

«Назовите это образование <европейскую науку>, пожалуй, чумою — но для такой чумы, самой тонкой, самой упругой, не существует никаких застав, никаких карантинных, никаких таможен, никаких преград. Эфир всепроникающий, зло необходимое, неизбежное!... Нельзя было уклониться от норманнов и оставаться в патриархальном состоянии; нельзя было укрыться от монголов и сохранить формы времен средних; точно так же нельзя было не подпасть европейскому влиянию в XVIII веке, и счастье России, что на то время посылал ей Бог Петра Великого».

(Погодин, 1838)

«Как ни суровы и ни грубы были приемы, с помощью которых Петр вводил русских людей в мир западной культуры, но дальнейший исторический процесс показал, что Петр взял верный путь, что развитие России ставило на очередь вопрос о взаимоотношениях с Западом, с его культурой, с его жизнью».

(Зеньковский, 1926)

3.4. Петр — порождение просветительской культуры барокко

«Петр гениально ярко впитал и отразил в себе дух и мировоззрение новой Европы. Дух этот после нашего Смутного времени незаметно поселился и с половины XVII века укоренился в самой Москве. Как и для Европы, для московских передовых кругов кончилось средневековое мироощущение. Теократию сменил гуманизм, лаицизм. Государство перестало быть органом церкви, ведущей людей здесь на земле к потустороннему загробному спасению душ. Последним критерием, высшей целью (*summum bonum*) явилось не царство небесное, а прогрессирующее улучшение земного благоденствия, так называемое “общее благо” (*bonum commune*). Это и есть формулировка правовой догмы — воцарившейся в государственном праве теории так называемого “естественного права” (*jus naturale*). Эти антитеократические, в некотором смысле и антицерковные, понятия были усвоены передовыми государственными головами Москвы, создавшими “Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.”. Петр вдохнул в себя эти понятия не только из окружающей атмосферы, но и из ходячей иностранной литературы своего времени, по его приказу и переведенной на русский язык».

(Карташев, 1950-е)

«Петр как личность был типичным порождением русской культуры конца XVII в. Уточняя, мы могли бы сказать, что он со всеми его противоречивыми чертами был порождением русского барокко конца XVII в., в котором особенно сильны были ренессансные явления: склонность к просветительству и реформаторству, к научному отношению к миру, к известному барочному “демократизму”, к синтезу наук, ремесел и искусств, к характерной для русского барокко энциклопедичности образования, к барочному представлению о государственности и долге монарха перед своей державой и ее подданными, к пониманию истории как цепи героических событий и поступков, чувствительность к западным, европейским влияниям и т. д. Даже сама мысль Петра о переходе просвещения из одной страны в другую по часовой стрелке, высказанная им в его речи при спуске корабля “Илья пророк”, была типично барочной. В просветительской поэзии Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева мы могли бы встретить многие идеи Петра... От барокко в Петре были многие черты его характера: склонность к учительству, уверенность в своей правоте, “богоборчество” и пародирование религии в сочетании с несомненной религиознос-

тью, доброта и жестокость и многое другое, что определяло противоречивость его натуры».

(Лихачев, 1978)

3.5. Просветительские приемы Петра основаны на эмигрантском стереотипе поведения

<В свое первое путешествие за границу> «Петр не только работал топором на Саардамской верфи, он знакомился с культурной ситуацией, он ездил “за идеями”. <Почему Петр выбрал Голландию?> Напомним, что в Голландии Петр основал русскую типографию. Иначе говоря, царь поступил в соответствии с эмигрантским стереотипом поведения: для идеологов всех толков Голландия была притягательна прежде всего как страна свободного книгопечатания. Пусть книги, выпущенные в этой типографии, по содержанию мелки. Но у них есть важная и общая черта: это книги светские (следовательно, амстердамская типография противопоставляется московскому Печатному двору, находившемуся в ведении патриарха Адриана); это книги многоязычные, утверждающие равноправие латыни, сакрального языка католиков, и национальных языков евангелистов. “Вмешательство” в традицию московского книгопечатания сам Петр считал первой своей реформой» *.

(Панченко, 1989)

3.6. Петр привел к власти новый образованный слой

«Единственное, может быть, что только и есть безукоризненного в реформе Петра Великого. Это право на образование установлено им на самом демократическом и плодотворном основании. В этом вопросе Петр Великий сознательно презрел права породы, выдвинув вперед образованного и поставил его выше боярина».

(Достоевский, 1863)

«Смена вероисповедания, прежде на Руси почти неслыханная, в канун петровских реформ превращается в некое поветрие.

* Любопытно, что после смерти владельца этой голландской типографии (1701) ее оборудование попало в руки шведов, которые использовали его для печатания антирусских материалов (см.: Пекарский, 1862).

Этот обычай красноречив: вера оказывается подчиненной знанию... Петр преследует двоякую цель — это европеизация и секуляризация, притом оба слагаемых одинаково весомы. Поэтому он сохраняет и приумножает цивилизационные элементы в доставшемся ему наследстве (элоквицию, поэзию, мажорно-минорную музыку, театр, регулярную школу). В тогдашней ситуации цивилизационная струя отождествлялась с церковностью, ибо профессиональная интеллигенция в абсолютном большинстве состояла из духовенства, черного или белого. Но это — церковная оппозиция, ученые — “черкасы”, присмирившие после репрессий рубежа 1680—1690-х гг. Петр превращает оппозиционный слой в правящий, усилив его за счет помещения в Москве новых “черкас” (среди них были такие крупные фигуры, как св. Димитрий Ростовский). Царь полагает, что таким образом повысится интеллектуальный потенциал русской церкви, и в известном смысле царь прав».

(Панченко, 1991)

3.7. Русский народ виноват в том, что не сумел использовать просветительские усилия Петра

«Потом явился на Руси царь, умный и великий, который захотел русского человека умыть, причесать, обрить, отучить от лени и невежества; взвыл русский человек гласом великим, замахал руками и ногами; но у царя была воля железная, рука крепкая, и потому русский человек, волею или неволею, а засел за азбуку, начал учиться и шить, и кроить, и строить, и рубить. И в самом деле, русский человек стал походить с виду как будто на человека: и умный, и причесан, и одет по форме, и знает грамоту, и кланяется с пришаркиванием, и даже подходит к ручке дам. Все это хорошо, да вот что худо: кланяясь с пришаркиванием, он, говорят, расшибал нос до крови, а подходя к ручкам прелестных дам, наступал на их ножки, цепляясь за свою шпагу и не умея справляться с треуголкой...»

(Белинский, 1836)

«Вот уже почти полтора десятилетия лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудья для дела, и до сих пор остаются так же пустынные, грустные и безлюдные наши пространства, так же неприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились неприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радушным, родным

приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный стационный смотритель с черствым ответом: "Нет лошадей!" Отчего это? Кто виноват? Мы или правительство? Но правительство во все время действовало без устали. Свидетельством тому целые тома постановлений, узаконений и учреждений, множество построенных домов, множество изданных книг, множество заведенных заведений всякого рода: учебных, человеколюбивых, богоугодных и, словом, даже таких, каких нигде в других государствах не заводят правительства... А как было на это все ответствовано снизу?.. Везде, куда ни обращусь, вижу, что виноват применитель, стало быть, наш же брат: или виноват тем, что поторопился, желая слишком скоро прославиться и схватить орденишку; или виноват тем, что слишком сгоряча рванулся, желая, по русскому обычаю, показать свое самопожертвованье; не расспросясь разума, не рассмотрев в жару самого дела, стал им ворочать как знаток, и потом вдруг, также по русскому обычаю, простыл, увидевши неудачу; или же виноват, наконец, тем, что из-за какого-нибудь оскорбленного мелкого честолюбия все бросил и то место, на котором было начал так благородно подвигаться, сдал первому плуту — пусть его грабит людей».

(Гоголь, 1843)

4. РУССКИЙ ЕВРОПЕИСТ

4.1. Петр угадал европейское предназначенье России

«Петр I, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал»*.

(Екатерина II, 1790)

Тезис о том, что Петр интуитивно двинул Россию в правильном, предназначенном ей судьбой — европейском — направле-

* Екатерина II прямо следует здесь за оценкой петровских преобразований у Монтескье: «Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие <в допетровской Руси> нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смещением разных народов и завоеваниями. Петр I сообщил европейские нравы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он сам не ожидал».

нии, получил развитие у Пушкина («не презирал страны родной, он знал ее предназначенье» — Пушкин, 1826*), а затем у Добролюбова, Кавелина и Вейдле:

«В то время требовались необыкновенные способности умственные, чтобы верно угадать и определить силу и значение новых элементов, вторгавшихся в народную жизнь; требовалась и чрезвычайная сила характера, чтобы твердо ступить на новую дорогу и неуклонно идти по ней. И то и другое нашлось у Петра; но не было ни того, ни другого в предшествующие ему правления... Алексей Михайлович, конечно, мог бы заметить брожение, бывшее в народе, и мог бы им воспользоваться для блага государства, подобно Петру; но у него не было той решимости, той деятельной и упорной энергии, какую обладал его сын».

(Добролюбов, 1858)

«Если б реформа остановилась со смертью Петра Великого, то не могло бы оставаться сомнения в том, что Московское государство принадлежит к азиатской, а не европейской группе. Мало ли было брожений и великих государей на Востоке! Единичные явления сами по себе ничего не значат и подтверждают, а не опровергают общее правило. Внешний характер петровского преобразования служил бы в таком случае новым доказательством, что мы азиатский народ. Но в том-то и сила, что дело Петра не умерло после него на русской почве; напротив того, оно, несмотря на крайне неблагоприятные обстоятельства, пустило корни и продолжалось почти полтора века, вплоть до нашего времени. Вместо того, чтоб ослабить Россию, реформа вызвала к деятельности дремавшие в ней громадные силы и развила их в невиданных размерах. Вот почему нельзя не признать реформы Петра органическим явлением великорусской жизни — явлением, которое по своей своеобразности и необычайности требует самого внимательного рассмотрения. Зная судьбы преобразования в России, мы не вправе говорить свысока, с пренебрежением о полувосточном характере брожения, которое предшествовало эпохе Петра, о крутом, насильственном, внешнем характере его реформы: все это имеет свое значение и свой определенный смысл,

* Именно в этом смысле интерпретирует данную фразу Пушкина С. Франк: «Петр, таким образом, повел Россию по пути европейской культуры, по мнению Пушкина, именно исходя из убеждения, что национальный склад русского ума и духа может на этом пути осуществить себя, свое собственное внутреннее предназначение» (Франк, 1949).

есть характеристика приготовления и обстановки событий, которым нет подобных в истории».

(Кавелин, 1866)

«Когда ему <Петру> не было еще и двенадцати лет, в октябре 1683 года, во всех московских церквях служили благодарственные молебны по случаю освобождения Вены от турецкой осады: басурманской столицей та раскольникья, стрелецкая, избяная Белокаменная все же не была. Когда Петр, подросши, растолкал, взбудоражил ее, осквернил и развенчал, когда он всю страну “вздернул на дыбы” и выстегал заморской плетью, многое так и осталось поруганным и оскверненным, но переворот был все-таки направлен верно; окно прорублено на Запад, а не на Восток. Доказательством этому служат все дальнейшие двести лет, и прежде всего тот необыкновенно бодрый и быстрый рост государственной, хозяйственной и созидательно-духовной жизни, которым было отмечено время от Ломоносова до Пушкина».

(Вейдле, 1938)

4.2. Петр — ускоритель уже начавшейся до него европеизации

«Реформа, предпринятая Петром Великим, была начата царем Алексеем Михайловичем. Этот последний уже приступил к изменению одежды и многих других обычаев...»

(Екатерина II, 1790)

«Петр Великий был здесь только деятельным, счастливым совершателем предприятия, замышленного, может быть, и без дальних видов, его предками».

(Погодин, 1838)

«Было бы ошибочно думать, что Петр — какая-то случайность в русской истории. Можно доказать положительными данными, что все его преобразования, не исключая ни одного, были постепенно приготовлены предшествующим временем и развитием: все вопросы решены им в том духе, в каком они поставлены предшествующей историей, только решены резко, круто, быстро. Петр — фокус, в котором они внезапно сосредоточились и ярко разрешились. Оттого он стал на грани между двумя периодами русской истории и заслонил собою прошедшее».

(Кавелин, 1864)

«В течение XVII в. явно обозначились новые потребности государства и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII веке, в так называемую эпоху преобразований».

(Кавелин, 1866)

«В наследство от предшественников Петр получил и «европеизацию», притом это было неоднородное и пестрое наследство. Оно создавалось усилиями двух поколений и «грекофилов» (Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский), и «латинствующих» (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев), и людей, которых трудно причислить к той или иной группировке».

(Панченко, 1989)

4.3. Петр возвратил Россию в семью европейских христианских народов

Об этом говорила уже Екатерина Великая, которая в ответ на предложение французского эмигранта Сенак де Мельяна написать историю России XVIII в. поставила условие, что автор должен признать, что до Смутного времени Россия «шла наравне со всей Европою» и только смуты конца XVI—начала XVII вв. «остановили ее успехи на 40 или 50 лет».

(Екатерина II, 1790)

«Враги Петра были правы, обвиняя его в насилии над Россией, которую он посылал, как выдвигенца на рабфак, в представлявшуюся его трезвому, слишком трезвому уму бездушную, уже почти “американскую” (т. е. исключительно технически-промышленную) Европу; но его воля была все-таки праведной волей, и он прорвался с Россией не куда-нибудь, наугад, а именно туда, куда его влекло уже долгое ее прошлое. То, что он совершил, было величайшим событием в истории европейского единства, великим возвратом ее востока к ее западу. На основании Константинополя, через четырнадцать веков, он ответил основанием Петербурга».

(Вейдле, 1936)

«Допетровская русская культура была западней византийской, и потому дело Петра было лишь законным завершением того кружного исторического пути, который начался перенесением римской столицы в Константинополь и кончился перенесением русской столицы в Петербург. Религиозная, государствен-

ная, правовая жизнь древней Руси, при всех отличиях от Запада, все же меньше отличалась от него, чем соответствующие области византийской культуры, а кое в чем была ближе к нему, чем к самой византийской своей наставнице... Допетровское русское искусство, прежде всего орнамент и архитектура, менее, чем иконопись, связанные церковным послушанием, — неопровержимое свидетельство не только европейскости России (в ее пользу говорит уже сама византийская преемственность), но и ее поворота к Западу, не придуманного, а отгаданного и так свирепо, судорожно, но и бесповоротно завершеного Петром... Константин раздвоил, Петр восстановил европейское единство... Даже если бы древнерусская культура не была частью европейской, а соответствовала во всем славянофильским или евразийским представлениям о ней, новой русской культуры было бы вполне достаточно, чтобы доказать предначертанность для России не какого-нибудь, а именно европейского пути. Если бы Петр был японским микадо или императором ацтеков, на его земле завелись бы со временем авиационные парки и сталелитейные заводы, но Пушкина она бы не родила».

(Вейдле, 1938)

«Петровское обращение к Западу было не только неизбежным, но и необходимым. Только в этой свободной встрече с миром Россия стала сама собой, выросла во весь свой рост, нашла свое призвание, и призвание это — преодолеть тот страшный разрыв между “Востоком” и “Западом”, начавшийся в эпоху Средневековья, который составляет главный грех Христианского мира. В России много спорили о Востоке и Западе. Но на деле, сама собой, Россия вняла ту давно выпавшую из европейского сознания истину, что само это противоположение ложное, больше того, греховное, — ибо есть ложь на изначальное единство христианского мира, духовная история которого восходит к чуду Пятидесятницы. Все лучшее, что создала Россия, было результатом внутреннего примирения “восточного” и “западного”, то есть всего истинного и неумирающего, что выросло в ней из византийских семян, но что прорасти могло только включившись снова в общую историю христианского человечества».

(Шмеман, 1954)

4.4. Петр — «западник поневоле»

«Цель Петра была гораздо проще, практичнее. Ему нужно было сильное регулярное войско, которое умело бы драться не

хуже шведских и немецких армий; ему нужно было иметь хорошие литейные заводы, пороховые фабрики; он понимал, что элементы военного могущества ненадежны, если его подданные сами не обучатся вести военную часть, как ведут ее немцы, если мы останемся по военной части в зависимости от иностранных офицеров и техников; стало быть, представлялась ему надобность выучить русских быть хорошими офицерами, инженерами, литейщиками. Раз пошедши по этой дороге, занявшись мыслью устроить самостоятельное русское войско в таком виде, как существовало войско у немцев и шведов, он по своей энергической натуре развил это стремление очень далеко и, заимствуя у немцев или шведов военные учреждения, заимствовал, кстати, мимоходом и все вообще, что встречалось его взгляду. Но эти прибавки были уже только делом второстепенным, неважным, а главное дело составляли военные учреждения. Когда некоторые из его подданных стали роптать и противиться, он, как человек пылкий и настойчивый, не уступил оппозиции, а только разгорячился от нее, и стал делать все наперекор людям, его раздражавшим: они любили бороды — отнять у них бороды, они любили держать жен взаперти — выпустить жен; если бы они любили брить бороды, он заставил бы их отпускать бороды. Прежняя администрация была ему враждебна — он ввел другую администрацию, взяв ее у немцев или шведов, не потому, что немецкие административные формы были тогда лучше русских... просто потому, что прежние враждебные формы надобно было заменить другими, которые были бы удобнее для своего учредителя. Ломка старины производилась просто по ее враждебности, а не по какому-нибудь другому соображению, шла война с нею, и только всего; а самая война вытекала просто из непонятливости противников Петра, вообразивших его вообще любителем Запада, между тем как ему были нужны собственно только военные учреждения Запада. Но, разумеется, когда эта ошибка противников вызвала Петра Великого на внутреннюю войну, он действительно стал поступать, будто приверженец Запада, ломая старинные учреждения и заменяя их западными».

(Чернышевский, 1861)

«Петра часто изображали слепым беззаветным западником, который любил все западное не потому, что оно было лучше русского, а потому, что оно было непохоже на русское, который хотел не сблизить, а ассимилировать Россию с Западной Европой. Трудно поверить, чтобы всегда расчетливый Петр был расположен к таким платоническим увлечениям... Он просто делал то,

что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой: он и сам не замечал, как этими текущими делами он все изменял вокруг себя, — и людей, и порядки... Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам».

(Ключевский, 1890-е)

4.5. Петр — европеист-просветитель, обреченный на неудачу

«Решившись создать русскую цивилизацию, решившись превратить в европейцев те миллионы своих подданных, которые еще не обнаруживали ни малейшего желанья и не чувствовали ни малейшей потребности изменить свой стародавний быт, Петр, очевидно, вступил в борьбу уже не с единичною волею, и даже не с массою единичных воль, а просто с стихийною силою, с природою, с физическими законами вещества. Переделать целое поколение своих современников и устранить влияние этого поколения на подрастающую молодежь значило создать для целой обширной страны новую, искусственную атмосферу жизни. Выполнить такого рода задачу было так же невозможно, как, например, изменить в России климат или поворотить назад все течение Волги, или сровнять с землею Уральский хребет. Принимаясь за свое невыполнимое дело, наш Илья Муромец XVIII века вступал в борьбу с таким богатырем, который даже по своей огромности не мог чувствовать его ударов, который даже не давал себе труда сопротивляться его усилиям. Да и к чему было сопротивление, когда усилия сами собою разбивались об естественные препятствия, об очевидную невозможность?»

(Писарев, 1862)

4.6. Петр — европеист-варвар

«Историки говорят о московской грязи и об европейской чистоте. Процент того и другого и в Москве, и в Европе сейчас установить довольно трудно. Версальский двор купался, конечно, в роскоши, но еще больше он купался во вшах: на карточный стол короля ставилось блюдечко, на котором можно было давить вшей. Были они, конечно, и в Москве; больше их было или меньше — такой статистики у меня нет. Однако кое-что можно было бы сообразить и, так сказать, косвенными методами: в Москве были бани и Москва вся — городская и деревенская — мылась в банях, по крайней мере, еженедельно. В Европе бань

не было... Петр — в числе прочих своих войн — объявил войну и русским баням... Даже с правезом и под батогами московская Русь защищала свое азиатское право на чистоплотность... Сказка о сусальной Европе и варварской Москве есть сознательная ложь. Бессознательной она не может быть: факты слишком элементарны, слишком общеизвестны и слишком уж бьют в глаза. И ежели Петр привез из Европы в три раза расширенное применение смертной казни, борьбу с банями и еще некоторые другие вещи, — то мы имеем право утверждать, что это не было ни случайностью, ни капризом Петра — это было европеизацией: живет же просвещенная Европа без бань? — нужно ликвидировать московские бани. Рубят в Европе головы за каждый пустяк? — нужно рубить их и в Москве. Европеизация — так европеизация! Европеизацией объясняются и петровские кощунственные выходки... Европа эпохи Петра вела лютеранскую борьбу против католицизма. И арсенал снарядов и экспонатов петровского антирелигиозного хулиганства был попросту заимствован из лютеранской практики. Приличиями и чувствами меры тогда особенно не стеснялись, и, подхватив лютеранские методы издевки над католицизмом, Петр только переменял адрес: вместо издевательств над католицизмом стал издеваться над православием».

(Солоневич, 1940-е)

5. ПРОВОЗВЕСТНИК ВСЕМИРНОГО ПРИЗВАНИЯ РОССИИ

5.1. Петр приобщил Россию к универсальным культурным ценностям

«Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами... Избирать во всем лучшее есть действие ума просвещенного; а Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях... Надлежало, так сказать, свернуть голову закоренелому русскому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петр родился Государем какого-нибудь острова, удаленного от всякого сообщения с другими государствами, то он в природном великом уме своем нашел бы источник полезных изобретений и новостей для блага подданных; но, рожденный в Европе, где цвели уже Искусства и Науки во всех землях, кроме Русской, он должен был только разорвать завесу, которая скрывала от нас успехи разума человеческого, и сказать нам: “смотрите; сравняйтесь с ними, и потом,

если можете, превзойдите их!” Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие Иеремиады об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиономии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!... Как Спарта без Ликурга, так Россия без Петра не могла бы прославиться».

(Карамзин, 1790)

5.2. Петр отказался от национально-культурной ограниченности и тем самым сделал возможным реализацию универсалистского предназначенья России

«Западные государства приняли христианскую веру из Рима, Россия из Константинополя... Образование западное отличается точно так же от восточного: одному принадлежит исследование, другому верование; одному беспокойство, движение, другому спокойствие, пребываемость, одному неудовольствие, другому терпение, стремление вне и внутрь, сила средобежная и средостремительная, человек западный и восточный. Оба эти образования, отдельно взятые, односторонни, неполны, одному недостает другого. Они должны соединиться между собою, пополниться одно другим и произвести новое полное образование западно-восточное, европейско-русское. Вот здесь лицо Петра Великого получает для меня общеисторическое значение как основателя соединения двух всемирных образований, как начинателя новой эпохи в истории человечества!»

(Погодин, 1838)

«Через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на тако-

вые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что все это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в Царствии Божиим — стань всем слугой».

(Достоевский, 1876)

«Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее <реформу>, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр, несомненно, повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его в его деле к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно, уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, — ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!.. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите».

(Достоевский, 1880)

«Когда в Москве третьему Риму грозила опасность неверно понять свое призвание и явиться исключительно восточным царством во враждебном противуположении себя Западу, Провидение наложило на него тяжелую руку Петра Великого. Он беспощадно разбил твердую скорлупу исключительного национализма, замыкавшую в себе зерно русской самобытности, и смело бросил это зерно на почву всемирной европейской истории».

(Соловьев В., 1882—1883)

«Настоящая империя есть возвышение над культурно-политической односторонностью Востока и Запада, настоящая империя не может быть ни исключительно восточною, ни исключительно западною державою. Рим стал империею, когда силы латино-кельтского запада уравнились в нем всеми богат-

ствами греко-восточной культуры. Россия стала подлинною империею, ее двухглавый орел стал правдивым символом, когда с обратным ходом истории полуазиатское царство Московское, не отрекаясь от основных своих восточных обязанностей и преданий, отреклось от их исключительности, могучей рукой Петра распахнуло окно в мир западноевропейской образованности и, утверждаясь в христианской истине, признало — по крайней мере в принципе — свое братство со всеми народами... Оставшийся всецело русским, несмотря на свое поклонение Европе, Петр Великий и ставшая всецело русской, несмотря на свой природный европеизм, Екатерина II оставили нашему отечеству один завет. Их образ и их исторические дела говорят России: будь верна себе, своей национальной особенностью и в силу ее будь универсальна».

(Соловьев В., 1896)

«Разрывая круг московской национальной замкнутости, который грозил сделаться для своей же национальной культуры мертвою петлею, и вовлекая Россию в Европу, в культуру вселенскую, Петр тем самым приближал возможность участия России во всемирно-историческом процессе Богочеловечества. И в этом смысле дело Петра не только дело религиозное, но и святое подлинною христианскою святостью. Просвещая Россию светом вселенской культуры, он в то же время просвещал ее или, по крайней мере, готовил к просвещению светом Христовым, который ведь идет не только от первого, прошлого, но и от грядущего, второго пришествия Господа — “в силе и славе”».

(Мережковский, 1906)

«Россия должна была преодолеть свою изоляцию и приобрести к круговороту мировой жизни. Только на этих путях возможно было мировое служение русского народа».

(Бердяев, 1937)

5.3. Петровский синтез российских стихий и западных элементов создал новую великую Россию

«Был на сем свете великий естествоиспытатель по имени Петр Великий; ему достался на долю организм чудный, достойный его духа. Глубоко вникнул Великий в строение этого чудного мира; он нашел в нем размеры огромные, силы исполинские, крепкие, закаленные зубчатые колеса, прочные упоры, быстрые шестерни — но этой огромной системе сил недоставало маятника; оттого мощные элементы этого мира доходили до действий,

противоположных существу их; чувство силы тянулось к совершенной беспечности, поглотившей племена азийские; многосторонность духа, выражавшаяся дивною восприимчивостию и сродная чувству истины, не находила себе пищи и вяла в бездействии; еще несколько веков этих мгновений в жизни народа — и мощный мир изнурил бы себя собственной своею мощью. Великий знаток природы и человека не отчаялся; он видел в своем народе действие иных стихий, почти потерявшихся между другими народами: чувство любви и единства, укрепленное вековою борьбою с враждебными силами; видел чувство благоговения и веры, освятившее вековые страдания; оставалось лишь обуздать чрезмерное, возбудить заснувшее. И великий мудрец привил к своему народу те второстепенные западные стихии, которых ему не доставало: он умерил чувство разгульного мужества — строением; народный эгоизм, замкнутый в сфере своих поверий, — расширил зрелищем западной жизни; восприимчивости — дал питательную науку. Прививка была сильна; протекли времена, чуждые стихии усвоились, умирили первобытных — и новая, горячая кровь полилась в широких жилах исполина; все чувства его пришли в деятельность; напряжились дебелие мышцы; он вспомнил все неясные мечты своего младенчества, все, до того непонятные ему, внушения высшей силы; он откинул одни, дал тело другим, — вздохнул вольно дыханием жизни, поднял над Западом свою мощную главу, опустил на него свои светлые, непорочные очи и задумался глубокою думою... Чтобы достигнуть полного гармонического развития основных, общечеловеческих стихий, — Западу, несмотря на всю величину его, не достало другого Петра, который бы привил ему свежие, могучие соки славянского Востока!»

(Одоевский, 1844)

«Раз реформы Петра привились, раз новая Россия восходит к нему, живет в понятиях, созданных им, тем самым дано доказательство, что древняя Россия была лишь частной стороною проявления русской народности, что для России Петроград существует и необходим в той же мере, как и Москва».

(Топорков, 1915)

5.4. Петр перевернул представление русских о человечестве

«Эпоха Петра спасительно перевернула представление русских о человечестве; теперь оно начало слагаться не из двух, а уже из трех величин. Во-первых — великая западная культура

(тогда еще не замечали, что культур на западе — две: романо-католическая и северо-западная, в основном германская, тесно связавшая себя с протестантизмом). Эта единая, как казалось, западная культура была волшебно притягивающей, глубокой, зрелой, многосторонней; культура, удивительная, между прочим, и тем, что, становясь демократически трудолюбивой, она оставалась аристократически презрительной.

Во-вторых — неопределенное туманище “диких” и “языческих” народов, со включением в эту категорию, по причине собственного невежества, народов буддийских, индуистских и даже мусульманских: считалось, что у этих учиться нечему и по отношению к ним можно в свою очередь усвоить аристократический взгляд сверху вниз.

И, наконец, собственный сверхнарод: это хоть и не мессия, но и по объему своему, и по размерам территории, и по ощущению затаенной в нем силы предназначен, очевидно, к чему-то великому и вынужден торопливо нагонять упущенное».

(Андреев, 1958)

5.5. Петр — «великий человек» всего человечества

«Итак, разве Петр Великий — только потому велик, что он был русский, а не потому, что он был также человек и что он более, нежели кто-нибудь, имел право сказать о самом себе: я человек — и ничто человеческое не чуждо мне? Разве мы можем сказать о себе, что любим Петра и гордимся им, если мы не любим Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона, Густава Адольфа, Фридриха Великого и других представителей человечества? Что он нам ближе всех других, что мы связаны с ним более родственными, более, так сказать, кровными узами — об этом нет и спора, это истина святая и несомненная; но все-таки мы любим и боготворим в Петре не то, что должно или может принадлежать только собственно русскому, но то общее, что может и должно принадлежать всякому человеку, не по праву народному, а по праву природы человеческой. Гений, в смысле превосходных способностей и сил духа, может явиться везде, даже у диких племен, живущих вне человечества; но великий человек может явиться только или у народа, уже принадлежащего к семейству человечества, в историческом значении этого слова, или у такого народа, который миродержавными судьбами предназначено ему, как, например, Петру, ввести в родственную связь с человечеством».

(Белинский, 1841)

6. ТИПИЧНЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

6.1. Петр — истинный выразитель русского народного духа

«Я утверждаю, что Петр был архирусским человеком, несмотря на то, что сбрил себе бороду и надел голландское платье. Хомяков заблуждается, говоря, что Петр думал, как немец. Я спросил его на днях, из чего он заключает, что византийские идеи московского царства более народны, чем идеи Петра» *.

(Пушкин, 1830-е)

«Ученик Европы, он остался русским в душе, вопреки мнению слабоумных, которых много и теперь, будто бы европеизм из русского человека должен сделать нерусского человека и будто бы, следовательно, все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта».

(Белинский, 1845)

«Исходная точка западничества: там — свет, здесь — мрак безвыходного невежества; итак, к свету, на простор, как тот Медный Всадник, в обаятельно грозной личности которого трудно разочароваться нам всем даже до сих пор, даже после всех разоблачений страшных, окружающих ту личность и неотделимых от нее фактов, — и трудно именно потому, что этот Медный Всадник все-таки полнейший в добре и зле представитель нашего духа...»

(Григорьев, 1859)

«Странная вот еще эта черта, между прочим, и опять-таки черта, как мне кажется, общая в нашем развитии, — это то, что мы все маленькие Петры Великие наполовину и обломовцы на другую. В известную эпоху мы готовы с озлоблением уничтожить следы всякого прошедшего, увлеченные чем-нибудь первым встречным, что нам понравилось, а потом чуть ли не плакать о том, чем мы пренебрегли и что мы разрушили».

(Григорьев, 1862)

* Слова Пушкина приводятся по мемуарам А. Смирновой, точность которых неоднократно оспаривалась. Между тем в пользу подлинности данных слов Пушкина однозначно высказывались такие авторитеты, как Д. Мережковский и С. Франк (Мережковский, 1896; Франк, 1949).

«Петр Великий — с головы до ног великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; склад ума практический, без всякой тени мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость в беде; рядом с тем неразборчивость в средствах для достижения практических целей; безграничный разгул, отсутствие во всем меры — и в труде, и в страстях, и в печали. Кто не узнает в этих чертах близкую и родную нам природу великоруса? Но в каких громадных, ужасающих размерах она в нем высказалась!»

(Кавелин, 1866)

«Петр Великий, может быть, сразу и совершил перелом, потому что он был преимущественно русский по духу и по природе своей и потому что он знал свой народ. Он знал, что с ним ничего в долгий ящик откладывать нельзя. Для русского долгий ящик — тот же гроб».

(Вяземский, 1867)

«Петр воплотил в великом духовном перевороте дух максимализма, издавна присущий русскому народу. Он захотел довести до конца, сделать сразу то, что нарастало и назревало постепенно».

(Муравьев В., 1918)

«Варвар Петр был национальное всего бородатого и разужоженного прошлого».

(Троцкий, 1923)

6.2. Петр — «сын своего народа», «продолжатель народного дела»

«Он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великий человек есть всегда и везде представитель своего народа, удовлетворяющий свою деятельность известным потребностям народа в известное время. Формы деятельности великого человека установлены историей, бытом народа, среди которого он действует». «Как бы ни была велика и могуча личность Петра, как бы отрицательно ни относилось его преобразование ко всему старому, — все же он родился в том обществе, которое преобразовал, был дитя своего времени и обстоятельств, и в этом смысле сам он, так и его дело должны были находиться в органической связи с той средой, из которой возникли и к которой относились».

(Соловьев С., 1851)

«Петровский период сразу стал народнее периода царей московских. Он глубоко взошел в нашу историю, в наши нравы, в нашу плоть и кровь; в нем есть что-то необычайно родное наше, юное; отвратительная примесь казарменной дерзости и австрийского канцелярства не составляет его главной характеристики. С этим периодом связаны дорогие нам воспоминания нашего могучего роста; нашей славы и наших бедствий; он сдержал свое слово и создал сильное государство. Народ любит успех и силу».

(Герцен, 1857)

6.3. Петр — истинно русский по склонности к практическому здравомыслию

«Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит в будущее. Что хорошо, то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идет — ему все равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы — любопытный народец и поучиться у них он готов».

(Тургенев И., 1846)

6.4. Петр — истинно русский из-за готовности к «национальному самоотречению»

«В ту минуту, когда вступил на престол великий человек, призванный преобразовать Россию, страна не имела ничего против этого преобразования... Что касается средств, которыми он пользовался для осуществления своей программы, то он, естественно, нашел их в инстинктах, в быте и, так сказать, в самой философии народа, которого он являлся самым подлинным и в то же время самым чудесным выразителем... Я слишком хороший русский, я слишком высокого мнения о своем народе, чтобы думать, что дело Петра увенчалось бы успехом, если бы он встретил серьезное сопротивление своей страны... Но надо знать, что не впервые русский народ воспользовался этим правом отречения, которое, разумеется, имеет всякий народ, но пользоваться которым не каждый народ любит. Так часто, как мы... Эта склонность к отречению — прежде всего плод известного склада ума, свойственного славянской расе, усиленного затем аскетическим характером наших верований, — есть факт необходимый или, как принято теперь у нас говорить, факт органиче-

ский, надо его принять, подобно тому как страна по очереди принимала различные формы иноземного или национального ига, тяготевшие над ней. Отрицать эту существенную черту национального характера — значит оказать плохую услугу той самой народности, которую мы теперь так настойчиво восстанавливаем».

(Чаадаев, 1843)

«Петр Великий, его сподвижники и продолжатели его дела (Ломоносов) были настоящими носителями и выразителями русского народного духа... Реформа Петра Великого была в высшей степени оригинальна именно этим смелым отречением от народной исключительности (от мнимой поверхностной оригинальности), этим благородным решением пойти в чужую школу, отказаться от народного самолюбия ради народного блага, порвать с прошедшим народа ради народной будущности. Не национальное самолюбие, а национальное самоотречение в призвании варягов создало русское государство; не национальное самолюбие, а национальное самоотречение в реформе Петра Великого дало этому государству образовательные средства, необходимые для совершения его всемирно-исторической задачи».

(Соловьев В., 1884)

«Вопреки всякой видимости, реформа Петра Великого имела, в сущности, глубоко христианский характер, ибо была основана на нравственно-религиозном акте национального самоосуждения. Чтобы быть плодотворным, этот нравственный акт должен был непрерывно возобновляться. Россия не могла вдруг переродиться; реформа Петра Великого только открыла для нее путь поступательного движения и совершенствования».

(Соловьев В., 1888)

6.5. Петр — истинно русский из-за склонности к «поиску правды»

«Но правдой он привлек сердца...»

(Пушкин, 1826)

«Русский того времени, вместе с Петром, кощунствовал в комедиях “всепьянейшего собора”, он поработал мирской власти управление своей церкви, он насильствовал над народом, вызывая раскольничьи самосожжения, и т. д. Но он делал все это потому, что хотел уважать только правду, и если не замечал ее

хотя бы в самом святом месте, не хотел лицемерить и преклоняться перед тем, что, хотя бы глубоко ошибочно, перестал считать правдою. И во всем этом был залог будущего воскресения... Петр был величайшим выразителем русского человека в этой решимости жить только истиной, хотя бы она была “люторская”, голландская и какая угодно. Он готов был отречься от всего, в чем не видел истины, и прилепиться к чему угодно, если усматривал в нем истину. Петр и партия реформы, вокруг него сплотившаяся, хотели истины... И они пошли к знанию, пошли, как могли идти полуварвары, принимая за бриллианты грошовые стеклышки, но желая найти “бисер многоценный”, и готовые продать все свое имение, чтобы приобрести средства на покупку этого искомого ими «бисера многоценного» *.

(Тихомиров, 1904)

«В своей революции Петр I был в тысячи и тысячи раз более взыскующим Града Нового, чем девяносто из сотни староверов, сожигавших себя во имя “Святой Руси”».

(Иванов-Разумник, 1917)

* В. Муравьев — один из авторов знаменитого сборника «Из глубины» — трактует русскую склонность к «правдоискательству» как едва ли не главную интенцию российского западнического сознания: «Несомненно, что в восприимчивости русских людей к западному влиянию сказалась также основная черта их характера — искание ими последней правды, где бы она ни была. Русские люди не могли устоять перед тем, что сулила в этом смысле западная культура. В конкретном их мышлении она уже потому была истиной, что властно вторгалась в их жизнь, являлась в ней в осозаемых образах и формах... Русские интеллигенты остались русскими людьми, искали в европейских откровениях последнюю религиозную правду. И в каждой идее, в каждой теории старательно, ни перед чем не останавливаясь, ее выводили» (Муравьев В., 1918).

Вообще этот парадоксальный ход — объяснять послепетровский западнический максимализм «природной рускостью» характерен для многих «самобытников». Известный православный автор, игумен Геннадий (Эйкалович) отмечает, что в деятельности Петра и его окружения «были светлые стороны, были и темные. И вот к этим последним, несомненно, следует отнести быструю перемену настроения дворянства, охотно пошедшего навстречу импортированной “западнице”. Можно ведь было воспринимать западную культуру осторожно, без внезапного презрения к своему родному быту. Но такова, видно уж, “широта” русской природы» (о. Геннадий (Эйкалович), 1981).

6.6. Петр — русский богатырь *

«И вот умер этот добрый царь <Алексей Михайлович>, а на престол взошел юный сын его, который, подобный богатырям Владимировых времен, еще в детстве бросал за облака стопудовые палицы, гнул их руками, ломал их о коленки. Это была олицетворенная мощь, олицетворенный идеал русского народа в деятельные мгновения его жизни: это был один из тех исполинов, которые поднимали на рамена свои шар земной». «Народная фантазия в союзе с преданием, создала могучего богатыря, в мифическом образе которого видится образ самого народа и вместе символ его судьбы — Ильи Муромца, который, лишенный ног, тридцать лет сидел сиднем, а на тридцать первый погулять пошел. И действительно: добрый молодец расхотелся и разгулялся... С самой эпохи татарского ига Россия была оторвана от европейского мира и развивалась сама в себе изолированно, формировалась изнутри и извне и крепла в силах своей исполинской корпорации; но в отношении к общему развитию человечества она сидела сиднем, погруженная в дрему непробудную. И вдруг исполин, ростом и силою вровень с нею, поставил ее на ноги, разбудил от вековой дремоты — и она встала и пошла. С самого того мгновения, как царственный младенец начал тешиться в селе Преображенском с своею потешною ротою и потом могучею дланью крепко ухватился за бразды правления, Россия не имела минуты свободной, чтобы вздремнуть, чтобы забыться покоем от ратных и гражданских подвигов, от торжеств победы и славы, от триумфов завоеваний и приобретений».

(Белинский, 1839)

«Борьба между волею Петра и естественною силою обстоятельств напоминает собою... эпизод из богатырской жизни Ильи Муромца. Подобно Илье Муромцу, Петр чувствовал себя сильнее всех своих современников; силы его ума и воли были необыкновенны; положение его совершенно исключительно; все его приказания исполнялись буквально; все нарушители его воли подвергались жестокому наказанию; сопротивление было невозможно и немыслимо; даже недостаток усердия в повиновении считался преступлением; словом, все единичные воли без борь-

* Д. Мережковский полагает, что эта мысль берет начало в творчестве Пушкина: «В Петре он нашел наиболее полное историческое воплощение того героизма, дохристианского могущества русских богатырей, которое поэт носил в своем сердце, выражал в своих песнях» (Мережковский, 1896).

бы склонялись перед волею Петра, и Петр, как сказочный богатырь Илья Муромец, не находил себе соперников и противников между живыми людьми».

(Писарев, 1862)

«Петр со своими сподвижниками заканчивает, собственно говоря, древний, богатырский отдел русской истории. Это последний и величайший из богатырей; только христианство и близость к нашему времени избавили нас (и то не совсем) от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геркулеса. Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, как юная земля в допотопное время производила громадные существа, скелеты которых приводят в изумление наш мелкий род. Но становится страшно: куда будут направлены эти силы при таком отсутствии умеряющих, образовательных начал? Какие нравственные пеленки приготовило общество для Петра, как оно воспитает, образует исполина?» «У Петра была старинная русская богатырская природа, он любил широту и простор; отсюда объясняется, что кроме сознательного влечения к морю он имел еще и бессознательное; богатыри старой Руси стремились в широкую степь, богатырь новый стремился в широкое море... Богатырским силам соответствовали страсти, не умеренные правильным, искусным воспитанием. Мы знаем, как мог разнудываться сильный человек в древнем русском обществе, не выработавшем должных границ каждой силе; могло ли такое общество сдерживать страсти человека, стоявшего на самом верху?»

(Соловьев С., 1860-е)

7. НАСЛЕДНИК МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

7.1. Причина успехов Петра — в его легитимности как государя

«Что мы должны отнести на долю его гениальности и что на долю исторического процесса? Думаю, что аптеки, в которой могли бы быть взвешены отдельные составные части этой исторической микстуры, еще не существует. Думаю также, что в личной роли Петра огромную, решающую роль сыграло его право рождения, никакого отношения к гениальности не имеющее. Наши историки как-то не заметили и не отметили того факта, что Петр был не только царем, он был царем почти непосредственно после Смуты, то есть после той катастрофы, когда пре-

кращение династии Грозного привело Россию буквально на край гибели и когда только восстановление монархии поставило точку над страшными бедствиями гражданской войны, осложненной иностранной интервенцией. Московские люди семнадцатого века еще помнили — не могли не помнить — всего того, что пережила страна в эпоху междуцарствия. Распря Софьи с Петром грозила тем же междуцарствием — не оттого ли вся Москва так сразу, “всем миром”, стала на сторону Петра? И не оттого ли вся Россия, при всяческих колебаниях булавинских бунтов и староверческой пропаганды, все-таки, в общем поддерживала Петра? Петр для многих, очень многих, казался чуть ли не Божьей карой. Но был ли лучшим выходом Булавин, с его новыми ворами? Или Софья, с повторением семибоярщины? Или гражданская война в Москве, с повторением всей смутной эпопеи совсем заново? Петр для очень многих казался плохим — совсем плохим царем. Но самый плохой царь казался все-таки лучше самой лучшей революции».

(Солоневич, 1940-е)

«В условиях XVII столетия переворот, подобный перевороту Петра, мог осуществить только великий государственный гений при одном неслыханном, однако, условии: законности его власти в глазах современников. Гораздо более скромные начинания Бориса и Лжедмитрия, имевшие в виду сближение России с Западом, не были прощены русскими ни тому, ни другому и послужили одной из причин этих двух преждевременных смертей. Конечно, масштаб государственного разума этих двух государей далеко уступает гению Петра, но никакому узурпатору, будь он хотя бы и столь гениален, как Петр, общество той эпохи, еще полностью проникнутое идеей родового права на власть, не позволило бы, конечно, опрокидывать вековые общественные устои».

(Андреев, 1958)

7.2. Петр имел достойных предшественников

«Он имел великодушные, пронизывающие, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую... Но мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Забудем ли князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную и — что не менее важно — учредили твердое в

ней правление единовластное?.. Петр нашел средства делать великое — князья московские приготавливали оное».

(Карамзин, 1811)

7.3. Петр сохранил московские традиции

«Да, велика была древняя Россия, ибо она могла произвести Петра! Петр — ее цвет, ее плод, представитель лучших ее стремлений, призванный к осуществлению тех идеалов государства, которые смутно носились в голове московских царей... Петр Великий не ввел никаких новых начал в областное управление; он только привел в порядок существующие... Только беспорядок, господствовавший в администрации XVII в., дает нам смысл преобразований Петра Великого».

(Чичерин, 1856)

«Он был истинно русским человеком, не изменившим ни одному из важных в общественной жизни понятий и привычек, господствовавших у нас во время его детства и юношества. Чтобы убедиться в этом, надобно только обратить внимание на то, как он действует. Способ его действия чисто национальный, без малейшей примеси западного характера. По особенным обстоятельствам нашей истории в XVII веке сущность русского характера в общественной жизни определялась двояким отношением власти к форме. Во-первых, власть стояла выше всяких форм, и не было форм, которые могли бы стеснять ее действие. Людовик XIV мог мечтать, что одна его воля управляет Францией: она действительно была сильна, но были формы, без которых она не могла обходиться и которые часто мешали ей: существовали парламенты, существовали провинциальные сословные собрания. У нас таких препятствий не было. Но зато вся деятельность была обращена на форму, сущность дела была неуловима для контроля со стороны власти. Обе эти черты остались при Петре Великом во всей силе: первую заботливо хранил он, подобно своим предшественникам, вторая хранилась при ней сама собою, как в XVII веке».

(Чернышевский, 1861)

«Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Петр не был “царем-революционером”, как его иногда любят называть. Прежде всего деятельность Петра не была переворотом политическим: во внешней политике Петр строго шел по старым путям, боролся со старыми врагами, достиг небывалого успеха на Западе, но не упразднил своими успе-

хами старых политических задач по отношению к Польше и к Турции. Он много сделал для достижения заветных помыслов Московской Руси, но недоделал всего...

Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей...

В экономической политике Петра, в ее целях и результатах также нельзя видеть переворот. Петр ясно определил ту задачу, к решению которой неверными шагами шли и до него, — задачу поднятия производительных сил страны...

И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений. Старые культурные идеалы были тронуты до него; в XVII в. вопрос о новых началах культурной жизни стал резко выраженным вопросом. Царь Алексей, отчасти и царь Федор, вполне являлись уже представителями нового направления. Царь Петр в этом — прямой их преемник. Но его предшественники были ученики киевских богословов и схоластиков, а Петр был учеником западноевропейцев, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространении своих знаний в пароде, а Петр считал это одним из главных своих дел. Этим он существенно отличался от государей XVII в.»

(Платонов С., 1899)

«Новая идеология — только западный отблеск на старом восточном лице Московской России — “Российской Европии”. Подлинные черты лица изменились мало. Строя новую Россию по европейским образцам, русские государи не рубили сплеча старое. Приказывая все делать с примеру сторонних чужих земель, Петр Великий в государственном строительстве поступал осторожно и с разбором: брал для постройки из европейских образцов то, что “с ситуацией сего государства сходно”, или европейские образцы “складывал с русскими” и, если не находил подходящего материала на Западе, брал из старого — московского запаса... Западный свет не слепил глаз русских государей, когда они перестраивали Московское царство в Российскую Империю, и не исказил исконных московских черт русской государственной власти. И, если пристально взглянуть в лицо государственной власти Российской Империи, ее исконные московские черты выступают с убеждающей ясностью».

(Бунаков, 1932)

7.4. Петр довел до крайности московские традиции

«Петр не только не ослабил, но еще более усилил тягости, наложенные государством на общество... Видоизменив во многом внешние формы государственных учреждений, Петр оставил в полной неприкосновенности основные начала старой системы общественного устройства...»

(Кизеветтер, 1900-е)

«Порода отступала перед чином. Это было вполне согласно с тем ходом социально-политического развития Московского государства, который определился по меньшей мере со времен Ивана Грозного; опричнина для того и учреждалась, чтобы заставить породу попятиться перед выслугой. Европеизируя Россию, Петр и здесь довел до крайности ту черту ее строя, которая сближала ее с восточными деспотиями. По недоразумению, указанная черта принималась иногда за признак демократизма».

(Плеханов, 1914—1917)

«Не может быть ничего ошибочнее мысли, будто Петр ввел Россию в европейский мир, осуществив внутри нее некую европеизирующую цивилизационную революцию. Такой внутренней революции при Петре либо не видим, — либо, там, где видим, не находим в ней ничего “европейского”. Начнем с того, что в экономическом аспекте Россия и до и после Петра пребывала вне западного “мира-экономики”, образуя “мир-экономику в себе” (по словам Ф. Броделя). Петровский меркантилизм лишь усугубил это положение вещей. В социальном плане петровская политика закрепощения сословий довела до предела именно те черты российской социальности, которые наиболее гротескно контрастировали с общественной динамикой Запада. Говоря о “вестернизации” аппарата, воплощенной в “Табели о рангах”, не стоит забывать, что очень многие свои мероприятия, и прежде всего мобилизацию страны на Северную войну, Петр провел, опираясь на чиновническую систему XVII века в том ее виде, который она обрела с ликвидацией местничества Федором Алексеевичем. Кроме того, выразившийся, в том числе и в “Табели”, петровский проект всеобъемлющего служилого сословия имеет мало точек соприкосновения с бюрократиями Европы... В сфере религиозной культуры цезарепапистское православие Петра, при внешних англиканских переключках, в своей эксплуатации идеи “царей как Христов земных” логически увенчало византистские стилизации последних Рюриковичей и первых Романовых».

(Цымбурский, 1993)

7.5. Петр воспринял худшие нравы московских царей

«Многое в поступках Петра напомнило Руси времена старые, времена давно забытые. Александровская слобода царя Ивана оживала в Преображенском селе, и родитель царя Ивана, великий князь Василий Иванович, если бы встал из гроба, то нашел бы, что названный потомок его шагнул еще далее своего предка в свободе семейной жизни».

(Костомаров, 1875)

8. НЕТРАДИЦИОННЫЙ САМОДЕРЖЕЦ

«Петр является необычайно ярким исключением в ряду русских великих князей, потом царей, потом императоров: это был как бы взрыв индивидуальности на тысячелетнем фоне довольно однотипных строителей, хозяев и домоседов».

(Солоневич, 1940-е)

8.1. Петр — образцовый государь

«Кто тако, якоже ты, изучил и делом показал еси артикул сей, еже ходити по долженству своего звания? Мнози царие тако царствуют, яко простой народ дознатися не может, что есть дело царское. Ты един показал еси дело сего превысокого сана быти собрание всех трудов и попечений, разве что и призлишняя твоего звания являти нам в царе и просто воина, и многодельного мастера, и многоименитаго делателя? И где бы довело повелевати подданным должная, ты повеление твое собственными труды твоими и предваряешь и утверждаешь».

(Феофан Прокопович, 1718)

«Государь, не знающий своей страны и законов ее природы, не может и править: какие он проложит дороги? какие проведет каналы? культуру каких растений и животных подскажет он своему народу? какие насадит леса? какие отведет суховеи? какие осушит болота? какие оросит степи? какие укажет металлы и минералы, ископаемые и горные породы? Великие Государи все это разумели и обо всем этом пеклись, начиная от императора Адриана, 28 лет объезжавшего свое государство, и кончая французским королем Генрихом IV и особенно гениальнейшим из государей Петром Великим... Государь должен быть готов пожертвовать всеми своими силами, своим досугом, своими при-

страстями, своим личным счастьем (в любви и браке), своим здоровьем и своей жизнью. Великий прообраз этого дан в истории всеми воистину великими монархами, особенно же Петром Первым. Государь, вступая на престол, становится не просто властелином, но пленником и мучеником своей власти».

(Ильин, 1953)

8.2. Петр — не «божество на троне», а «простой смертный»

«Петр I не мог удовольствоваться жалкой ролью христианского далай-ламы, разукрашенного парчой и драгоценными камнями, которого издали показывали народу... Петр I предстанет перед своим народом как простой смертный».

(Герцен, 1850)

«Освобожденный от риторических прикрас и фимиама похвальных речей и лести, Петр является пред нами живым человеком, с ошибками и удивительными делами, с недостатками и чертами гения, с пороками и великими добродетелями...»

(Кавелин, 1866)

«На самом вершине пирамиды, там, где еще так недавно высилось нечто вроде живой иконы в строгом византийском стиле, медленно и важно выступавшей перед глазами благоговеющей толпы, выступавшей лишь на минуту, чтобы тотчас же вновь скрыться в темной глубине теремов, теперь виднелась нервная, подвижная до суетливости фигура в рабочей куртке, вечно на людях, вечно на улице, причем нельзя было разобрать, где же кончалась улица и начинался царский дворец. Ибо и там и тут было одинаково бесчинно, шумно и пьяно, и там и тут была одинаково пестрая и бесцеремонная толпа, где царского министра в золоченом кафтане и андреевской ленте толкали локтем голландский матрос, явившийся сюда прямо с корабля, или немецкий лавочник, пришедший прямо из-за прилавка».

(Покровский, 1910-е)

«Если сопоставить Петра и его предшественника царя Алексея Михайловича, то можно сделать тот общий вывод, что отец в соответствии с византийской традицией выглядел неземным существом, божеством на троне, а его сын предстанет перед современниками и потомством не божеством, а человеком, которому свойственны земные пороки и добродетели... Преемники Петра вновь вознеслись на небеса».

(Павленко, 1973)

8.3. Петр — и «царь по происхождению», и «вождь по личной доблести»

«Образуется новое общество, новое государство, и, как обыкновенно бывало при этом, является дружина со своим вождем, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхождению (*rex ex nobilitate*) становится вождем дружины по личной доблести (*dux ex virtute*) и удерживает за собой именно этот характер. В нем не было ничего, что старинные русские люди привыкли соединять со значением царя; это герой в античном смысле; это в новое время единственная исполинская фигура, каких мы видим много в туманной дали, при основании и устройении человеческих обществ. Следя за деятельностью Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имеем дело не с государем только, а с начальником нового общества, с вождем дружины, основывающей новое государство, с человеком, проникнутым исключительно одною мыслию, служащим одному началу...»

(Соловьев С., 1860-е)

«И вот преобразователь, или, лучше сказать, образователь, распоряжается материалом, сортирует его; подобно древним вождям дружин, он принимает каждого и дает ему место по мере способности. В древних дружинах большая или меньшая храбрость определяла место дружинника, степень приближения его к вождю: в дружине Петровой одной храбрости было мало, прежде всего требовалось искусство, образование; и так как иностранцы превосходили в этом отношении русских, то понятно, почему так много их вошло в дружину Петрову. Но Петр, как царь русский, при распоряжении своим материалом, который давал ему так мало твердого, сложившегося, определившегося, перед чем бы он должен был остановиться, Петр остановился, преклонился перед одним — перед народностью. В летах зрелых у него было правило: высшие места в управлении поручать русским, хотя бы они и уступали способностями и знанием иностранцам; последним же давать только места второстепенные...»

(Соловьев С., 1858)

8.4. Петр — мститель за поруганную честь славянства

«Вопли о великих обидах раздавались и при колыбели Петра; к жалобам русских людей присоединялись жалобы всеславянские. Все славянство плакалось на великую обиду; оно было бедно, слабо, грубо, порабощено, поругано от иноземцев, гордых

своим богатством, силою, наукою; восток Европы, бедный, обделенный природой-мачехой, обделенный историей, жаловался на великую обиду от Запада... Великий человек родился и вырос среди этих воплей; он чувствовал, что должен быть мстителем за обиду, восстановителем чести и славы народной».

(Соловьев С., 1861)

8.5. Петр — «работник на троне», «царь-мастеровой»

Идея восходит к Ломоносову и его «Слову похвальному Петру Великому».

(Ломоносов, 1755)

«То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник».

(Пушкин, 1826)

«Петр Великий, прежде нежели завел в России первую типографию, должен был сам нарисовать формы новых букв; прежде нежели увидел первый печатный лист, должен был своими державными руками править корректуру; прежде нежели увидел обученное войско, должен был собою показать идеал солдата, идеал повиновения; прежде нежели увидел успех военных укреплений и флота, должен был сам быть и кузнецом, и плотником, и слесарем, и столяром, словом, всем».

(Белинский, 1836)

«Все видят, как этот неутомимый труженик, одетый в скромный сюртук военного покроя, с утра до вечера отдает приказанья и учит, как надо их выполнять; он кузнец, столяр, инженер, архитектор и штурман. Его видят везде, без свиты разве только с одним адъютантом, возвышающегося над толпой благодаря своему росту».

(Герцен, 1850)

«Болезнь русского общества заключалась в варварском начале косности, в стремлении как можно меньше делать и жить на чужой счет: отсюда главный деятель переворота, Петр, явился олицетворением противоположного начала, начала труда, явился вечным работником на троне, по выражению поэта; отсюда ожесточенное преследование праздности, тунеядства, отбывания от службы».

(Соловьев С., 1861)

«Петр был великий хозяин, всего лучше понимавший экономические интересы, всего более чуткий и к источникам государственного богатства; подобными хозяевами были и его предшественники, цари старой и новой династии; но те были хозяева-сидни, белоручки, привыкшие хозяйничать чужими руками, а из Петра вышел подвижной хозяин-чернорабочий, самоучка, царь-мастеровой». «Петр прожил свой век в постоянной и напряженной физической деятельности, вечно вращаясь в потоке внешних впечатлений, и потом развил в себе внешнюю восприимчивость, удивительную наблюдательность и практическую сноровку. Но он не был охотник до досужих общих соображений; во всяком деле ему легче давались подробности работы, чем ее общий план; он лучше соображал средства и цели, чем следствия; во всем он был больше делец, мастер, чем мыслитель...»

(Ключевский, 1890-е)

8.6. Петр — слуга Отечества

«Он, подобно служилому князю древней России, все делал сам, подобно любимому богатырю народного эпоса, видел в избытке силы и избыток обязанности, а это-то и не могло, несмотря на всю грозность Петра, не действовать обаятельно на народ. Петр, употребляя выражение эпическое, царем на Руси служил, служил верой и правдой, бодро тянул тягло заодно с народом».

(Миллер, 1873)

«Петру принадлежит важная заслуга первой попытки дать своей бесформенной и беспредельной власти нравственно-политическое определение... Настойчиво твердя в своих указах о государственном интересе как о высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже ставил государя в подчиненное отношение к государству как к верховному носителю права и блюстителю общего блага. На свою деятельность он смотрел как на службу государству, отечеству...»

(Ключевский, 1890-е)

8.7. Петр — и «мудрый государь», и «самовластный помещик»

«Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелатель-

ства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика».

(Пушкин, 1831)

8.8. Петр «и патриот, и ненавистник России»

«Велик был тот момент русской жизни, когда великая, вполне русская воля Петра решилась разорвать оковы, слишком туго сдавившие наше развитие. В деле Петра (мы уж об этом теперь не спорим) было много истины. Сознательно ли он угадывал общечеловеческое назначение русского племени, или бессознательно шел вперед, по одному чувству, стремившему его, но дело в том, что он шел верно. А между тем форма его деятельности, по чрезвычайной резкости своей, может быть, была ошибочна. Факт преобразования был верен, но формы его были не русские, не национальные, а нередко и прямо, основным образом противоречившие духу народному. Народ не мог видеть окончательной цели реформы, да вряд ли кто-нибудь понимал ее даже из тех, кто пошел за Петром, даже из так называемых “птенцов гнезда Петрова”; они пошли за преобразователем слепо и помогали власти для своих выгод. Если не все, то почти так. Где же было тогда народу угадать, куда ведут его? До него и теперь-то достигла только одна грязная струя цивилизации... Но то, что было в реформе нерусского, фальшивого, ошибочного, то народ угадал разом».

(Достоевский, 1861)

«В том-то и была беда Петра, что желание Руси обновиться он понял по-своему, исполнял его тоже по-своему — деспотически прививал в жизнь не то, в чем она нуждалась. Поэтому Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться, дать более простору жизни — но только до сих пор он и был народен... Выражаясь точнее, одна идея Петра была народна. Но Петр как факт был в высшей степени антинароден... Во-первых, он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов, сделав дело преобразования не делом всего народа, а делом своего только произвола. Деспотизм вовсе не в духе русского народа... То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменою народному духу...»

(Достоевский, 1862)

«К России относился он двояко. Он вместе и любил, и ненавидел ее. Любил он в ней собственно ее силу и мощь, которую не только предчувствовал, но уже сознавал, — любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни — самую жизнь эту, как с ее недостатками, так и с ее достоинствами. Если бы он не ненавидел ее со всей страстностью своей души, то обходился бы с нею осторожнее, бережнее, любовнее. Потому в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т. е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства... Но деятельностью второго рода он принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело)» *.

(Данилевский, 1868)

8.9. Петр — «смесь монарха с вождем», «царь с отсебятиной»

«Моя собственная теория, вероятно, уже известная читателям, относится к культу личности довольно мрачно: “гений в политике — это хуже чумы”... Ибо монархия есть единоличная власть, подчиненная традициям страны, ее вере и ее интересам, иначе говоря, власть одного лица, но без отсебятины. Вождь — тоже одно лицо, но с отсебятиной. Петр был смесью монарха с вождем — редкий пример царя с отсебятиной».

(Солоневич, 1940-е)

* Эта двойственная «любовь-ненависть к России», по мнению Данилевского, все-таки отличает Петра от некоторых его ближайших преемников — чистых русофобов: «После Петра наступили царствования, в которых правящие государством лица относились к России уже не с двойственным характером ненависти и любви, а с одною лишь ненавистью, с одним презрением, которым так богато одарены немцы ко всему славянскому, в особенности ко всему русскому» (Данилевский, 1868).

8.10. Петр — смешение «патриарха духовного» и «патриарха булатного», «первосвященства христианского» и «первосвященства языческого»

«Главная слабость Петра, источник всех его ошибок, заключалась в том, что он в своем сознании не умел отделить себя как “патриарха духовного” от себя же как “патриарха булатного”, свое первосвященство христианское от своего первосвященства языческого... Будучи, по крайней мере, в главной своей деятельности, в приобщении России к вселенской культуре, истинным “духовным патриархом”, он слишком часто казался себе и другим — патриархом “булатным”, только “булатным”, только мирским царем мирского царства».

(Мережковский, 1906)

8.11. Петр — создатель Абсолютизма

«Петербургский период не был продолжением исторической монархии — то было начало молодого, деятельного, не знающего узды деспотизма, равно готового и на великие дела, и на великие преступления».

(Герцен, 1850)

«При вступлении на престол Петра I, кроме царской власти, находились в России еще два начала устройства. Первое: собрание представителей, под наименованием Земской Думы, или Государственного Собора, могущих обратиться в парламент, если бы их собрания были периодические в установленные единожды сроки, круг действий определен и внутреннее устройство основано на благоразумных началах, необходимых для законодательного собрания. Второе начало — тогдашнее духовенство. Петр не собирал Земской Думы, пренебрегая мнением своего народа и отстраняя его от непосредственного участия в своих делах. Следуя понятию реформаторства, он объявил себя произвольно главою церкви, истребил власть духовенства и поколебал уважение к нему народа».

(Муравьев Н., 1839)

«Вздернув Россию, по выражению Пушкина, “на дыбы”, великий царь раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества. Все учреждения, хоть отчасти сдерживавшие царскую власть, были уничтожены, все предания и обычаи, хоть немного охранявшие его достоинство, были забыты...»

(Плеханов, 1889)

«Путем этих подробных указов и регламентов правительство Петра развивает самую обширную полицейскую деятельность. Из них оно делает помочи, на которых ведет подданного, лишив его векового посоха, помогавшего ему медленно подвигаться вперед, каким был для него обычай. Оно окружает его теперь самую заботливою опекою и вмешивается во все сферы его жизни, подчиняя их своим указаниям, которые оно считает благодетельными... Чем же руководствовалась сама верховная власть в этой задаче направлять подданных? Этим началом, этим светом, во имя которого она боролась с “глупостью и недознанием” и вооружалась против обычая, — было то самое, которое было открыто философией XVI в., провозглашено в XVII в., стало руководящим и было даже обоготворено в XVIII в. Это был разум. Абсолютную верховную власть, ведущую народ и перестраивающую его жизнь по требованиям разума, мы и видим в реформах Петра. Разум не мирится с обычаем, он стремится перестроить жизнь по-своему — вот почему эта реформа получила такой радикальный характер всеобъемлющей ломки. Она и должна была заглянуть во все темные уголки, где господствовал обычай, чтобы изгнать его оттуда, она должна была дотронуться до всех явлений современной жизни, чтобы положить под каждое из них новое основание».

(Богословский, 1902)

«Петр I, в противоположность своему отцу и деду ломавший древний тип установлений, заменивший Боярскую Думу Сенатом и патриарха Синодом, открыто провозгласил новое начало абсолютизма: “Его величество есть самовластный государь, который никому в свете ответа давать не должен”. Включив эту декларацию самовластия в воинский устав 1716 г., Петр невольно подчеркнул тесную связь абсолютизма с новой регулярной армией».

(Павлов-Сильванский, 1907)

8.12. Петр — создатель агрессивного полицейского государства

«Только Петр сделал Россию государством в собственном смысле слова, государством, по тогдашним понятиям, направленным исключительно к насильственному расширению, машиною для порабощения иноземных наций, причем сам народ рассматривался не как цель, а как простое орудие для завоевания. На этой основе развивалось российское государство... Но чем более оно расширяется вовне, тем более оно становится чуждым

собственному народу. Это объясняется самым естественным образом. Механическое, направленное исключительно на завоевание государство может требовать от своего народа трех вещей: денег, солдат и внешнего спокойствия, относясь равнодушно к средствам, с помощью которых последнее поддерживается. Такое государство третирует свой собственный парод как народ завоеванный, оно является государством угнетательным внутри, как и вовне. Все управление обращается в полицию... Крестьян же он закрепил просто по полицейским соображениям для того, чтобы возложить на помещиков ответственность за покойное поведение крестьян, за регулярную уплату ими налогов и поставку рекрутов... Полицейское государство в том виде, в каком его создал Петр и в каком оно существует до сих пор, не способно ничего улучшить, ничего освободить, ничего реформировать. Оно может только угнетать и мешать — мешать, покуда возможно... Петр подчинил русский народ власти дворянства не для того, чтобы этим пожаловать последнее, а скорее для того, чтобы превратить всех помещиков в бесплатных царских полицейантов, служба которых при этой системе незаменима и без посреднических действий которых вся государственная машина должна была бы остановиться».

(Бакунин, 1849—1850)

«Старый земский тип русского государства был при Петре смят, скомкан и заменен так называемым типом полицейского государства, господствовавшим тогда почти во всей континентальной Западной Европе».

(Аксаков И., 1884)

«Никогда, нигде не было такого сыска, как при Петре в России».

(Пильняк, 1919)

8.13. Петр — инициатор геополитического противостояния России и Европы

«“Западничество” Петра, хорошо осознавшего положение России как особой “части света”, имело два измерения. С одной стороны, это пафос сугубо геополитического прорыва к европейской этноцивилизационной платформе, выразившийся в аннексии юго-восточной Прибалтики и в попытках продвижения к Дунаю (осложненный также “протоевразийской” идеей о возможности для России посостязаться с Европой в освоении путей к Индии). С другой стороны, это столь же демонстративная пате-

тика инструментального “подхвата” отдельных эффективных институтов, культурных форм и высокоценных технологий — европейских “сливок”, обретающих неожиданные “псевдоморфозные” свойства в российских цивилизационных условиях. В записке по поводу празднования годовщины Ништадского мира Петром ясно обозначена мысль о стремлении европейцев скрыть от России “свет разума” и о Божьей милости, позволившей русским обойти европейцев. Но поскольку “свет разума”, в конечном счете, тождествен достижениям культурной Европы, в Петре мы видим инициатора “прометейского” похищения Европы Россией...у самой Европы, причем этот “прометеизм” откровенно облекался в формы геополитического наступления на Запад. Какое-то время Петр даже надеялся, что с окончанием технологического “огребания” Европы Россия сможет к ней повернуться “задом”, но в конце концов дух утверждения России на европейской платформе уже овладел им — утверждения, мыслимого в двуединой форме завоевания и формальной имитации. Никакой сущностной европеизации России ни при Петре, ни при его преемниках в XVIII в. не происходило; Россия надвинулась на Европу во всей своей цивилизационной ей инородности, лишь обостренной парадоксами псевдоморфоз. “Революция Петра” особенно повлияла на формирование той парадигмы российской мысли, которая любой прогресс России представляет как “исход куда-то” в буквальном географическом смысле, — а на уровне государственной политики придает “исходу” образ завоевательного “напора”. Лишь с Петра проблема “Россия и Европа” приобретает характер, принципиально отличный, скажем, от проблемы отношения “Европы и Китая” или “Европы и Индии” как сосуществующих в Старом Свете этноцивилизационных платформ. Петр последовательно утвердил Россию в статусе именно варварской периферии Европы и дал русским импульс наступления на Запад, импульс тем более волюнтаристский, что он в течение веков не поддерживался сколько-нибудь серьезно мирохозяйственными императивами. Петр — российский кулак, выставленный в Европу и застрявший в ней, и неустанно разгибающийся в кисть, загребаящий попавшиеся европейские технологии. Петровская “революция” должна по преимуществу рассматриваться как революция в геополитических судьбах Европы, для которой она имела едва ли не большее значение, чем для России, переводя европейский мир на 290 лет в положение обороняющегося от произвольно отождествляющей себя с Европой неевропейской мощи».

(Цымбурский, 1993)

8.14. Петр — кочевник на троне

«Петра I невозможно идентифицировать с европейским монархом. Вся его многотрудная деятельность и та стратегия, которой он не вполне осознанно следовал, имеют несомненный номадический (кочевнический) характер. По существу Петр I — это европейски образованный татарин. Номадическая машина войны и хронополитические приоритеты — вот те наиболее значимые факторы, которыми руководствовался самодержец и развитию которых он посвятил свою жизнь. Если и была здесь попытка ввести Россию в европейское пространство, то способы, которыми она реализовалась, полностью принадлежат туранско-номадическому типу социальности. Что, конечно, не приближало Россию к Европе, а лишь порождало (и закрепляло) симулятивную ортопедическую сборку неконвертируемых социальных топосов. Способ, которым Петр I реализовывал свою стратегию власти, совпадал с принципом «номадической дистрибуции», принятым кочевыми народами в качестве военно-политической и более широко — социальной организации. В такой стратегии власть распределялась не столько по линии родства, сколько по линии союзничества, исходя их сугубо военного значения и статуса определенного носителя власти, которому верховный правитель делегирует сумму полномочий. Клановое ранжирование, сопутствующее номадической дистрибуции, было включено в машину войны, которая по результатам своей реализации позволяла тому или иному клану занять доминирующее место в сообществе, то и дело разрушая сословную репрезентацию власти в петровской империи. Эта стратегия отдает предпочтение локальным, фрагментарным, но скоростным и интенсивным маневрам политического или военного характера. Предпочтение времени территориям, отношение к последним как к модусу, артефакту сверхскорости, позволяет характеризовать эту политику как хронополитику, в отличие от геополитики, которая основывается на приоритете жизненно важных ресурсов той или иной территории. Политическая стратегия и практика Петра I, внешне воспринимаемая и современниками, и последующими исследователями именно как геополитическая, своими способами реализации и результатами, между тем, принадлежит совершенно иной формуле власти: хронополитической, т. е. стратегии, наиболее адекватной социокультурной ситуации в России, собирающей ее в единую империю не на основе геополитической унификации социального пространства в горизонте насущных ресурсных потребностей, а посредством политики скорости удерживая множественные социокультурные фрагменты в едином

историческом времени. Общность территории оказывается здесь вторичной по отношению к общей судьбе».

(Зимовец, 1993)

О том, что с точки зрения классической европейской геополитики поведение «Петра-кочевника» сродни «геополитическому идиотизму», писал и Э. Надточий:

«Петр I, великий русский стратег, первые восемнадцать лет своей сознательной жизни учится морскому делу, ездит для этого за границу, создает с невероятными усилиями флот — воевать выход в Европу через Черное море. Вдруг, после первых вполне удачных операций и основания Азова, — все бросает, оставляет флот гнить на верфях, заключает нелепый договор с Турцией и отправляется вести многолетнюю сухопутную войну со Швецией. Основывает новое “окно в Европу” на месте, идиотическом с точки зрения теории городского строительства (возможно, Петербург — самый дорогой за всю историю памятник деспотии), и, поочередно меняя один абсурдный политический проект на другой, ведет 21 год войну, которая должна была по самому ее ходу завершиться максимум за 7 лет... Я думаю, этих немногих примеров достаточно, чтобы обозначить, как культурно значимый факт русской истории, геополитический идиотизм».

(Надточий, 1993)

«Геополитический идиотизм» (Э. Надточий) Петра I есть по существу в обратном отношении хронополитическая гениальность, позволившая кочевнику на троне конституировать и удерживать в качестве целого гигантскую империю, столь разнородную по своему составу и социальному качеству, что геополитическая стратегия была бы не просто неадекватной ей, но и губительной».

(Зимовец, 1994)

8.15. «Медный Всадник»

«Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,

На высоте, уздой железной
 Россию поднял на дыбы?»

(Пушкин, 1833)

«С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический всадник, с той чреватой днями поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит, — надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа — Россия. Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву — два задних» *.

(Белый, 1916)

- * Интересно трактует идею романа А. Белого «Петербург» В. Пискунов: «Петербург находится на границе, в точке касания Запада и Востока. Восток изначально засел в самом центре построенной Петром по западному образцу Империи... Выясняется, что и охрана устоев петровской государственности, и бросание в эту государственность бомб — равно “восточное дело”. Впрочем, как и “западное”... Выходит, оба в одинаковой степени бесплодные, смертоносные начала — “западное” и “восточное” — пронизывают собой и русскую реакцию, и русскую революцию (какой она представляется Белому). Причем как то, так и другое присутствовали уже в деятельности основателя Петербурга, который, разделив Россию надвое, тем самым способствовал гибельному отождествлению разделенных начал: “Зыбкая полутень покрывала всадниково лицо; и металл лица двоился двусмысленным выражением”. Потому-то встреча с ним, прародителем и русской государственности, и русского террора, чревата для нового Евгения — террориста Дудкина — гибелью. Тот, кто “губит без возврата”, “медновенчанная смерть”, утвердившаяся в самом центре столицы Российской империи, в священном средоточии всей ее жизнедеятельности, — вот что такое Медный Всадник “Петербурга” Белого — писателя, явно продолжающего Пушкина и явно с Пушкиным спорящего. Но, споря, Белый на Пушкина же и опирается: его Медному Всаднику понадобилось “посредничество” Каменного Гостя, чтобы явиться в каморку сходящего с ума Дудкина Металлическим Гостем. Между воодушевленным началом и унылыми сумерками Российской империи, между возрождением и закатом Европы поставлен знак тождества. Они уравниены между собой точно так же, как антагонисты пушкинской поэмы — Петр и Евгений, вдруг обретшие под пером Белого черты духовного родства, соединившиеся в одно целое в сцене прихода Металлического Гостя. Уравниены в “плоскости бытия”, где все определяется логикой взаимных подмен и взаимных переходов, логикой бессмысленного хаотического движения» (Пискунов, 1990).

8.16. Петр — «Царь-пушка палящая»

«Жизненная полнота и плодотворная динамика смысла-образа Петра I раскрывается и дышит в единстве трех ликов.

Лик первый. Петр — Царь-пушка, или Пушка-царь. Не просто защитница Спасских ворот Кремля, а выдвинутая на передовой край самого тяжелого фронта вековой борьбы нации.

Палить из Царь-пушки на Святой Руси, вестимо, дозволено лишь самодержцу. Да царское ли то дело? И явлен второй лик Петра. Царь-бомбардир. Не командир — простой пушкарь. Царь и не царь.

Лик третий. Петр — Царь-ядро, бомба-царь. Как никто не смог бы стрельнуть из Царь-пушки, кроме Царя-бомбардира, так и снарядом, достойным чудо-орудия и чудо-пушкаря, могло стать только дивное, вобравшее в себя все силы исторической традиции и современности, бомба-ядро.

Тело царя, узкое даже в плечах, продолгое, не что иное, как пушка — самоходная, вездеходная, быстроходная. Над добротным, непритязательным орудием заботливо хлопотали мозолистые руки, ум и сметливый глаз мастерового, — они и были «точными инструментами» бомбардира. Голова без бороды круглая. Смекай, ядро. С туловом — ядро, вылетающее из жерла пушки, вылетающее раз за разом, постоянно в грозовом ореоле канонады. Ядро, пущенное с умом, зряче, бойко, искрометно. Глаза — шаровые молнии, зрачки — карие до гари.

С детских лет Петр-бомбардир неотрывен от пушки. И до сих пор подбадривает нас гром пушки Петропавловской крепости каждый день, ровно в полдень...

Сам был «ядро-пушка-пушкарь», и нужны ему были умельцы — удалыцы-бомбардиры, батареи пушек, ядер склад, «военно-промышленный комплекс». Искал, «пытал», пестовал для своего гнезда Петр людей разного роду-племени, всякого чина-звания. Дворянским гнездом в те времена служило жерло пушки, а неотступно рядом неугомонный Петя-петушок с подожженным фитилем. Его птенцы ведут свою родословную не из страусиных яиц; вылупился каждый из пушечного ядра. И летали птенцы новой породы туда-сюда, туда-сюда, пока от поручения к поручению сам не «оперишься» в бомбардира, в пушку, палящую метко, в орла-командира. Государь лаской погоняет детушек-любимцев: Bravo, bravo, ребяташки! Наши жены — пушки заряжены!

История превращения ядер-птенцов в «екатерининских орлов» и далее до «сталинских соколов» включительно («первым делом самолеты, ну а девушки — потом») — это история петров-

ской России после жизни ее отца-основателя. Царь-пушка, Царь-ядро да бомбардир Преображенского полка сотворили из царя-батюшки Святой Руси Петра Алексеевича Романова — Отца Императора Российской Империи — Петра Великого. Загрохотала в нем и до сих пор грохочет о нем его детище — новая Россия. И в хоре народном выделяется голос звонкий, летучий, проникновенный, голос певца свободы и империи. Имя его иным быть могло, да на Руси не стало — Пушкин».

(Перевалов, 1994)

8.17. Петр — тиран-поработитель

«Этот блистательный тиран, этот невежда, принесший в жертву прекрасные учреждения, законы, права и привилегии своих подданных честолюбивому стремлению переделывать все без различия, не выделяя полезного, хорошего и дурного...» «Жестокый и грубый, он все, что было подчинено его власти, топтал без различия, как рабов, рожденных для страданий... Как рабы, так и владельцы их были в равной мере жертвой его необузданной тирании. Первых он лишил общинного суда, их единственной защиты от самопроизвольного угнетения; у вторых он отнял все привилегии. И за что? Чтоб прочистить дорогу военному деспотизму — самому губительному и ненавистному из всех форм правления».

(Дашкова, 1780)

«И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, а от сытости своего сана, то нет, и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своего власти, сидя на престоле».

(Радищев, 1782)

«Увы, зачем Петр I, которого по многим основаниям назвали Великим, опозорил цепями рабства наших земледельцев, одновременно выставив нас перед взорами всей Европы?»

(Кюхельбекер, 1821)

«Великий гений, Муж кровавый,
Вдали на рубеже родном
Стоишь ты в блеске страшной славы
С окровавленным топором...

Ты думал, — быстротою взора,
 Предупреждая времена, —
 Что кровью политые, скоро
 Взойдут науки семена!»

(Аксаков К., 1845)

«Жругр <демон государственности> заботливо потрудился над тем, чтобы внедрить в родомысла <см. 1.6> свою тираническую тенденцию. Ему удалось в целях этого переразвить суровую твердость, необходимую и неизбежную в положении Петра, в неумолимость, внутреннюю свободу от авторитета — в свирепую лютость ко всяким авторитетам прошлого, прямолинейную преданность своей идее — в ненависть ко всему, что ему казалось бесполезным, то есть чего нельзя было обратить на пользу его идее, а стихийный размах — в бесконтрольную чувственность и непомерную грубость. Ирония переросла в склонность к глумлению. Утилитарность мышления выхолостила эстетическое начало натуры... А в проявлениях жестокости стал порою различаться явно садистический оттенок.

Из этих качеств проистекли те промахи государственной мысли, которые привели Петра к деяниям, с точки зрения метаистории — а пожалуй, также и истории — ошибочным и вредным: к не оправданной ничем жестокости в отношении бояр, стрельцов, раскольников, собственного сына, а главное — собственного народа, приносившего замыслам своего царя жертвы, мало сказать, огромные, но даже иногда не вызывавшиеся необходимостью; ...и, наконец, — к воцарению в стране той атмосферы террора, обесценения человеческой жизни и неуважения к личности, которая надолго пережила Петра и сделалась атрибутом самодержавия в ряде последующих эпох».

(Андреев, 1958)

8.18. Петр — раб собственной власти

«Враждебная личностному началу, имперская идеология измалывает в своих жерновах и личность монарха. Наделенный неограниченной властью, правом казнить и миловать без суда и следствия, он вместе с тем оказывался рабом собственной власти, таким же “колесиком” и “винтиком” в механизме империи, как и чиновники правительственного аппарата, “чернорабочим”, служителем “общего блага”. Происходила неизбежная десакрализация и в определенной степени деперсонализация власти правителя государства... Реформы диктовала безликая и

абстрактная, но вместе с тем реальная и могущественная административно-командная система».

(о. Иоанн (Экономцев), 1989)

8.19. Петр — правитель без правил

«Несчастье Петра было в том, что он остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознания долго ничем не наполнялась. Мастеровой характер усвоенных с детства занятий, ручная черная работа мешала размышлению, отвлекала мысль от предметов, составляющих необходимый материал политического воспитания, и в Петре выростал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек. Недостаток суждения и нравственная неустойчивость при гениальных способностях и обширных технических познаниях резко бросались в глаза...»

(Ключевский, 1890-е)

8.20. Петр — революционер на троне

«Петр был революционер-гигант, но это гений, каких нет». «Петр есть в одно и то же время Робеспьер и Наполеон (воплощенная революция)» *.

(Пушкин, 1831)

* Д. Мережковский, приводящий эти слова Пушкина, дает к ним такой комментарий:

«Вероятно, с этим проникновенным замечанием Пушкина согласились бы и Достоевский, и Лев Толстой. Но разница в том, что оба они, подобно русским староверам, с ужасом отшатнулись бы от этого смешения Робеспьера и Наполеона, как от наваждения антихристового, тогда как Пушкин, несмотря на односторонность Петра, которую он понимает не хуже всякого другого, видит в нем не только возвестителя неведомого миру могущества, скрытого в русском народе, но и одного из величайших всемирных гениев» (Мережковский, 1896).

Действительно, о Петре как о «революционере» — только уже с отрицательными коннотациями — писали многие славянофилы: «В деле Петровом, независимо от его всемирно-исторического содержания, независимо от того, что не преходит, что остается, от той доли, которая выделяется и должна выделяться в кровообращение народного организма, — есть настолько же, если не более, элемен-

«Петр I тут, как Фридрих II после, не принадлежит к стае самодержцев начала XVIII века. Во-первых, они революционеры, во-вторых, гениальные люди; они шли своей дорогой, во многом впадали в ошибки, но имели интересы великие, результаты, до которых достигли, гигантские. Петр, с наружностью и с духом полуварвара, но гениальный и незыблемый в великом намерении приобщить к человеческому развитию страну свою, очень странен в дикой грубости своей возле изнеженных и утонченных Августов et Co. Человек, отрекшийся от всего бывшего страны своей, покрасневший за нее и кровью водворявший новый порядок, имеет в себе что-то революционное, хотя и на троне, и в самом деле в нем даже нет требований на феодальное поклонение, на церемонность и пр., общую всем в то время. Он схватил европеизм в Голландии — лучший источник того времени, он принадлежал новой Европе, внедрял ее, как варвар, но правительство втолкнул в колею, вовсе не похожую на европейских династов, хуже и лучше, наверное, не так же. Материальный, положительный гнет, не опирающийся на прошедшем, революционный и тиранический, опережающий страну — для того чтоб не давать ей развиваться вольно, а из-под кнута — европеизм в наружности и совершенное отсутствие человечности внутри — таков характер современный, идущий от Петра».

(Герцен, 1843)

тов случайности, временности, зла, насилия, лжи, запечатленных его необыкновенною личностью. Дело Петра имеет значение: и как переворот, как революция, и как исторический момент в ходе нашего общественного развития. Но для того, чтобы оно получило значение момента, чтоб оно поступило в общий запас исторической жизни народа или того исторического материала, который разрабатывается, претворяется, переживается народным организмом, необходимо, чтоб оно прекратилось как переворот» (Аксаков И., 1862); «Нас же революция, воплотившаяся в лице Петра, вытолкнула из исторической колеи, — мы и колесим, колесим! Не было в летописях мира такого революционера, как наш Петр Великий!..» (Аксаков И., 1884); «Поэтому преобразование Петра есть решительно уже переворот, революция, а в этом и заключается особенность и историческое значение его дела» (Аксаков К., 1851).

Несколько иначе оценивал революционность Петра А. Хомяков: «Воля железная, ум необычайный, но обращенный только в одну сторону, человек, для которого мы не находим ни достаточно похвал, ни достаточно упреков, но о котором потомство вспомнит только с благодарностью... Он ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза» (Хомяков, 1839).

«Его революционный реализм берет верх над его царским достоинством — он деспот, а не монарх».

(Герцен, 1857)

«Революционер в Петре просвечивал везде сквозь порфиру. Наполеон каждый год прикрывал каким-нибудь новым королевским лоскутком свое мещанское происхождение, а Петр I каждый день освобождался от того или иного лоскутка царизма, чтоб остаться самим собою, со своей великой мыслью, опиравшейся на непреклонную волю, доходившую до жестокости».

(Герцен, 1858)

«Царствование Петра заключает в себе несколько революций, изменивших старый склад и, так сказать, ветхий русский мир. Оно указывает на новую космогонию и требует всеведущего космографа»*.

(Вяземский, 1847)

8.21. Явление Петра подобно «призванию варягов»

«В славянском характере есть что-то женственное; этой умной крепкой расе, богато одаренной разнообразными способностями, не хватает инициативы и энергии. Славянской натуре как будто недостает чего-то, чтобы самой пробудиться, она как бы ждет толчка извне. Для нее всегда труден первый шаг, но малейший толчок приводит в действие силу, способную к необыкновенному развитию. Роль норманнов подобна той, какую позже сыграл Петр Великий при помощи западной цивилизации».

(Герцен, 1850)

* В исторической литературе (например, у Н. Рязановского) можно встретить утверждение, что тезис «Петр — революционер» восходит к декабристу Д. Завалишину. Действительно, в его мемуарных «Записках декабриста» (написанных в 70-х годах) наличествуют рассуждения о Петре, «который в религии был протестант, а в политике истый революционер». Мы, однако, склоняемся к тому, что данная фраза является не точной реконструкцией мыслей Завалишина 20—30-х годов (к чему, видимо, склоняется Рязановский), а результатом более поздних размышлений. Поэтому мы предпочитаем следующую датировку цитаты — Завалишин, 1870-е.

8.22. Правление Петра — русский аналог Реформации в Германии

«Явился Петр! Стал в оппозицию с народом, выразил собою Европу, задал себе задачу перенести европеизм в Россию и на разрешение ее посвятил жизнь. Германия, носившая слабейшие зародыши гражданственной оппозиции, растерзанная на несколько частей, имела своего Петра, столь же колоссального, столь же мощного. Петр Германии — это Реформация. Она не донеслась к отделенным от мира католического, и у нас целый переворот, кровавый и ужасный, заменился гением одного человека».

(Герцен, 1833)

8.23. Петр — аналог Комитета общественного спасения во Франции

«Петр I не был ни восточным царем, ни династом; то был деспот наподобие Комитета общественного спасения, — деспот и по своему положению, и во имя великой идеи, утверждавшей неоспоримое его превосходство над всем, что его окружало».

(Герцен, 1850)

8.24. Петр — предшественник народовольцев

В воспоминаниях об известном революционере Н. Шелгунове (относящихся к февралю 1881 г.) Н. Рusanов пишет: «Шелгунов в пылу разговоров провел очень удачную параллель между цивилизаторской деятельностью Петра I и революционной деятельностью народовольцев. Замечу, что Шелгунов, пламенный западник, вообще очень любил Петра: это был в некоторой степени герой его исторического романа».

Далее передаются слова самого Шелгунова:

«Мне совсем не нравится Петр как царь, но я преклоняюсь перед ним как пред диктатором. В чем была сила его? В том, что он разбил старые формы Московской Руси и ускорил естественный ход вещей, в двадцать лет сделав то, что московские цари тяпали да ляпали целых двести. Теперь же я готов кричать “ура” народовольческой диктатуре: дело русских социалистов-революционеров — разбить устарелые для нашего времени нормы петербургской империи и вытащить на свет божий новое общество».

(Шелгунов, 1881)

8.25. Петр — тоталитарист

«При Петре государственное закрепощение высшего общественного класса не ослабилось, а усугубилось... Родовые предания являлись раньше единственным уголком, куда служилый человек мог, хотя бы отчасти, укрываться от велений всемогущего государства; — Петр разрушил и этот уголок, и теперь государственное вмешательство в жизнь закрепощенного служилого дворянства не знало уже никаких пределов, никаких границ... Выполнение реформы приняло характер террора».

(Кизеветтер, 1900-е)

«Страшные казни грозили всякому, кто хоть тайно, хоть наедине или во хмелю задумался бы: к добру ли ведет нас царь, и не напрасны ли все эти муки, не приведут ли они к мукам злейшим на многие сотни лет? Но думать, даже чувствовать что-либо, кроме покорности, было воспрещено».

(Толстой А., 1917)

«Авторитарный режим Петра имеет в своей сущности явные элементы тоталитаризма. На исходе смутного XVII века Петр стремится насадить и утвердить в стране и новое идеологическое единство. Вот почему все его законодательные акты до предела идеологизированы и представляют собой пространные философско-политические трактаты. Безусловно, Петр бы обошелся без православного христианства: протестантские концепции были понятнее для него и более подходили для его целей, но они не имели никаких шансов укорениться в огромной стране, альтернативы православию не существовало. Царь мог пародировать православные обряды на всешутейшем соборе, но обойтись без православия он не мог. Попытка использовать православное христианство, явившееся духовной закваской русского этногенеза и неразрывно связанное с русской национальной идеей, в интересах противостоящей ей имперской идеи является главным парадоксом петровской эпохи... Молох тоталитаризма требует жертв... Совершенно ясно, против чего направлена созданная Петром машина идеологического подавления. Драматический конфликт национально-религиозного идеала и имперской идеи вступает в России в фазу острейшего кризиса. Платоновский «Котлован» начинается в петровскую эпоху. Великому проекту сооружения Вавилонской башни так и суждено будет остаться котлованом, ямой, пустотой, разверзшейся вниз, в преисподнюю».

(о. Иоанн (Экономцев), 1989)

8.26. Петр — первый большевик

«Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...»

(Волошин, 1920)

«Приемы Петра были совершенно большевистские. Он хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни».

(Бердяев, 1937)

«В Петре были черты сходства с большевиками. Он и был большевик на троне».

(Бердяев, 1946)

8.27. Петр — предшественник Ленина

«Никогда не была так кровно вспенена
В неудержимой скачке
Россия Петра и Ленина,
Вздыбленная от спячки».

(Герасимов, 1920)

«Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации»*.

(Бердяев, 1937)

* Известно, что В. Ленин стремился к копированию насильственно-модернизаторских приемов Петра: «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача — учиться государственно-му капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами».

8.28. Петр — предшественник Сталина

«Трагическая судьба всякой революции — в том числе и петровской — заключается в том, что она всегда строится на отбросах... Сталин, вырезав ленинских апостолов, поставил свою ставку на сволочь, на отбросы, на выдвиненцев, то есть на людей, которые “выдвинулись” только благодаря его, Сталина, поддержке и которые ни по каким своим личным качествам ни в какой иной обстановке выдвинуться не могли. И поэтому они зависят от Сталина целиком и Сталин от них зависит целиком. Погиб Сталин — погибли и они. Они оставят Сталина, и Сталин будет зарезан первым же попавшимся конкурентом. Отсюда происходит их обоюдная преданность действительно уж “до гроба”. Отсюда же и универсальность задач, которые возлагались на оба сорта выдвиненцев — и петровских, и сталинских. В обоих случаях вопрос шел вовсе не о “пользе дела”, а об охране “завоеваний революции”... Поставим точки над “и”: около Петра подбиралась совершеннейшая сволочь, и никакой другой подбор был невозможен вовсе... Петр шарахался от всего порядочного в России, и все порядочное в России шарахалось от него»*.

(Солоневич, 1940-е)

борьбы против варварства» (Ленин, 1918). Ленин здесь откровенно использует известное выражение Маркса: «Петр Великий варварством победил русское варварство».

- * Традиция подобного изображения петровского окружения идет от современника Петра — князя Б. Куракина, который так, например, нарисовал «с натуры» портрет Федора Ромодановского, заведовавшего при царе тайным сыском: «Оный же имел власть, как из бояр, так из другого шляхетства, и из всякого чину брать к себе и содержать для своей забавы, понеже был человек характеру партикулярного, а именно: любил пить непрестанно, и других поить и ругать, и дураков при себе имел, и ссоривал, и приводил в драку и с того себе имел забаву» (Куракин, 1727).

Однако тема «ближайшего окружения Петра» — специальная и отдельная тема. Каждый из наиболее видных «птенцов гнезда Петрова» оброс за прошедшие десятилетия множеством разнообразнейших оценок. Поэтому в целях некоторого смягчения беспощадной характеристики петровского окружения И. Солоневичем ограничимся здесь еще одной — очень взвешенной — оценкой Г. Федотова: «Петр оставил после себя три линии преемников: проходимцев, выплеснутых революцией и на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни, государственных людей — строителей Империи и просветителей-западников, от Ломоносова до Пушкина, поклонявшихся ему как полубогу» (Федотов, 1926).

8.29. «Петр создал прообраз КПСС»

«Фактически Петр I, сам того не подозревая, создал прообраз КПСС. Он “напялил” европейское “седло” на российскую “корову” (общество), которое испокон веку структурировалось не по классовому, а по сословному феодальному признаку — дворяне, священнослужители, купцы, мещане (горожане), казаки, крестьяне, “инородцы”... В сущности, Петр I попытался создать параллельно военной некую “гражданскую армию” чиновников, отделив ее от остального общества особой формой (вицмундир), особыми административными судами и “судами чести” (в 1952 г. эту “армию” попытался восстановить в министерствах СССР Сталин, предварительно одев чиновников ряда министерств в форму с погонами), а также наделив чиновников рядом привилегий».

(Сироткин, 1994)

8.30. Петр — предшественник Ельцина

«Висящий в кремлевском кабинете вице-президента Руцкого портрет императора Петра I смотрится по нынешним обстоятельствам довольно странно. Именно Петр I в своих взаимоотношениях с родственными соправителями предвосхитил в деталях различные обидные действия, совершаемые Ельциным в отношении Руцкого. Царь-преобразователь, как известно, отнюдь не одобрил оппозиционную деятельность своего сына Алексея Петровича, и предтеча Руцкого кончил плохо. Император долго сравнивал царевича с Авессаломом, восставшим на своего отца, царя Давида, и писал как бы совершенно о Руцком: “Понеже всем ведомо есть, какой авессаломской злостью надмен был сын наш Алексей...” Авессаломские разборки, очевидно, еще предстоят, а пока что коллизии сюжета “Ельцин—Руцкой” более напоминают взаимоотношения Петра с братом и сестрой. Обличая президентских служителей, которые “взяли на себя смелость и ответственность лишить вице-президента РФ возможности принимать в своем рабочем кабинете в Кремле представителей общественно-политических движений и партий, российских и зарубежных граждан”, Руцкой почти дословно воспроизводит царевну Софью, уличившую Петра в том, что по его приказанию вход в кремлевские палаты царя-соправителя, слабоумного Ивана Алексеевича завален дровами и соправитель лишен возможности принимать представителей общественно-политических движений и т. д. Впрочем, как и Петр I, Ельцин использует не только дрова, но и указы, изъясняясь о Руцком в чисто петров-

ском стиле: “Зазорному лицу, сестре нашей... в титлах и расправе дел быти не изволяем”. Логически рассуждая, если Петр I все же является кумиром вице-президента, то Руцкому подобало бы с пониманием воспринимать президентскую суровость, если же петровско-ельцинские зверства возмущают душу царевича, назначение кремлевского портрета вовсе загадочно».

(Соколов, 1993)

8.31. Петр — первый лидер-технократ

«По направлению своей деятельности он больше привык общаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался, как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца. Петр знал людей, но не умел и не всегда хотел понимать их».

(Ключевский, 1890-е)

«Петр был первым технократом новых времен, первообразом того, что один историк (Тойнби) предложил называть “Homo Occidentalis Mechanicus Neobarbarus”...»

(Вейдле, 1937)

«Петр всецело уверовал в спасающую силу этого “анштальта” абсолютистского государства... всей мощью своей железной руки налег на рычаги заведенной им государственной машины, установленной в стране великих возможностей».

(Сыромятников, 1943)

«Человечеству, вышедшему из обскурантистского сумрака средневековья, казалось, что наконец найден ключ к счастью: стоит правильно сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться беспрекословного, всеобщего и точного исполнения начинаний государства... Корабль — вечная любовь Петра — был для него символом организованной, рассчитанной до дюйма структурой, материальным воплощением человеческой мысли, сложного движения по воле разумного человека. Более того, корабль для Петра — своеобразная модель идеального общества, лучшая форма организации, опирающейся на знание законов природы в извечной борьбе человека со слепой стихией. За этим символом целый пласт культуры, мир интеллектуальных ценностей эпохи рационализма, европейского XVII века...»

(Анисимов, 1989)

8.32. Петр — лидер купечества, «торгового капитала»

«Император Петр Великий, которого я всегда затем приводить буду, что предпочитал он всегда существенное добро мысленной чести завоевания, благоразумно сделал он, переселя на море столицу свою. Хотел он, чтоб преемники его непрестанно на важность и силу купечества взирали, хотел он, чтобы все знатные и министры имели о том понятие и сами бы в том упражнялись. Он видел преимущества Стокгольма, Копенгагена, Амстердама и Лондона. Он же почитал ни за что Россию до тех пор, как стала она иметь купечество: сила, которою теперь славится Россия, оправдала его мнение».

(Фонвизин Д., 1766)

«Если символическую фигуру Петра мы заменим торговым капиталом, как раз к началу Северной войны ставшим в центре всех дел, — эта оценка будет вполне правильной... Торговый капитализм в качестве обличителя стоит в начале реформы, — в качестве наставника замыкает ее».

(Покровский, 1910-е)

9. АНТИПАТРИОТ

9.1. Петр — ненавистник и разрушитель всего русского

«Петром I, убившим в отечестве все национальное, убита и слабая свобода наша».

(Каховский, 1826)

«Петр хотел создать сильное государство с пассивным народом. Он презирал русский народ, в котором любил только численность и силу, и в подавлении национальных начал пошел гораздо дальше, чем это делает современное правительство в Польше... Правительство, помещик, офицер, столоначальник, управитель, иноземец только и делали, что повторяли — и это, по меньшей мере, шести поколениям — повеление Петра I: перестань быть русским, и это зачтется тебе в заслугу перед отечеством».

(Герцен, 1864)

«Русская земля подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилванию. Рукой палача совлекался с русского

человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кровью поливались, спешно, без критики, на веру выписанные из-за границы семена цивилизации. Все, что только носило на себе печать народности, было предано осмеянию, поруганию, гонению; одежда, обычай, нравы, самый язык, — все было искажено, изуродовано, изувечено».

(Аксаков И., 1880)

«Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра. Далеко щенкам до льва».

(Федотов, 1926)

9.2. Петр унизил национальный дух русского народа

«Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного».

(Карамзин, 1811)

9.3. Реформы Петра — раскол в сфере государственности

«Государство совершает переворот, разрывает союз с Землей и подчиняет ее себе, начинает новый порядок вещей. Оно спешит построить новую столицу, свою... не имеющую ничего обще-

го с Россией... Изменяя Земле Русской, народу, Государство изменяет и народности, образуется по примеру Запада... Люди государственные, люди служилые переходят на сторону государства. Народ, собственно простой народ, остается при прежних началах. Переворот сопровождается насилием... Россия разделалась надвое, на две столицы. С одной стороны, Государство со своей иностранной столицей Санкт-Петербургом; с другой стороны, Земля, народ, с своей русской столицей Москвой».

(Аксаков К., 1851)

«Кнутом и татарами нас держали в невежестве, топором и немцами нас просвещали, и в обоих случаях рвали нам ноздри и клеймили железом. Петр I таким клином вбил нам просвещение, что Русь не выдержала и треснула на два слоя... Нет примера в истории, чтобы единоплеменная каста, взявшая верх, сделалась бы до такой степени чужестранной, как наше служилое дворянство... На окраинах этих дико противопоставленных друг другу миров развились странные явления, указывавшие в самой сломанности своей на потаенные силы, которым неловко, которые ищут другого... ими Россия усиливалась отделаться от петровского периода или переработать его в свое настоящее тело и в свою здоровую плоть».

(Герцен, 1860)

«Если Иван IV отмежевал для опричнины только известное число городов, предоставив остальное “земщине”, которой даже и особого царя позабавился поставить, то Петр с своим “полицейским” государством создал также особого рода опричнину, размежевав в ее область всю Россию, отчасти даже церковь, — все, кроме села, кроме крестьянства, куда и ушла, притаилась земская жизнь. Вне простого народа все принадлежало к опричнине, начиная с вершин администрации, кончая писарем, включая сюда и так называемую “интеллигенцию”... В этом смысле даже и Акакий Акакиевич Гоголя принадлежит к сонму опричников, да и все наши “либералы” XVIII века и позднейших времен — не что иное, как либеральная фракция той же опричнины... Весь этот либерализм, если б ему и дано было осуществиться, разыгрался бы в пределах только опричнины, поверх народа, не коснувшись крестьянства и села, в которые убежала земская жизнь. Только та законодательная деятельность в опричнине поистине либеральна, которая выводит нас из ее области, но не в Европу, не на Запад, а домой».

(Аксаков И., 1881)

9.4. Петр — агент Кокуя (Запада) в Москве

«Ненависть к Москве и ко всему тому, что с Москвой связано, проходит красной нитью сквозь всю эмоциональную историю Петра. Эту ненависть дал, конечно, Кокуй. И Кокуй же дал ответ на вопрос о дальнейших путях. Дальнейшие пути вели на Запад, а Кокуй был его форпостом в варварской Москве. Нет Бога, кроме Запада, а Кокуй пророк его. Именно от Кокуя технические реформы Москвы наполнились эмоциональным содержанием: Москву не стоило улучшать — Москву надо было послать ко всем чертям со всем тем, что в ней находилось: с традициями, с бородами, с банями, с Церковью, с Кремлем и с прочим».

(Солоневич, 1940-е)

9.5. Петр — лидер наемников и предателей

«За Петром могли пойти только не русские, приглашенные им на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся за наживой... <То, что у> Петра не нашлось достойных преемников, было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру».

(Трубецкой Н., 1920-е)

9.6. Петр сломал национальную традицию русской монархии

«Мы уже имели недавно случай заметить, что в XVII веке, до вступления во власть Петра Великого, не было не только ни одного гениального государя, но и ни одного особенно замечательного дарованиями государственного человека. Но они не колесили вправо и влево около пути, а шли исторической колеей, стояли на общей народной почве, не чуждались земского разума, и именно в нем находили себе опору в години испытаний».

(Аксаков И., 1884)

9.7. «Петровская дубинка — нерусского происхождения»

«Его вколачивание идей дубинкой было именно этим “новым”, европейским. Нужно не понимать русской истории, чтобы утверждать, что эта “дубинка” — русского происхождения... XVIII век принес много “новенького” европейского образца. Но

сперва — это было просто “разгулье удалое”... А реально, тысячи погибших под петровскими батогами и в болотах его Петрова града — был только первый камень в современной Санкт-Петербургской кладке русской церкви по западно-европейским культурным моделям...»

(Шпет, 1912)

10. ПСЕВДОРЕФОРМАТОР

10.1. Петр — псевдотворец

Еще в 1780 г. в Вене на обеде у австрийского премьера князя Кауница княгиня Е. Дашкова оспорила мнение о «неисторичности» допетровской России:

«Я опровергла это мнение, приписывая его заблуждениям и предрассудкам иностранных писателей, которые распространяли его с той целью, чтобы превознести похвалам себя или свои нации...». Она выразила мнение, что считать Петра за «творца России» — «заблуждение» и что «его творение — мнимое» (*f'cette pretendue creation*). Согласно Дашковой, Петр — «...тиран, кого иностранные писатели, по невежеству или недобросовестности, провозгласили создателем великой империи, которая, однако, до него играла роль гораздо более великую, чем при нем самом!».

(Дашкова, 1780)

10.2. Петр — псевдозаконодатель

«Петр слывет законодателем России, но где же законы?»

(Муравьев Н., 1839)

«Из петровского законодательства получался сплошной кабак, пожалуй, не лучше советского... Петр писал свои невразумительные и бестолковые приказы и исчезал за границу то лечиться, то племянниц замуж выдавать, то союзы заключать. В промежутках он мелькал от Азова до Архангельска, рвал зубы, выделывал табакерки, фабриковал какую-то столярную ерунду, был шкипером, бомбардиром... Но работа была совсем не та, которой должен был заниматься царь и которая была нужна России».

(Солоневич, 1940-е)

10.3. Петр — подражатель

«Петр Великий, несмотря на исключительные таланты, обладал скорее гением подражательным, нежели творческим. Заставляя варварский народ принять костюм и нравы иностранцев, он в короткое время дал ему видимость цивилизации. Но эта скороспелая цивилизация была так же далека от истинной, как эфемерное тепличное растение от древнего дуба, возвращенного воздухом, солнцем и долгими годами как оплот против грозы и памятник вечности».

(Улыбышев, 1819)

«Стремление к просвещению, к заимствованию всего полезного от Европы было и до Петра... Что же нового внесло знаменитое преобразование?.. О, много! Россия точно была преобразована: связь с прошедшею историей была разорвана; вместо самостоятельности явилась подражательность... Прежнее стремление усвоить себе чужое заменилось новым стремлением усвоиться чужому... Во всех своих полезных действиях Петр был только продолжателем, а во всем остальном — преобразователем».

(Аксаков К., 1856)

10.4. Реформаторские успехи Петра преувеличены

Данная позиция была сформулирована уже в июне 1726 г. в записке на имя императрицы Екатерины I, составленной под руководством А. Д. Меншикова (при участии кабинет-секретаря Макарова, вице-канцлера Остермана и личного секретаря Меншикова Волкова):

«По рассуждении о нынешнем состоянии всероссийского государства оказывается, что едва ли не все дела, как духовные, так и светские, в худом порядке находятся и скорейшего исправления требуют, и каким неусыпным прилежанием блаженные и вечно достойныя памяти Его Императорское Величество ни трудился в установлении доброго порядка во всех делах, как в духовных, так и светских и в сочинении пристойных регламентов, в надежде, что уже весьма надлежащий порядок во всем следовать будет, однако ж, того по се время не видно».

(Меншиков, 1726)

<Петр —> «этот необыкновенный ум не совершил больших и прекрасных дел», <он> «предпринял общую реформу; он успел в этом относительно армии и флота, но не относительно прочих

великих социальных нужд... К несчастью, он заботился скорее о видимости, чем о сущности, о блеске больше, чем о существенном... Екатерина сделала бесконечно больше блага для России, чем Петр I».

(Тургенев Н., 1844)

«Напрасно думают, что реформа Петра Великого изменяла в чем-нибудь состояние русской нации. Она только изменяла положение русского царя в кругу европейских государей... Совершенная переделка такого громадного факта, как военная часть, повлекла за собою множество переделок во всем; мы хотим только сказать, что все эти переделки в других сферах, кроме военной, ограничивались переменою имен, а не характера вещей. Разумеется, и простая перемена имен уже имеет некоторое влияние на характер вещи. Попробуйте переименовать губернатора префектом, его должность и образ действий несколько переменятся. Надобно только помнить, что чем меньшую важность мы будем приписывать перемене, произошедшей при Петре в нашей общественной жизни, тем ближе мы будем к истине. Весь дух вещей остался прежний, насколько может оставаться вещь в прежнем виде, когда изменятся только имя ее без всякого намерения изменить сущность».

(Чернышевский, 1861)

«Если Петр действительно опрокинул что-нибудь, то он опрокинул только то, что было слабо и гнило, только то, что повалилось бы само собою... И славянофилы, и западники преувеличивают значение деятельности Петра; одни видят в нем искажителя народной жизни, другие — какого-то Сампсона, разрушившего стену, отделявшую Россию от Европы... Деятельность Петра вовсе не так плодотворна историческими последствиями, как это кажется его восторженным поклонникам и ожесточенным врагам».

(Писарев, 1862)

«Реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленному к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила все классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычною руководительницею народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а толь-

ко по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью».

(Ключевский, 1890-е)

«Нельзя не заметить, что из всего Петром Великим созданного живуча и прекрасна, деятельна и народна вышла собственно только армия: в нее им вдохнутый дух не умер в двух веках. На главный мотив реформы России — мотив самосохранения эта реформа и ответила твердым, умелым “да”. Все остальное в его реформе уже не творилось с тем же сознанием нужды, с той же живостью, надеждами, страхом, поэзией личных усилий и ожиданий народных — не ковалось в трудах и несчастиях великой Северной войны. И все остальное — большею частью плод подражательности — вяло, не имеет цены, не имеет завитого в себе живого акта. Петр не настаивал даже на остальном: остальное — не главное в его деле, и оно подвергалось, тотчас по его смерти, бесчисленным переделкам, в которых народ не принимал никакого участия».

(Розанов, 1896)

10.5. Насильственные преобразования Петра прервали и деформировали естественный ход просвещения страны

«Если б он обладал умом великого законодателя, он, по примеру других народов, предоставил бы промышленным силам, правильной реформе времени постепенно привести нас к тем улучшениям, которые он вызывал насильем; или, если бы он умел оценить добрые качества наших предков, он не стал бы уничтожать оригинальность их характера иностранными обычаями, показавшимися ему несомненно выше наших».

(Дашкова, 1780)

«С тех пор как юношество свое стали мы посылать в чужие края и воспитание их вверять чужестранцам, нравы наши совсем переменилися; с мнимым просвещением насадилися в сердцах наших новые предубеждения, новые страсти, слабости, прихоти, кои предкам нашим были неизвестны; погасла в нас любовь к отечеству, истребилася привязанность к отеческой вере, обычаям и проч.; итак, мы старое позабыли, а нового не пе-

реняли и, став непохожими на себя, не сделались тем, чем бы желали. Сие все произошло от торопливости и нетерпения; захотели сделать то в несколько лет, на что потребны веки; начали строить здание нашего просвещения на песке, не сделав прежде надежного ему основания... Опыт оправдал стариков наших мнение, что вместо ожидаемой пользы вышел из того вред. Большая часть из посланных им <Петром> возвратились не просвещеннее, не умнее, но порочнее и смешнее, нежели были». «Не должно вводить насилием перемен в народных началах и образе умствования их, а оставлять времени и обстоятельствам их произвестись...»

(Болтин, 1788)

«Толчок, данный этим властителем, надолго задержал у нас истинные успехи цивилизации. Наши опыты в изящных искусствах, скопированные с произведений иностранцев, сохранили между ними и нами в течение двух веков ту разницу, которая отделяет человека от обезьяны».

(Улыбышев, 1819)

«Познакомившись с Европою, он, так сказать, влюбился в нее и захотел во что бы то ни стало сделать Россию Европой. Видя плоды, которые приносило европейское дерево, он заключил о превосходстве самого растения, их приносившего, над русским еще бесплодным дичком (не приняв во внимание разницы в возрасте, не подумав, что для дичка, может быть, еще не пришло время плодоношения) и потому захотел срубить его под самый корень и заменить другим. Такой замен возможен в предметах мертвых, образовавшихся под влиянием внешней, чуждой им идеи... но по отношению к живому, образовавшемуся под влиянием внутреннего самобытного образовательного начала такие замещения невозможны: они могут только его искалечить». <Своим реформаторским насилием Петр> «даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело; возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу, сам устроил себе препятствия, на поборение которых должен был употреблять огромную долю той необыкновенной энергии, которою был одарен и которая, конечно, могла бы быть употреблена с большею пользою. К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставлять курить табак, учреждать попойки (в которых даже пороки и распутство должны были принимать немецкую форму), искажать язык, вводить в жизнь придворную и высшего общества иностранный

этикет, менять летосчисление, стеснять свободу духовенства? К чему ставить иностранные формы жизни на первое, почетное, место и тем накладывать на все русское печать низкого и подлого, как говорилось в то время? Неужели это могло укрепить народное сознание? Конечно, одних государственных нововведений (в тесном смысле этого слова) было недостаточно: надо было развить то, что всему дает крепость и силу, т. е. просвещение; но что же имели общего с истинным просвещением все эти искажения народного облика и характера? Просвещение к тому же не насаждается по произволу, как меняется форма одежды или вводится то или другое административное устройство. Его следовало не насаждать извне, а развивать изнутри. Ход его был бы медленнее, но зато вернее и плодотворнее».

(Данилевский, 1868)

«Собственно культурная идея не была до такой степени чужда русскому народу, как некоторые думали. Повторять с иностранцами, будто бы русский народ ненавидел образованность и вести его к просвещению можно было только страхом, насилием или, как выражаются ученые немцы, просвещенным деспотизмом (*aufgeklärte Despotismus*), было бы клеветой на русский народ. Наглядным опровержением этой клеветы может служить то обстоятельство, что киевское просвещение могло же пробудить умственные потребности». «Чтоб Русь образовать, нужно было сделать независимым мышление, свободным сообщением с Европой, дать простор жизни, дозволить каждому устраивать свою судьбу; русским надобно было собственно “дозволять” просвещаться, а не принуждать их к просвещению насилием. Петр отрезывал русским бороды и старинные платья: такие меры удерживали бороды и старинное платье и сделали их принадлежностями мученичества; без этих мер, если бы царь только появился в европейском платье и за ним последовало несколько сановников, этого было бы достаточно; пример их подействовал бы на многих, и в короткое время, наверное, треть, если не половина Руси обрила бы себе бороды и оделась по-европейски; точно так же, если бы русские узнали, что их более не станут пытать огнем, бить кнутом, сажать в тюрьмы и ссылать по подозрениям в неправоверии, что сам царь посылает молодежь за границу и возвращающихся оттуда ласкает, дает почетные и выгодные места, то все мыслившее бросилось бы учиться, ездить за границу, усваивать понятия и взгляды, выработанные тогдашнюю наукой, а вслед за тем и в России закипела бы умственная жизнь; культурные признаки сами собою входили бы в общественный и

домашний быт; верховной власти оставалось не принуждать, не насиловать, а только позволять, поощрять и показывать всем пример и дорогу. Русский народ упирается, упорствует, увертывается, противодействует, большею частью страдательно, чем деятельно, когда хотят добиться от него известного направления его жизни путем страха и наказаний; и, напротив, русский народ пойдет по тому же самому направлению не только охотно, но с увлечением, если власть станет привлекать к нему собственным примером, поощрением, ласкою, убеждениями, не относясь слишком сурово к неизбежным, временным проявлениям нежелания идти по указанному пути и понимая, что человеческая природа требует времени, чтобы переломить в себе привычку к старому. Петр этого не уразумел: его горячая натура не хотела ждать и не терпела никакого противоречия».

(Костомаров, 1875)

«Мое мнение о Петре Великом имеет некоторое сходство с мнением Костомарова о нем, разница та, что я отбрасываю уступки, которые Костомаров делает хвалителям Петра... Я смотрю на дело исключительно с точки зрения интересов русского населения тогдашнего государства... Русским нужно было просвещение. Но было ли нужно принуждать их учиться у западных народов? Я полагаю, нет, потому что они сами имели, я полагаю, влечение к этому.... Меры, принимаемые Петром для так называемого “просвещения” народа, имели характер, отталкивающий русских от просвещения, возбуждали ненависть к просвещению... Русский народ имел уже влечение учиться; Петр, насколько мог, внушил ему ненависть к просвещению. Он не в силах был искоренить влечение учиться; оно было уже привычно, хотя еще и слабо; и по географическому положению России неотвратимо должно было развиваться; подавляемое Петром (то есть характером забот Петра о муштровке), оно, хотя и ослабело, пережило Петра; при Екатерине I, Петре II, Елизавете дело пошло, как шло при Алексее, Федоре, Софии: муштровка велась, но вели ее спустя рукава, и благодаря слабости забот о ней влечение учиться оправилось от угнетения Петра, стало развиваться».

(Чернышевский, 1886)

«Если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь

“романо-германской” ориентации, она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации».

(Трубецкой Н., 1921)

10.6. Петр привел Россию в Европу, но привел рабой

«И пусть топор царя прорубал окно в самых костях и мясе народном, пусть гибли в великом сквозняке смирные мужики, не знавшие даже — зачем и кому нужна их жизнь; пусть треснула сверху донизу вся непробудность, — окно все же было прорублено, и свежий ветер ворвался в ветхие терема, согнал с теплых печурок заспанных обывателей, и закопошились, поползли к раздвинутым границам русские люди — делать общее, государственное дело.

Но все же случилось не то, чего хотел гордый Петр; Россия не вошла, нарядная и сильная, на пир великих держав. А подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде — рабою. И сколько бы ни гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы до Китайской стены».

(Толстой А., 1917)

10.7. Петровская модернизация стимулировала регрессивные формы социальности

«Прогресс оказался фактором, стимулирующим регресс, традиционализм, локализм. Возникали новые формы, например, промышленные предприятия на крепостнической основе. Они выступали как фокусы изменения социальной структуры, которые представляли собой имитацию той социальной структуры, откуда были заимствованы новшества. Таким образом складывалась система псевдоструктур и псевдофункций. Их основа лежала не в собственной производительной деятельности, но прежде всего в том, что они могли существовать за счет принудительной перекачки ресурсов государством. Именно здесь в полном объеме выявился раскол. Сложился заколдованный круг. Всякая попытка одной части общества идти по пути прогресса рассматривается другой частью как негативная ценность, и наоборот».

(Ахиезер, 1991)

10.8. Реформы Петра — отказ от внутреннего развития в пользу развития внешнего, экстенсивного

«Прежде него <Петра> просвещение вводилось к нам мало-помалу и отрывисто, отчего по мере своего появления в России оно искажалось влиянием нашей пересиливающей национальности. Но переворот, совершенный Петром, был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности; не столько внутренним успехом, сколько внешним нововведением».

(Киреевский И., 1832)

«Если бы Петр старался вводить в России европейскую цивилизацию, то его прельщала более ее внешняя сторона. Дух же этой цивилизации — дух законной свободы и гражданственности был ему, деспоту, чужд и даже противен»*.

(Фонвизин М., 1840-е)

* Вместе с тем М. Фонвизин не во всем соглашался с Н. Карамзиным (периода «Записки о древней и новой России»), однозначно полагавшим, что Петр своим внешним подражательством Западу лишь повредил России: «Карамзин упрекает преобразователя России, что он, презирая свой народ и увлеченный пристрастием ко всему иноземному, повредил нашей народности и привил нам страсть подражать всему чуждому... Петр точно привил нам страсть подражать европейцам; это подражание бывает часто и невпопад и имеет свои смешные стороны. Но, перенимая у европейцев внешние формы общественной жизни, обычаи и моды их, мы, может быть, научимся подражать им и в более существенном: в достижении благ истинной цивилизации, свободы, равенства и безразличия всех перед законом и обеспечения прав всех и каждого» (Фонвизин М., 1840-е).

Эта линия в реабилитации Петра, лишь источенная у М. Фонвизина, получила активное развитие в русском «западничестве»:

«Знаете ли вы, что Россия, как и всякое государство, обязана своим образованием, в числе многих других причин, наиболее моде? Петр Великий обрил наши бороды и переменил наш костюм, что было необходимо для нашего сближения с Европою и в умственном отношении; он заставил нас учиться — языкам и наукам. На кого прежде всего пало бремя тягостной, но необходимой реформы? Разумеется, на двор. Двору стало подражать богатое дворянство, этому мелкое дворянство, этому и разночинцы, а теперь купцы и мещане. Если теперь образуются по убеждению в пользе и необходимости образования, то тогда учились просто из моды, чтоб не отстать от высших себе. Общество может идти вперед только благоразумным и тихим отстранением старого и замещением его новым. Да! мода есть благодетель обществ» (Белинский, 1836); «Иногда и внешность чего-нибудь да стоит. Скажем более: внешнее иногда влечет за собой внутреннее. Положим, что надеть фрак или

«То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменою народному духу... Русский народ не любит гоняться за внешностию: он больше всего ценит дух, мысль, суть дела».

(Достоевский, 1862)

«Настолько все впитали и усвоили: “важен результат”. Откуда это к нам пришло? Отступя лет триста назад, — разве в Руси старообрядческой могло такое быть?»

Это пришло к нам с Петра, от славы наших знамен и так называемой “чести нашей родины”. Мы придавливали наших сосе-

сюртук вместо овчинного тулупа, синего армяка или смурого кафтана еще не значит сделаться европейцем; но отчего же у нас, в России, и учатся чему-нибудь, и занимаются чтением, и обнаруживают и любовь, и вкус к изящным искусствам только люди, одевающиеся по-европейски? Что ни говорите, а даже фрак с сюртуком — предметы, кажется, совершенно внешние — немало действуют на внутреннее благообразие человека. Петр Великий это понимал, и отсюда его гонение на бороды, охабни, терлики, шапки-мурmolки и все другие заветные принадлежности московитского туалета» (Белинский, 1845).

«Не следует, однако же, чересчур низко ценить значения той чисто внешней прививки новых культурных элементов, которою, по необходимости, ограничилась реформа Петра. Эти формы, пока еще не наполненные содержанием, были, однако же, ассоциированы с известным, вполне определенным содержанием, отрицавшим соответственное содержание русской старины. Внешность, т. е. одежда, пища, жилище, — все это части немого языка культуры, который говорит тем красноречивее, чем резче противоречит окружающей внешности. Завоевать право на такое открытое противоречие — значит очистить путь новой идее, новому социальному факту, преодолеть важное препятствие для его вступления в жизнь. Такой фанатический противник петровской культурной внешности, как Константин Аксаков, лучше всех западников понял важность этого первого шага Петра и на себе испытал его трудность, попытавшись при имп. Николае I взволновать дворянские умы обратной реформой — пропагандой бороды и русской рубашки» (Милуков, 1901).

«Что же касается рескриптов, предписывающих иноземное платье и обычаи (вплоть до курения “табачного зелья”), то, при всей их иногда даже анекдотичности, они имели более глубокий смысл, чем можно думать. Как неплохой практический психолог, царь понимал ту, сейчас твердо установленную истину, что изменение стереотипа действий и повседневного поведения способствует формированию и новых глубинных ценностных ориентаций: бихевиориальный уровень индуцирует изменение мотивационной структуры личности» (Киссель, 1991).

дей, расширялись, — и в отечестве утверждалось: важен результат.

Потом от наших Демидовых, Кабаних и Цыбукиных. Они карабкались, не оглядываясь, кому обламывают сапогами уши, и все прочней утверждалось в когда-то богомольном прямодушном народе: важен результат.

А потом — от всех видов социалистов, и больше всего — от новейшего непогрешимого нетерпеливого Учения, которое все только из этого и состоит: важен результат! Важно сколотить боевую партию! захватить власть! удержать власть! устранить противников! победить в чугуне и стали! запустить ракеты!... Но это — ложь. Вот мы годы горбим на всесоюзной каторге. Вот мы медленными годовыми кругами восходим в понимании жизни — и с высоты этой так ясно видно: не результат важен! не результат — а дух! Не что сделано, а как. Не что достигнуто, а какой ценой» *.

(Солженицын, 1960-е)

«В самой основе российской государственности уже был заложен отказ от внутреннего развития в пользу развития внешнего, экстенсивного. Как известно, в свое время Петр I сделал рабство фундаментом бурного расцвета экономики страны и ее государственной мощи. В то же время он требовал от людей, “уложенных в основание пирамиды”, проявлений изобретательности и инициативы, чудес предприимчивости. Он, действительно, видимо, ожидал этого от них, не замечая в этом явного противоречия. В эпоху Петра I (и затем все больше) Россия достигла многого из того, к чему сама не была готова. А когда государство и его военная и экономическая мощь опережают общество и культуру (в том числе и культурное действие в экономике), за это всегда рано или поздно приходится расплачиваться. Расплачиваться за отсутствие внутреннего развития, “отстоялости” лю-

* Прямо противоположная точка зрения — «важен именно результат!» — содержится в статье «Не могу поступиться принципами», ставшей известной как «письмо Нины Андреевой»:

«В конечном счете, к примеру, сегодня мало кого смущают личные качества Петра Великого, но все помнят, что в период его правления страна вышла на уровень великой европейской державы. Время конденсировало результат, лежащий ныне в оценке исторической личности императора Петра, и неизменные цветы на его саркофаге в соборе Петропавловской крепости олицетворяют уважение и признательность наших далеких от самодержавия современников» (Андреева, 1988).

дей, личностей, за пренебрежение ко всякому правосознанию и частному правопорядку, в том числе и к недвижимому порядку «Я мыслю и не могу иначе». То есть ко всякому существованию из собственного убеждения».

(Мамардашвили, 1988)

10.9. Реформы Петра затронули быт верхов, но не народа

«Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле, от сохи до престола, россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях, — со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний».

(Карамзин, 1811)

«Всем известно, что реформа Петра Великого различно отдалась в составных слоях нашего общества: она всколебала лишь верхние и оторвала их от низших; на простой народ реформа не имела прямого действия: она только изменила его отношения к высшим сословиям, отстранив и как бы удалив его».

(Самарин, 1846)

«Жизнь тех семидесяти миллионов, которые называются общим именем русского народа, вовсе не изменилась бы в своих отправлениях, если бы, например, Шакловитому удалось убить молодого Петра... Цивилизаторские попытки Петра прошли мимо русского народа; ни одна из них не прохватила вглубь, потому что ни одна из них не была вызвана живою потребностью самого народа...» *

(Писарев, 1862)

* Подобная оценка деятельности Петра вполне логична в контексте общего скептического взгляда раннего Писарева на возможности просвещения народа со стороны западной элиты: «А между тем нельзя не заметить, что многосторонняя, кипучая деятельность Петра представляет собою оригинальное и характерное явление. Эта деятельность важна и замечательна, как барометрическое указание; она доказывает нам, как глубоко спал русский народ, как бессилён был против этого богатырского сна тот шум, который про-

«Петра реформа — ничего, в результате 1000 человек, страдающих сердцем и с разными мыслями». «У Петра было одно создание — дворянство (все остальное лопнуло). Теперь и дворянство порешили, что же осталось — ничего».

(Достоевский, 1876)

10.10. Новации Петра ограничивались столицей

«Если в Санкт-Петербурге, за разгулом, воровством, жульничеством, жестокостью, за лихорадками и туманами, хоть глупая, но все же была мысль стать подобным европейской державе, — то за Санкт-Петербургом, в огромной России были единые разбои, холуйства, безобразия и бессмыслица»*.

(Пильняк, 1919)

10.11. Деятельность Петра неэффективна из-за невысокого качества приближенных

«Среди тревожной обстановки его детства в нем <Петре> выработалось замечательное умение притворяться, которому не раз удивлялись иностранцы, — а вместе с тем и непобедимое недоверие к искренности его окружающих. Эта благоприобретенная черта не позволяла ему до конца жизни ни на кого ни в чем положиться и приводила к тому же, к чему и врожденная живость характера: к желанию, превратившемуся в потребность, самому все делать, входя в самые мелочные детали каждого дела... С своим недоверием к людям царь попадал в какой-то заколдованный круг. Цени в людях прежде всего испытанную верность себе, он имел очень ограниченный выбор и ни на один сколько-нибудь ответственный пост не мог посадить лицо, действительно подходящее, а назначал фигурантов, ничтожества,

изводил Петр, и как непробудно продолжал спать этот народ во время деятельности своего властелина и после ее окончания... Если он проснется, то проснется сам по себе, по внутренней потребности; мы его не разбудим воплями и воззваниями, не разбудим любовью и ласками, как не разбудил Петр Алексеевич ни казнями стрельцов, ни изданиями голландской типографии Тессинга» (Писарев, 1862).

* В «Епифанских шлюзах» Андрей Платонов идет еще дальше: даже в столицах именем царя-модернизатора действуют палачи-насилыники (Платонов А., 1920-е).

не имевшие никакого понятия о деле, которое должны были делать, — только бы можно было положиться на их преданность... Другим последствием той же причины было полное равнодушие ближайших сотрудников к самому существу того дела, которое они вели; и чем их положение становилось прочнее и обеспеченнее, тем сильнее обнаруживалось, что они преследуют только личные, своекорыстные интересы. В другой форме, это были те же самые враги реформы, от которых царь надеялся спастись назначением доверенных лиц на ответственные посты... К концу царствования этот диссонанс между вновь сложившейся рутинной и непримиримым нигилизмом царя, сохранившего среди новой обстановки все старые привычки, вынесенные из Немецкой Слободы, становился все чувствительнее и тяжелее для обеих сторон. С своими требованиями полного простора и пустоты кругом он становился все более анахронизмом среди сотканной им же паутины нового житейского церемониала... В конце концов против царя составилась какой-то молчаливый, пассивный заговор, не ускользнувший, разумеется, от его наблюдательности и только обостривший у него желание разорвать паутину». «Мы видим, что тот самый социальный и культурный простор, который сделал возможной победу крайнего направления реформы, роковым образом наложил на реформу резкую печать индивидуальности Петра, помешав ему установить взаимное доверие между собой и своими сотрудниками и подобрать для реформы подходящих людей. При полном отсутствии той междуклеточной ткани социальных отношений, которая вырабатывается культурным процессом и одна может обеспечить непрерывность социального действия — в пространстве, так же, как во времени, — при отсутствии этого необходимого условия сознательной реформы, Петру поневоле приходилось верить в одного только себя и полагаться лишь на собственные силы».

(Миллюков, 1901)

10.12. Деятельность Петра неэффективна из-за его «самоуверенного всевластия»

«Петр действовал силой власти, а не духа и рассчитывал не на нравственные побуждения людей, а на их инстинкты. Правя государством из походной кибитки и с почтовой станции, он думал только о делах, а не о людях и, уверенный в силе власти, недостаточно взвешивал пассивную мощь массы. Преобразовательная увлекаемость и самоуверенное всевластие — это были две

руки Петра, которые не мыли, а сжимали друг друга, парализуя энергию одна другой. Надеясь восполнить недостатки наличных средств творчеством власти, преобразователь стремился сделать больше возможного, а исполнители, запуганные и неповоротливые, теряли способность делать и посильное, и как Петр в своем преобразовательном разбеге не умел щадить людские силы, так люди в своем сомкнутом, стоячем отпоре не хотели ценить его усилия».

(Ключевский, 1890-е)

10.13. Петр — бестолковый руководитель

«Совсем не дело Петра было лазить по мачтам и работать с топором на верфях». «Монарху нет времени заниматься делом простого ремесленника. Петр Первый имел средства нанять не только корабельщиков и плотников, но адмиралов, откуда угодно; по моему мнению, он забыл свои обязанности, когда губил время в Саардаме, работая сам и изучая голландские термины, которыми он, как это видно из его указов и морской фразеологии, засорил русский язык».

(Дашкова, 1780)

«Петр, последовательный в общей своей идее — отрицания старого, и в общей своей задаче — объевропеенья России, был плохой систематик в области внутреннего управления. Сенат был при нем только его канцелярией, куда он валил все, — от избрания царя в случае его смерти... до снабжения недорослей серым сукном, — от посылки в Константинополь к султану с ратификациями Лопухина или сыска воров и разбойников — до устройства обеда на Потешном дворе по случаю победы датчан над шведами, и т. д.».

(Аксаков И., 1884)

«Импульсивность воли и недисциплинированность мысли как препятствие для обдуманного и сознательного отношения к собственной реформе». «Результат: экспериментирование на удачу и отрывочность отдельных усилий» *.

(Милюков, 1901)

* С критикой нарисованного Милюковым, почти щедринского портрета Петра выступил известный историк (а одно время — заведующий «кабинетом Петра Великого» в Государственном Архиве) Н. Павлов-Сильванский. Основываясь на подлинных бумагах Пет-

«До чего болезненно суетлив был этот человек! Лишенный выучки, не умеющий даже писать как следует, он с порыву, с налету, нахрапом как-то кидается то на изучение геометрии, то на хореографию и танцевальное искусство, то учится играть на барабанах, то изучает навигацию. Искусство готовить фейерверки, устройство ассамблей и маскарадов, тушение пожаров, столярное ремесло, хирургия — все вместе и ничто в отдельности захватывает, увлекает этого всегда куда-то спешащего, капризного человека. Отрубить голову собственными руками и, выпив рюмку водки, заняться составлением регламента для маскарада; при всех, в присутствии собравшихся на прием приближенных изнасиловать женщину и, как ни в чем не бывало, пойти в церковь и там петь на клиресе; убить собственного сына и сразу же вслед за этим торопиться на веселый пир — все это для него обычно и естественно. Он не знает различия между добром и злом. Все вместе, всего помногу валит он в общий котел. Там дальше видно будет. После разберем!»

(Василевский, 1923)

«Если перейти к частным характеристикам отдельных, решающих моментов петровской военной деятельности, то в них мы, между все остальных, отметим, в качестве постоянных спутников петровской военной деятельности, два качества Петра — бестолковость и трусость... Петр портил все, что только технически можно было испортить... В этой спешке, жестокости, бездарности и бестолковщине — весь Петр, как вылитый... Петр

ра, он показал, что при необходимости император был «исключительно усидчивым кабинетным работником»: в частности, над выработкой Морского Устава он трудился 5 месяцев подряд — по 4 дня в неделю, с 5 утра до полудня и с 4 часов дня до 11 вечера (Павлов-Сильванский, 1901).

Несколько иначе ставил вопрос А. Толстой в 1917 г.: да, в «дне Петра» много бестолковщины, но и много толка. Для другого человека та же бестолковщина заполнила бы весь день; у Петра — она лишь приложение к государственным делам: «Окончив занятия, письма, приказы, регламент — ехать надо на новую верфь, где строится двухпалубный линейный корабль; побывать на пушечном заводе и на канатном; завернуть по пути к сапожнику Матеусу, окрестить дочь, выпить чарку перцовой, закусив пирогом с морковью, сунуть под подушку роженице-куме рубль серебром; избить до смерти дьяка-вора на соляной заставе; походить по постройкам на набережных и на острове; в двенадцать часов — обед, и сон — до трех; отдохнув, ехать в Тайную канцелярию... А вечером — ассамблея по царскому приказу... Дела было много» (Толстой А., 1917).

вообще не работал — он суетился. И хотя, по Пушкину, он “на троне вечный был работник”, но для работы у него за вечными разъездами и таким же вечным пьянством просто технически не было времени и не могло быть».

(Солоневич, 1940-е)

10.14. Преобразования Петра — результат торопливости и тщеславия

«Петр слишком был влюблен в свою славу, чтобы быть всецело патриотом. Он при жизни хотел насладиться развитием, которое могло быть только плодом столетий».

(Улыбышев, 1819)

«Только обширная и разносторонняя деятельность могла удовлетворять энергическую природу Петра; только громкая, европейская известность могла польстить его громадному честолюбию. Петру необходимо было постоянно над чем-нибудь работать и постоянно чем-нибудь обращать на себя внимание современников; как человек умный, Петр мог удовлетворять этим потребностям своей природы, не делая таких нелепых эксцентричностей, в какие пускались не только в древности римские императоры, но даже в XVIII веке разные немецкие князья и князьки, одержимые бесом тщеславия и надувавшиеся, как лягушки, в подражание жирному волу, Людовику XIV. Благодаря своему замечательному уму, он, человек, не имевший во всю свою жизнь никакой цели, кроме удовлетворения крупным прихотям своей крупной личности, успел прослыть великим патриотом, благодетелем своего народа и основателем русского просвещения. Действительно, нельзя не отдать Петру Алексеевичу полной дани уважения: немногим удается так ловко подкупить в свою пользу суд истории».

(Писарев, 1862)

К такой же трактовке личности Петра пришел, после временного увлечения его эпохой, и Л. Толстой. С. Берс вспоминает (1894):

«Толстой говорил, что мнение его о личности Петра диаметрально противоположно, и вся эпоха сделалась ему несимпатичной. Он утверждал, что личность и деятельность Петра не только не заключала в себе ничего великого, а напротив, все качества его были дурные. Он пришел к выводу, что реформы Петра вызывались не потребностями народа, а его личными целями».

(Толстой Л., 1890-е)

Позднее в письме великому князю Николаю Михайловичу по поводу перспектив царствования Николая II Толстой напишет: «Вы пишете, что для осуществления этой грандиозной идеи нужен был бы царь-богатырь вроде Петра Великого и другие сотрудники, чем те, которыми может располагать Николай 2-ой. Я же думаю, что для осуществления этой цели не нужно никакого особенного богатства, тем менее такого распутного и пьяного, как богатство Петра Великого».

(Толстой Л., 1902)

О том, что главным импульсом преобразований была не любовь к России, а эгоизм уязвленного самолюбия, писал и А. Толстой:

«Что была Россия ему, царю, хозяину, загоревшемуся досадой и ревностью: как это — двор его и скот, батраки и все хозяйство хуже, глупее соседского? С перекошенным от гнева и нетерпения лицом прискакал хозяин из Голландии в Москву, в старый, ленивый, православный город, с колокольным тихим звоном, с повалившимися заборами, с калинами и девками у ворот, с китайскими, индийскими, персидскими купцами у кремлевской стены, с коровами и драными попами на площадях, с премудрыми боярами, со стрельцовой вольницей. Налетел с досадой, — ишь, угодье какое досталось в удел, не то, что у курфюрста бранденбургского, у голландского штатгальтера. Сейчас же, в этот же день, все перевернуть, перекроить, обстричь бороды, надеть всем голландский кафтан, поумнеть, думать начать по-иному. И при малом сопротивлении — лишь заикнулись только, что, мол, не голландские мы, а русские, избыли, мол, и хазарское иго, и половецкое, и татарское, не раз кровью и боками своими восстанавливали родную землю, не можем голландцами быть, смилуйся, — куда тут! Разъярилась царская душа на такую непробудность, и полетели стрелецкие головы».

(Толстой А., 1917)

10.15. Петровские новшества — лишь самообольщение и маскарад

«Какая смешная смесь во время Петра, когда Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом; один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что один бранит антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из всех сил сковеркать

ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как вообразя попа во фраке».

(Гоголь, 1833)

«То был какой-то безумный фантастический маскарад. Каждый жадно выбирал роль, надевал костюм и простодушно верил, что переродился, принимая обман за действительность. Кто не переделся, на того смотрели с презрением. Никогда самообольщение не доводило до такой слепоты».

(Кавелин, 1847)

«Не различишь, где царь, где шут. Он окружил себя масками. И “царь-плотник” не есть ли тоже маска — “машкерад на голландский манир”? И не дальше ли от простого народа этот новый царь в мнимой простоте своей, в плотничьем наряде, чем старые московские цари в своих златотканых одеждах?» *

(Мережковский, 1904)

«Актер, гениальный актер».

(Пильняк, 1919)

«Как ни резко, даже уродливо, выпячивается, колом стоит мысль и забота о державе российской во все периоды жизни Петра, но и здесь, оказывается, проявляется в душе Петра все та же изумительная, воистину дьявольская ирония, кощунственная насмешка, сплошное хихиканье и издевательство. Ничего нет святого, ничего нет серьезного на земле! Всем окружающее только “машкерад”, глумливо хихикающие хари и личины. Когда всматриваешься в интимное существо этого человека, неизменно видишь колпак скомороха рядом с царской короной, клоунскую маску на суровом лице... Петр очень любил всяческие развлечения, но что-то болезненное, какой-то глубокий надрыв чувствуется в этой издевательской страсти к насмешке над самим собой и над своими собственными святынями... Петр никоим образом не хочет, чтобы это болезненное шутовство его было хоть какой-нибудь чертой отделено от действительной жизни и государственной деятельности... Не пересчитать, не перечислить

* Мережковский при этом вносит один существеннейший нюанс в анализ проблемы петровского оборотничества: «В эти кровавые дни <следствия и расправы по делу царевича Алексея>, так же, как во время стрелецких казней и как вообще в самые черные дни своей жизни, Петр усерднее, чем когда-либо, занимался шутовским собором. Как будто нарочно оглушал себя смехом» (Мережковский, 1904).

все новых и новых примеров болезненной склонности к издевательству над всем в мире, к издевательству над самим собой, какими заполнены все годы жизни и царствования Петра».

(Василевский, 1923)

11. РЕЛИГИОЗНЫЙ ОТСТУПНИК

11.1. Петр — Антихрист

Наиболее заметными среди первых распространителей этой версии были московский книгописец, Григорий Талицкий, белгородский священник Иван Никитин, капитан, сын помещика, постригшийся в монахи Варлам Левин, подъячий артиллерийского приказа Ларион Докукин и т. д.

«Пришла кончина света, и антихрист настал. Об этом говорит евангелие и библейские книги. В Апокалипсисе Иоанна Богослова, в главе XVII написано: антихрист будет осьмой царь. А по нашему счету — третье сложение Римской монархии царей греко-российских, осьмой царь — Петр Алексеевич. Он-то и есть антихрист. Да и лета сошлись. Царствующий град Москва—Вавилон, жители его вавилоняне, слуги антихристовы. И какой Петр царь... От такого царя нужно отступать, не надо его ни слушать, ни платить ему податей».

(Талицкий, 1690-е)

«Такие се подати стали, уму непостижимы, а ныне-де и до нашего брата священника дошло... Никак же в нашем царстве государя нет, а ныне-де у нас не государь царствует — антихрист».

(Никитин, 1705)

Семиотический смысл представлений о Петре как «антихристе» изложен Б. Успенским:

«Поведение Петра, под некоторым углом зрения, предстает не как культурная революция, но как антитексты, минус-поведение, находящееся в пределах той же культуры. Во всяком случае так могло расцениваться оно современниками, и это принципиально важно. Иначе говоря, поведение Петра, как это ни парадоксально, в большой степени не выходило за рамки традиционных представлений и норм: оно вполне укладывалось в эти рамки, но только с отрицательным знаком. Соответственно на языке эпохи действия Петра и не могли восприниматься иным образом: в глазах современников Петр как бы публично заявлял

о себе, что он — Антихрист *. Не менее важно, что действия Петра в ряде случаев как бы оправдывают отношение к нему социума, т. е. Петр как бы подчиняется тому, что о нем думают. Прежде всего его поступки отвечают эсхатологическим ожиданиям эпохи. Пришествие Антихриста ожидалось в 1666 г., ког-

* Б. Успенский предлагает свое объяснение «странному» поведению Петра: «Безусловно, знал этот язык и мог, следовательно, предугадать эффект своих поступков. Одним из возможных объяснений его поведения будет признание того, что Петр вполне сознательно игнорировал свой родной язык как неправильный, признавая единственно правильным импортированный язык западноевропейских культурных представлений. В самом отношении к языку — почти иррациональном — Петр остается при этом верным сыном своей культуры: принятие правильного языка и отказ от “неправильного” оказывается субъективно более важным фактором, чем возможные последствия соответствующих поступков. Из такого объяснения следует, что Петр сознательно творил тексты на ином языке, нежели тот, на котором они читались социумом» (Успенский, 1976).

Иную точку зрения высказывает А. Захаров: «Не принимая гипотезу об инструментальном использовании Петром “негативной диалектики”, мы должны объяснить, зачем все это делалось. Зачем? — А низачем! Зачем пишутся ругательства на заборах? Эскапады Петра несут на себе отпечаток непосредственной детской аффективности, когда факты принимаются такими, какими они кажутся или какими их хотят видеть, а реакции на них поверхностны, импульсивны. И в этом отношении царь Петр вел себя очень по-русски. То был жест смертельно, до глубины сердца обиженного русского человека. Дело в том, что все предшествовавшее столетие, с его самозванцами, никонианством, нарышкинским барокко, стрелецкими бунтами, было цепью непрерывных унижений России, затронувших самоуважение царской власти. Это была эпоха, заставившая усомниться в главной претензии русского престола: совместить идею III Рима и идеал христианской любви. Петровское оскорбление может быть правильно оценено только в этой логической цепи. Оно сбросило маску вошедшего в обычай ханжества и показало русскому обществу, чего оно стоит... Оскорбление Петра заключалось в лишении России “невинности”, ее привычки думать о себе как о чем-то вечном и безусловном. Развив бурную активность, опережающую возможности своей эпохи, петровские реформы парализовали потоки рефлексии, основывающиеся на национальном языке, индивидуации, религиозности, телесности — то, что делало возможным органическое развитие опыта цивилизации. В юридической практике различают оскорбление словом и делом. Деяния Петра можно было бы квалифицировать как оскорбление жестом, как семантический инцест, смешавший несовместимые знаковые системы» (Захаров, 1994).

да же оно не исполнилось, стали считать 1666 г. не от рождения Христа, а от его воскресения, т. е. стали ждать его в 1699 г. (1666 + 33 = 1699). И всего за несколько дней до наступления этого года (25.12.1698 г.; следует иметь в виду, что новый год начинался первого сентября) явился Петр из первого своего заграничного путешествия, причем его прибытие было сразу же ознаменовано рядом культурных нововведений (уже на следующий день началась насильственная стрижка бород; уничтожением бород было ознаменовано и новолетие 1699 г.; тогда же началась и борьба против национальной русской одежды и ряд других реформ того же порядка».

(Успенский, 1976)

11.2. Петр — язычник в облике христианина, «русский леший»

«Он, конечно, верит в Бога, как сам говорит, “уповает на крепкого в бранях Господа”. Но иногда кажется, что Бог его — вовсе не христианский Бог, а древний языческий Марс или сам рок — Немезида. Если был когда-нибудь человек, менее всего похожий на христианина, то это Петр. Какое ему дело до Христа? Какое соединение между Марсовым железом и Евангельскими лилиями?» «Настоящий дикарь-каннибал. В просвещенном европейце — русский леший... Иногда эти шутки ужасны, особенно во время святочных попоек, так называемого славления... Таскают людей на канате из проруби в прорубь. Сажают голым задом на лед. Спаивают до смерти. Так, играя с людьми, существо иной породы, фавн или кентавр, калечит их и убивает нечаянно...»

(Мережковский, 1904)

11.3. Петр — дитя русского Раскола

«Раскол был серьезным доказательством неспособности московского общества к мирному перерождению. В атмосфере поднятой им гражданско-религиозной войны (“Стрелецких бунтов”) воспитывался великий Отступник, сорвавший Россию с ее круговой орбиты, чтобы кометой швырнуть в пространство».

(Федотов, 1926)

11.4. Петр — источник подлинного русского Раскола

«Сам Петр хотел разрыва... Он создавал и воспитывал психологию переворота. И именно с Петра и начинается великий и

подлинный русский раскол... Раскол не столько между правительством и народом (как то думали славянофилы), сколько между властью и Церковью. Происходит некая поляризация душевного бытия России. Русская душа раздваивается и растягивается в напряжении между двумя средоточиями жизни, церковным и мирским. Петровская Реформа означала сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах...»

(Флоренский, 1937)

11.5. Петр — человек Реформации

«К южному источнику культурных веяний <через славяно-греко-латинскую академию> присоединен был Петром источник северный. Если там дуло латинством и средневековым католицизмом, то с севера пахло реформаторством и новой Европой. Сквозной ветер должен был освежить невежественный покой России, прежде чем можно было приступить к какой бы то ни было культурной работе».

(Шпет, 1922)

«Новизна петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом... Петр в России хотел церковное управление организовать так, как было оно организовано в протестантских странах. Такое переустройство не только отвечало его властному самочувствию и не только требовалось логикой его общей идеи власти или “воли монаршей”. Оно соответствовало и его личному религиозному самочувствию или сомнению. В своем мировоззрении Петр был вполне человеком реформированного мира, хотя в быту и сохранял неожиданно много привычек или прихотей московской старины. И было что-то нескромное и нечистое в его прикосновении к святыне, — не говорим уже о припадках его кощунственного буйства, в которых изливались тайные подполья его надорванной души. Есть что-то демоническое во всей обстановке петровской эпохи...»

(Флоровский, 1937)

11.6. Петр разрушил «симфонию властей» православной России

«Такое уничтожение симфонии властей у нас в России случилось при Петре I. Хотя кровавых гонений против православной Церкви, подобных тем, которые воздвигались иконоборческими императорами, при Петре не было, зато уничтожение симфонии

при нем было во всей полноте. Своими противоцерковными реформами, своею личною противоцерковною жизнью Петр положил среди русского народа начало отступления от православной веры в протестантском направлении, по которому шли еще задолго до появления протестантизма иконоборческие императоры. В силу такого отрицательного своего отношения к православной вере Петр уничтожил и другую основу симфонии — почитание со стороны императорской власти священства или Церкви. Им упразднена была самостоятельная церковная власть, святые каноны им были нарушены, а церковное имущество было отнято в пользу государства. Такое уничтожение Петром симфонии властей, при его искаженной самодержавной, вернее — абсолютистской и деспотической царской власти, так потрясло исконные начала русского народа, что последний, несмотря на покровительство Церкви русских царей XIX в., уже не мог оправиться и встать на свой заповеданный ему Богом путь осуществления религиозно-нравственного идеала — путь святой Руси. Поэтому здесь, в уничтожении Петром симфонии властей, и была заложена причина гибели России».

(о. Серафим (Соболев), 1939)

12. ИНТЕЛЛИГЕНТ

12.1. Петр — первая свободная великорусская личность

«В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила их себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начал личности в русской истории».

(Кавелин, 1847)

«Петр — первая свободная великорусская личность, со всеми ее характеристическими чертами: практичностью, смелостью, широтою, и со всеми недостатками, обусловленными тою средою и теми обстоятельствами, при которых она появилась. В обществе, построенном на крепостном начале, личность могла заявить себя не иначе, как с большою ненавистью к порядку дел, который ее давил, со всею необузданностью и гневом угнетенной силы, рвущейся на простор, с пристрастием к цивилизованной Европе, где личность служит основанием общественного быта и

права, свобода ее признана и освящена. Далее, личность могла выступить только со всею неопытностью, мечтательностью, пренебрежением к действительности, как является всякое новое начало, верующее только в себя и в свою силу. Все эти черты мы находим в Петре: он с ненавистью смотрит на старину и окружающее его, все его предубеждения в пользу европейского просвещения. С неудержимой, ужасающей силой и верой в свой идеал он пересоздает весь наш быт от азбуки до Синода, от бороды до платья, от ассамблеи до Сената. Никакие препятствия его не останавливают. Во всех его действиях лежит в основании убеждение, что нет ничего невозможного, что можно все пересоздать сразу, и он спешит сделать в свое царствование то, что в обыкновенном порядке исторического развития есть дело веков и поколений. Только перед смертью он понял, что человек слабое творение».

(Кавелин, 1864)

12.2. Петр — первый русский интеллигент

«Я повторяю и настаиваю: первый русский интеллигент — Петр. Он отпечатлел, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции. Единственные законные наследники, дети Петровы — все мы, русские интеллигенты. Он в нас, мы в нем. Кто любит Петра, тот и нас любит; кто его ненавидит, тот ненавидит и нас.

Что такое Петр? Чудо или чудовище? Я опять-таки решать не берусь. Он слишком родной мне, слишком часть меня самого, чтобы я мог судить о нем беспристрастно. Я только знаю — другого Петра не будет, он у России один; и русская интеллигенция у нее одна, другой не будет. И пока в России жив Петр Великий, жива и великая русская интеллигенция.

Мы каждый день погибаем. У нас много врагов, мало друзей. Велика опасность, грозящая нам, но велика и надежда наша: с нами Петр» *.

(Мережковский, 1906)

* Если у Д. Мережковского во главу угла ставится преобразовательный духовный максимализм «Петра-интеллигента», то у М. Светлова Петр, «хмур и одинок», оказывается «медным интеллигентом», воплощением (в отличие от нового демиурга — Ленина) русской инертности и мелкобуржуазного интеллигентского скептицизма:

«Но ты-то чего здесь развел сантименты Последнего Медного Интеллигента!» (Светлов, 1925).

12.3. Слабости русской интеллигенции берут начало в деяниях Петра

«Вся интеллигенция России, с Петра Великого начиная, не участвовала в прямых и текущих интересах России, а всегда тянула дребедень отвлеченно-европейскую (Александр I, Мордвиновы, Сперанские, декабристы, Герцены, Белинские и Чернышевские и вся современная дрянь».

(Достоевский, 1875)

«Душа интеллигенции, этого создания Петрова, есть вместе с тем ключ и к грядущим судьбам русской государственности и общественности. Худо ли это или хорошо, но судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции, как бы ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась в данный момент слаба и даже бессильна эта интеллигенция. Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый. Ей, этой горсти, принадлежит почти монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа...

(Булгаков С., 1908)

В эмигрантской литературе получила развитие еще одна — одновременно и «антисоветская», и «антиинтеллигентская» — вариация на тему «Петр и интеллигенция»:

«Петра съел русский интеллигент. Слабый, хилый, выросший за библиотечную полкой, в пыли брошюр, близорукий, хотя и до конца честный — он по трагическому року страны оказался хранителем начал Петра на Руси, часовым. Что же он сделал? Он выдал его головой Пугачеву».

(Горный, 1922)

13. ЧЕЛОВЕК КРАЙНОСТЕЙ

«Буйная смесь резких противоречий — вот основное свойство психики Петра... В чем сущность, в чем первооснова взбалмошной, бестолковой стихийной и огромной фигуры Петра? Любил ли что-либо по-настоящему этот дикарь, стремившийся к просвещению, этот пьяница и развратник, желавший исправить нравы в России, это палач и сыноубийца, издававший законы, этот сифилитик и педераст, искренне веривший, что он стоит на

страже доброй нравственности?.. Даже пушкинские слова о Петре “то академик, то герой” ни в какой мере не определяют этого огромного, сумбурного, суетливого, могучего и болезненного человека. Если Россия — это “страна неограниченных возможностей”, то воистину человеком неограниченных возможностей был этот самый крупный из русских царей, которого Лев Толстой, не очень деликатно, но не без серьезных оснований, называл “беснующимся, пьяным, сгнившим от сифилиса зверем”... Силач, свертывавший в трубку серебряные монеты и — беспомощный ребенок; лютый палач и — одинокий мечтатель; исполненный издевательства циник и хам и — искренне религиозный человек; тупой обыватель и — гениальный провидец; жалкий трус и — решительный воин; все это вместе соединялось в этой сумбурной российской душе!»

(Василевский, 1923)

«В одно и то же время Петр был вспыльчивым и хладнокровным, расточительным и до скупости бережливым, жестоким и милосердным, требовательным и снисходительным, грубым и нежным, расчетливым и опрометчивым».

(Павленко, 1973)

13.1. Петр — «охотник»

«Петр — охотник. Признаки: баб, детей, славу не любит, пышности не любит. Любит доходить сам».

(Толстой Л., 1870)

13.2. Петр обуреваем фобиями

«О простреленной при Полтаве шляпе нам прожужжали уши. Я не сомневаюсь, что он может быть храбрым, особенно в победе. Впрочем, все победители храбры. Но так ли он всегда был храбр, как это кажется?.. Когда царь путешествует по России, то для его ночлегов строят новые избы, потому что трудно в русских деревнях отыскать жилье без тараканов. Он боится также пауков и всяких насекомых... Если бы пошутили с ним так, как он шутит с другими — пустили бы ему на голое тело с полдюжины пауков или тараканов — он, пожалуй, умер бы на месте, и уж, конечно, историки не поверили бы, что победитель Карла XII умер от прикосновения тараканьих лапок. Есть что-то поразительное в этом страхе царя-исполина, которого все трепещут, перед крошечной безвредной тварью. Мне вспомнилось

учение Лейбница о монадах: как будто не физическая, а метафизическая, первозданная природа насекомых враждебна природе царя» *.

(Мережковский, 1904)

«Петр вообще был человек очень сильного воображения, чрезвычайной мнительности и опасливости, переходящей в робость и испуг; таков он был, несмотря на кровавый ореол свой, грозный характер и неукротимую энергию».

(Розанов, 1905)

13.3. Петр обуян роковой страстью «изведать все до пределов»

«Любопытство страстное, в пороке, в преступлении, в чудесах цивилизации: до чего могут дойти? Материально только. Нарушает все старые связи жизни, а для достижения своих целей хочет этими связями пользоваться: вера, присяга, родство. Роковое — это страсть изведать всего до пределов».

(Толстой Л., 1872)

13.4. Петр — и жертва, и демон

«Пушкин, Достоевский, Мережковский закапывают Петра. Ключевский и Садовской — первый еще бессознательно — его откапывают — лицо, а не демон. Но и не совсем так, ибо Петр — и жертва, и демон (как и Чацкий). Пьяный Петр, заставляя заспанного восьмилетнего сына рубить стрелочку голову зазубренным топором, действует и как стоящая выше окружающего, им владеющая, демоническая сила, и как жертвенное лицо, принесшее “службу” (он еще Москва, “окно”, в которое он высунулся, — там воздух отравленный, воздух белых ночей — а не в нем самом отравляющая) свою, всего себя — для будущей русской цивилизации».

(Кузьмин-Каравеев, 1911)

* В одной из своих повестей Ю. Тынянов пытается объяснить этот страх Петра-европеиста перед тараканами (факт, неоднократно удостоверенный историческими источниками) фобиями перед «Востоком»: «Он произошел, гад, с востока, он проявился лет с пятьдесят назад и пришел с Турции в большом числе, в Турецкую несчастную кампанию... Может, он его боялся оттого, что гад с Турчины? Или его усов китайских?» (Тынянов, 1931).

13.5. Петр — гениальный сумасшедший

«Человек, радость души которого была в действиях. Человек со способностями гениальными. Человек ненормальный, всегда пьяный, сифилит, неврастеник, страдавший психостеническими припадками тоски и буйства, своими руками задушивший сына. Монарх, никогда, ни в чем не умевший сокращать себя, не понимавший, что должно владеть собой, деспот. Человек, абсолютно не имевший чувства ответственности, презиравший все, до конца жизни не понявший ни исторической логики, ни физиологии народной жизни. Маньяк. Трус».

(Пильняк, 1919)

13.6. Петр — ребенок-деспот

«Дикарь и дитя. Впрочем, все вообще русские — дети. Царь среди них только притворяется взрослым. Никогда не забуду, как на сельской ярмарке близ Вольфенбюттеля герой Полтавы ездил верхом на деревянных лошадках дрянной карусели, ловил медные кольца палочкой и забавлялся, как маленький мальчик. Дети жестоки. Любимая забава царя — принуждать людей к противоестественному: кто не терпит вина, масла, сыра, устриц, уксуса, тому он, при всяком удобном случае, наполняет этим рот насильно. Щекочет боящихся щекотки. Многие, чтоб угодить ему, нарочно притворяются, что не выносят того, чем он любит дразнить... Иногда почти невозможно решить, где в этих шутках кончается детская резвость и начинается зверская лютость».

(Мережковский, 1904)

«Человек, до конца дней оставшийся ребенком, больше всего возлюбивший игру и игравший всю жизнь: в войну, в корабли, в парады, в соборы, иллюминации, в Европу. С годами на круглом, красном, бабьем лице обвисли щеки, одрябли красные губы, свисли красные — в сифилисе — веки, не закрывались плотно; и из-за них глядели безумные, пьяные, дикие детские глаза, такие же, какими глядит ребенок на кошку, вкалывая в нее иглу или прикладывая раскаленное железо к пяточку спящей свиньи: не может быть иначе — Петр не понимал, когда душил своего сына. Тридцать лет воевал — играл — в безумную войну — только потому, что подросли потешные и флоту было тесно на Москве-реке и на Преображенском пруде». «Екатерина поплыла к Петру. Петр стоял, размахивая руками, подбородок его судорожно склоняло налево, сажало на плечо, глаза были дикими и беспомощными, как у ребенка. Одна Екатерина могла

его успокаивать в такие минуты. Взяла обеими руками голову Петра, прислонила к груди, почесывала тихо за ушами. Села, посадила около государя, прислонила голову его к обильным своим коленкам, почесывала. Государь заснул беспомощно, как ребенок» *.

(Пильняк, 1919)

13.7. Петр — «баба»

<Петр> «склонил сильно волосатую свою бабьи-красную голову к спинке кресла»; «захрапел тонким бабьим присвистом»; «сенатор Шафыров, прежде чем взглянуть в бабьи глаза императора, окинул мышинным взором окружность», и т. д.

(Пильняк, 1919)

В повести «Трава забвения» В. Катаев вспоминает остроумное обращение И. Бунина к одной знакомой «могучей даме»:

«Вам не хватает маленьких черных усиков, и вы — вылитый... Петр Великий». Катаев пишет: «И вдруг мы все увидели лицо Петра... Мотаю себе на ус, обобщая бунинскую находку: “дамское лицо Петра”...»

(Бунин, Катаев, 1920-е)

13.8. Петр — развратник и хулиган

<Петр> — «развратник и нигилист».

(Достоевский, 1874)

«У нас цивилизация началась с разврата. Всякая цивилизация начинается с разврата. Жадность приобретения. Зависть и гордость. Развратом взяла реформа Петра Великого».

(Достоевский, 1876)

* Ср. с изображениями той же сцены Д. Мережковским, у которого Б. Пильняк, несомненно, позаимствовал сюжет: «Никто, кроме Катеньки, не умел укрощать тех припадков безумного царского гнева, которых так боялись приближенные... Она была как мать, которая баюкает больного ребенка, и как ласкающая зверя укротительница львов», или: «Он спал сладко, как маленькие дети, наплакавшись. <Екатерина> опять взяла голову Петеньки, положила ее к себе на грудь и начала тихонько гладить, лаская, баюкая, глядя на спящего исполнина, как мать на больного ребенка или укротительница львов на страшного зверя» (Мережковский, 1904).

Сцена эта является «слабостью» пишущих о Петре: в повести «Смерть Петра» ее в который раз воспроизводит Ю. Семенов (Семенов, 1985).

«Пьяный сифилитик Петр со своими шутами...»

(Толстой Л., 1890-е)

«Император, больше всего любивший дебош, женившийся на проститутке, наложнице Меншикова, — человек с идеалами казарм. Тело было огромным, нечистым, очень потливым, нескладным, косолапым, тонконогим, проеденным алкоголем, табаком и сифилисом... Первоначальной общественной школой Петра был Кокуй, с его разноплеменными отбросами Европы, попавшими в Москву на ловлю счастья и чинов... Москва о нравственных чувствах все-таки напоминала и если грешила сама, то знала, что грешила, и потом каялась — даже и в лице Грозного. Петр шел по пути полного морального нигилизма, и все его поведение по отношению к Церкви, к Руси и к Москве было по самому глубокому существу своему таким же хулиганским протестом против общественного порядка, каким является и всякое хулиганство вообще. Проглядев мотив хулиганства, историки проглядели исходный пункт тех петровских безобразий, из-за которых народ окрестил преобразователя Антихристом».

(Солоневич, 1940-е)

13.9. Пороки Петра уравновешены его добродетелями

«Пороки тем виднее в нем, что они, будучи сопряжены с великими добродетелями и делами, яко на высоте поставленные, явнее становятся».

(Щербатов, 1770-е)

«Так жилось в старой Руси, где князь прежде всего был вождем дружины; поработать, а потом сесть пить с дружиною — таков был день старого русского князя, который не мог принять магометанства, потому что “Руси есть веселие пити”».

(Соловьев С., 1860-е)

«Вынуть одно происшествие из целой жизни, или один час из двадцати четырех, без внимания к времени и обстоятельствам, и судить по ним о великом государственном деятеле не только несправедливо, но и дерзко, безрассудно и нелепо... Что сказать об его оргиях? Проведя день в непрерывной работе, с утомленным вниманием, переделав тысячу дел самых разнообразных, в продолжении пятнадцати часов, Петрова атлетическая натура имела нужду в особом рода отдыхе, развлечении, о коем мы, с на-

шими головными болями, слабостью желудка, страхом от подагры и хирагры, с нашими тиками и ревматизмами, и понятий иметь не можем. Присоедините его темперамент, его силу, его рост. Впрочем, кощунство его, спору нет, противно, хотя и тут часто имел он политические цели, очень уважительные».

(Погодин, 1863)

«Римлянин был велик и добродетелен, хотя смотрел на бой гладиаторов. Испанец был рыцарь без страха и порока, хотя утешался боем быков. Увеселения при всех европейских дворах во времена Петра Великого носили следы грубости, и попойка была всюду в обыкновении. Русские, кроме того, были особенно пристрастны к хмельному разгулю. Петр Великий, всегда строгий и умеренный, следовал обычаям своего века, иногда уделяя время отдыху от тяжелых трудов и любя в такие часы русский разгул и братину в веселой беседе... Отдых Геркулеса не годился Пигмею, и излишество пылких страстей не всегда ли связано с превышающею других силою гения?»

(Полевой, 1830-е)

«“Делу время и потехе час”, — говорил царь Алексей Михайлович, который не прочь был посвятить досуг любимому удовольствию — охоте или провести вечер в веселой компании с приближенными. Петр отводил делу больше времени, чем отец, или, точнее, в то же время умел затратить много больше трудового напряжения. Вот почему и час его потехи длился дольше потехи царя Алексея. Прерывая работу, Петр умел отдаться охватывавшему его веселью с тем же порывом, с каким он отдавался и работе. Веселье не мешало ему продолжать вести дело».

(Богословский, 1917)

1

Итак, перед нами прошли двенадцать ликов Великого Реформатора — двенадцать базисных интерпретаций, выработанных постпетровской русской культурой в течение двух с половиной веков. Мы имели возможность познакомиться и с тринадцатым «ликом» или, скорее, личиной — своеобразной коллекцией гримас, вмененных Петру не в меру эмоциональными потомками. Что же делать нам с этим богатством?

Смириться ли с тем, что настоящий, аутентичный Петр — это личность-событие и неразрешимая загадка, надежно упрятан-

ная в лабиринтах национального самосознания? Или просто совершить свой собственный волевой выбор по принципу — «мой Петр»?

Нетрудно заметить, что обе позиции вопреки (но в равной степени и — благодаря) своей альтернативности оказываются неразсторжимо связанными. И даже более: одна из них есть лишь «изнанка» другой. Стоит же чуть более внимательно вслушаться в многоголосье культуры, как мы отчетливо различим два контрастно доминирующих лейтмотива, к которым тяготеют все другие темы — истолкования Петра.

С одной стороны, перед нами — «герой», «полубог», спасающий и творящий Россию. С другой — едва ли не исчадие ада, извратитель и погубитель всего подлинно и самобытно русского. Петр Пушкина, нечеловеческим усилием вздыбивший Россию над бездной небытия. И Петр Н. Костомарова, написавшего: «Мы не станем отрицать высоты целей Петра, но меры, постоянно употребляемые для этих высоких целей, были ужасны; вся Русь находилась как будто на продолжительной виске (курсив мой. — Л. П.), под беспрестанными ударами, все для того, чтобы преобразить ее в могучее европейское государство» (Костомаров, 1875).

Итак, Петр оказался втянутым в механизм самой радикальной интерпретации, каким только обладает любая культура, — механизм бинарных оппозиций. И это подтверждает его повышенную значимость, ибо лишь то, что затрагивает глубинную суть культуры, удостоивается экзистенциального суда — «либо — либо». И как мы имели возможность убедиться, эта роковая дихотомия преследует Петра и его дело на всем протяжении последних трех веков российской истории.

Уже несколько раз за последние сто с небольшим лет и дело Петра, и сам спор славянофилов с западниками объявлялись исчерпанными, преодоленными и завершенными. Но в силу недостаточно осознанной пока (а потому и необъясненной) ретроспективности российского национального самосознания западническо-славянофильская топика с ее основным персонажем вновь и вновь оказывается в эпицентре очередной схватки идеологий. Западники-универсалисты и славянофилы-самобытники в своих нескончаемых спорах вновь и вновь упираются в Петра как в действительно краеугольный камень — не то созидания, не то разрушения России. Они отступают в прошлое в надежде ясней разобраться в сегодняшних комплексах и проблемах, а значит продвинуться на пути решения основной задачи всякой культуры — задачи самопостроения.

Традиционно считается, что Петр — бесспорный западнический кумир и, напротив, — кошмар славянофилов. Но сегодня нельзя себе представить ничего менее плодотворного и более банального, чем такая самоочевидная констатация. Стоит обратиться к текстам — и мы убедимся, что западники могли непредвзято критиковать Петра, а славянофилы — по достоинству оценивать те или иные стороны его деятельности.

Для А. Хомякова Петр — это «человек, для которого мы не находим ни достаточных похвал, ни достаточно упреков, но о котором потомство вспомнит только с благодарностью» (Хомяков, 1838). И. Киреевский высоко ценит взгляды Петра на необходимость просвещения для русских и уверен, что они «объясняют увлечение, с которым действовал Петр, и во многом оправдывают его крайности. Любовь к просвещению была его страстью. В нем одном он видел спасение для России, а источник его видел в одной Европе» (Киреевский, 1852).

С другой стороны — А. Герцен, западник, усматривал в Петре «северного великана, гиганта, в котором сосредоточена была энергия и жестокость Конвента 93 года», и «царя, отрекшегося от своей страны для ее пользы и угнетавшего ее во имя европеизма и цивилизации» (Герцен, 1842). А стойкий западник Н. Чернышевский так подытожил деятельность Великого Реформатора: «Россия была бедна; Петр разорил ее... Русский народ имел уже влечение учиться; Петр, насколько мог, внушил ему ненависть к просвещению» (Чернышевский, 1886).

Нет, не зря ощущение Петра как огромного парадокса и одной из самых роковых загадок русской истории томило и не отпускало Ф. Достоевского еще со времен «Белых ночей». И не случайно он в свою отчетливо славянофильскую пору заключил: «Петр не мог не быть западником, но вряд ли он был в таком тесном смысле, как петербургский западник или иезуит Гагарин. И если б увидал славянофилов, наверно бы их понял, взял бы Хомякова и Самарина и сказал бы, вот птенцы моего гнезда, хотя, по-видимому, они и против меня говорили» (Достоевский, 1876).

Сам Достоевский буквально разрывался между взаимоисключающими оценками петровской реформы. Еще в декабре 1875 г. он записывает в дневнике для себя: «У Петра было одно создание — дворянство (все остальное лопнуло). Теперь и дворянство порешили, что же осталось — ничего» (Достоевский, 1875). Но для всех в «Дневнике писателя» появляются иные строки: «Через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и

усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное значение наше, личность и роль нашу в человечестве...» (Достоевский, 1876).

Этот мучительная двойственность в понимании Петра преследует русскую мысль и в XX веке. Возьмем в качестве примера двух наиболее выдающихся теоретиков русского монархизма — Ивана Солоневича и Ивана Ильина. Пламенный патриотизм, искренняя православная религиозность, глубочайшая сродненность с русской культурной традицией обоих — вне всяких сомнений. И при этом — радикально противоположные, просто взаимоисключающие оценки Петра.

Для Солоневича было абсолютно ясно: «Старая Московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца» (Солоневич, 1940-е).

Но и Ильин (философ, ex professo обязанный быть осторожным с превосходными степенями!) не обинуется называть его «гениальнейшим из государей» и утверждает: «Россия нуждалась в Петре Великом, чтобы осознать и развернуть свое великодержавие» (Ильин, 1951).

Число подобных коллизий можно было бы умножать до бесконечности, но существо их уже достаточно понятно. За всеми спорами о Петре явно или неявно присутствует фундаментальный спор о допетровской Руси, в неменьшей мере конституирующий оппозитивный механизм в сфере самоистолкования русской культуры. Следовательно, оба эти спора необходимо включить в поле одновременного рассмотрения с тем, чтобы проблемы, возникающие в рамках одного из них, можно было решать в контексте другого и наоборот. При таком подходе мы можем надеяться в конечном итоге получить объяснение социальных сдвигов в эпоху Петра и сопровождавших эти сдвиги изменений в коллективной идентичности.

2

Еще в первой половине XIX в. в рамках принципиального спора между «самобытниками» и «западниками» была высказана мысль о том, что допетровская Русь являет собой особый тип общества, существенно отличающийся от западноевропейского. Мысль, казалось бы, целиком и полностью славянофильская. Но не чуждая, как выясняется, и мыслителю, традиционно

причисляемому к классикам русского «западничества», — П. Чаадаеву.

Он был убежден в том, что русское общество с самого момента своего возникновения было лишено, так сказать, импульса саморазвития. Призвание варягов, заимствование религии из Византии, подчинение татаро-монголам, никогда не захватывавшим всей территории Киевской Руси, привело его к выводу о том, что русская история есть движение русского социума под решающим воздействием вмешательств извне. Или, выражаясь аутентичным языком самого Чаадаева, история русского народа есть история его самоотречения.

Одной из наиболее важных и постоянно действующих идей, заимствованных русским народом и закрепивших, так сказать, алгоритм его исторической судьбы, являлось, согласно Чаадаеву, православное христианство в его противоположности западно-католическому. Имея в виду православие как главный фактор консервации асоциальной неподвижности допетровской Руси, он писал: «Под действием этой единой идеи развилось наше общество. К той минуте, когда явился со своим преобразованием Петр Великий, это развитие достигло своего апогея. Но то не было собственно социальное развитие: то был интимный факт, дело личной совести и семейного уклада, т. е. нечто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мере политического роста страны. Естественно, что весь этот *домашний строй* (курсив мой. — Л. П.), примененный к государственному, распался тотчас, как только могучая рука кинула нас на поприще всемирного прогресса» (Чаадаев, 1846).

Предчувствия и интуиции Чаадаева в отношении истории России, связанные с его общефилософской концепцией, были четверть века спустя преобразованы в методологически строгую (по критериям середины XIX в., разумеется) концепцию С. Соловьевым. Он предложил рассматривать петровскую реформу в рамках общесоциологической теории, выявляющей в истории два основных типа человеческих сообществ — «варварский» и «цивилизированный». Мы встречали эти понятия в интерпретациях петровской реформы, данных некоторыми декабристами. Но в них господствовал еще взгляд на «цивилизацию» как на нечто, приобретаемое или усвояемое русскими извне — благодаря личному выбору Петра.

С. Соловьев предложил существенно иной подход. Для него «варварство» и «цивилизация» есть лишь два «возраста» в развитии всякого исторического народа. И дело не в ценностном

предпочтении того или иного типа, а в поиске точки перехода от одного возраста к другому, от правильности определения которой зависит и сама возможность научно корректной истории данного народа. Принципиальная новизна соловьевского подхода к Петру и его преобразованиям состояла именно в том, что он поставил эту личность-событие в точку разрыва между древней («варварской») Русью и Россией новой («цивилизованной»).

Критерий разграничения двух общественных типов С. Соловьев заимствовал из современной ему западноевропейской социологической теории. «Развитие состоит в разделении занятий, — говорил он во втором из своих “Публичных чтений о Петре Великом”. — Мы называем наиболее развитым то тело, которое имеет наиболее отдельных органов, служащих каждый известному отправлению жизни и находящихся в тесной друг с другом связи и зависимости. Мы называем и человеческое общество наименее развитым, варварским, где *разделение занятий* (курсив мой. — Л. П.) слабо, где каждый делает все для себя нужное, не имея нужды в других, не общается, не меняется с ними, живет особняком. Обществом развитым, цивилизованным, наоборот, мы называем такое, где господствует разделение занятий и потому господствует и соединение сил, общая жизнь, ибо все находится во взаимной связи и зависимости» (Соловьев С., 1872).

Прилагая этот критерий к истории допетровской Руси, С. Соловьев приходил к выводу о том, что ее невозможно признать обществом цивилизованным. «В древней Руси, принадлежавшей к государствам первобытным, мы не можем надеяться встретить, — отмечал он, — значительное разделение занятий ни в каких сферах». И в качестве характерного примера он отмечал тот факт, что «военный или ратный человек в мирное время должен был занимать правительственные должности, которые, опять по той же неразвитости, соединялись с судебными должностями» (Соловьев С., 1872).

Однако, констатирует С. Соловьев, существенные сдвиги в направлении разделения правительственного труда, а значит, и внутренне обусловленное развитие российской цивилизации, началось еще в пору непосредственных предшественников Петра. Например, при царе Феодоре Алексеевиче, т. е. «при том же государе, при котором уничтожено местничество, составлен был проект об отделении высших гражданских чинов от военных — знак, что Россия начала уже выдвигаться из числа государств с первоначальной, простою формациею» (Соловьев С., 1860-е).

С. Соловьев предложил достаточно глубокое и вполне научное (по критериям XIX века) истолкование процесса социальных перемен, протекавших в России на рубеже XVII—XVIII столетий. Но для нашего исследования чрезвычайно важно также проанализировать и объяснить процессы, протекавшие одновременно в духовной и эмоционально-психологической сферах русского общества. Общеизвестно, что петровская эпоха в русской истории — это эпоха «раскола», который понимается не только в специфически церковном смысле, но значительно шире — как раскол в самом основании традиционной русской культуры. Сами петровские реформы нередко воспринимались современниками и истолковывались потомками как новый «раскол», радикальный разрыв с прошлым.

Все эти явно или неявно выраженные ощущения раскола, разрыва, крутого перелома неопровержимо свидетельствуют о том, что русское общество, едва избежав угрозы физического уничтожения и распада («Смутное время» с 1598 по 1613 г.), довольно скоро оказалось втянутым в полосу «кризисов коллективной идентичности». Традиционная старомосковская ментальность обнаружила себя перед совершенно новыми вызовами, и прежде всего — перед необходимостью собственного духовного, идейного и политического самоопределения. Прежние, принявшиеся «на веру» (в буквальном смысле) ценности и аксиомы стали объектами критического пересмотра, а иногда и тотального, нигилистического отрицания.

Такого рода кризисы хорошо описаны и исследованы в рамках индивидуальной психологии, где установлено, что процесс личностной идентификации всегда протекает в форме самовыявления данного «Я» на фоне амбивалентной, притягательно-конфронтационной связи с «Другим». Однако важно учитывать, что процесс личностной идентификации совершается всегда внутри определенного социокультурного контекста, где действуют особые (типичные и универсальные для данной культуры) механизмы самоопределения индивида как «Я». Именно эти механизмы и обеспечивают сравнительное единообразие личностного типа, поведенческих моделей, эмоциональных реакций, которые в сумме и дают тот неповторимый облик каждого народа, который передается такими понятиями, как «национальный дух», «народный характер» и т. д.

Для адекватного понимания петровской эпохи чрезвычайно существенно совмещение процессов, приводивших к сдвигам в

социальной структуре, с изменениями в коллективной идентичности, выразившимися в форме кризисов. Но, прежде чем такое совмещение может быть проведено, необходимо получить максимально точное описание каждого из этих «фрагментов» общественного целого. И в качестве инструментов такого описания представляется перспективным использовать социологическую теорию Э. Дюркгейма и психоаналитическую концепцию З. Фрейда.

Выбор именно этих двух исследовательских стратегий кажется предпочтительным главным образом потому, что каждая из них (по-своему) органично увязывает определенные социальные структуры и процессы с релевантными коллективными психическими состояниями. А значит, их применение в нашем случае позволяет рассчитывать одновременно и на реконструкцию основных социальных параметров петровской эпохи, и на адекватное истолкование важнейшего идентификационного кризиса в русской национальной психоистории.

Для целей нашего анализа чрезвычайно существенно, что Э. Дюркгейм в рамках своей теории общества признает существование «особой реальности», которую определяет как «коллективное сознание». По поводу этого сознания он пишет: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь» *.

При этом Э. Дюркгейм интерпретирует сам факт «коллективного» (или «общего») сознания не как признак высшего социального синтеза, а как явное указание на «тип», относящийся к архаическим стадиям общественной эволюции. Положив в основу своей классификации признак «солидарности», французский социолог выделил тип, включающий различные формы архаических социумов, объединенных «механической солидарностью» (иначе — «солидарностью по сходствам»). Противоположный ему тип, охватывающий многообразные модификации современных обществ, отличается «органической солидарностью», происходящей из феномена разделения труда.

Отсюда им выводится такая закономерность: «Солидарность, вытекающая из сходств, достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю. Она возникает только тогда, когда группа занимает в нас меньше места» **.

* Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 80.

** Там же. С. 126.

Однако взаимосвязь архаической социальности и «коллективного сознания» невозможно описать в терминах обратно пропорциональной зависимости. Теоретически верно, что чем древнее социум, тем шире сфера господства «общего сознания», и наоборот. Но существенный момент здесь в том, что переход от архаики к «модерну» не есть кумулятивно-эволюционный процесс, плавно достигающий точки равновесия «общего» и «личностного» сознаний, а затем перетекающий в тип «органической солидарности». Внутри архаического типа социума, образованного «солидарностью по сходствам», протекает собственная эволюция, доводящая «коллективное сознание» до предельной интенсивности именно тогда, когда в самом типе уже образуются структуры разделения труда, предвещающие (и требующие!) радикальный сдвиг.

Это происходит, по Э. Дюркгейму, на той стадии, когда «сегментарное общество с клановой основой», оставив позади себя исходную фазу «орды», вырабатывает институт абсолютной власти. «Значит, — замечает он, — там появилось разделение труда. Однако связь, соединяющая в данном случае индивида с вождем, тождественна той, которая в наше время соединяет вещь с личностью» *. И потому даже на высшей ступени развития архаичного социума «солидарность все еще механическая, пока разделение труда не развилось более. В этих условиях она достигает даже максимума энергии, ибо действие коллективного сознания сильнее, когда оно осуществляется не диффузно, но через посредство определенного органа» **.

В феномене абсолютной (деспотической) власти архаичный социум фокусирует две основные «опоры» своего «общего сознания» — «религию» и «коммунизм». Как подчеркивает Э. Дюркгейм, «там, где общество имеет этот религиозный и, так сказать, сверхчеловеческий характер... он необходимо сообщается вождем» ***.

С другой стороны, «коммунизм — необходимый продукт этой особой сплоченности, поглощающей индивида в группе, часть в целом. Собственность, в конце концов, это только распространение личности на вещи. Значит, там, где существует только коллективная личность, собственность тоже не может не быть коллективной» ****. А из этого с необходимостью возникает

* Там же. С. 172.

** Там же. С. 173.

*** Там же. С. 172.

**** Там же. С. 171.

коррелят абсолютной власти: «Деспотизм... есть не что иное, как преобразованный коммунизм» *.

На основе типологии Дюркгейма мы можем построить общесоциологическое описание основных фаз русской истории, предшествовавших петровскому «перевороту». Киевскую Русь можно определить как «сегментарное общество с клановой основой». Московскую Русь с Ивана III можно рассматривать как эволюцию прежнего типа: именно в XVI в. религиозность становится всепроникающей («Домострой») и тогда же намечается сакрализация царской власти («Москва — третий Рим»).

Существенно дополняет такое понимание предпетровской Руси концепция Р. Пайпса (основывающаяся в главном на выводах С. Соловьева и В. Ключевского), согласно которому московская централизация была лишь распространением вотчинного порядка на всю территорию государства: «Превращение России в вотчину своего правителя заняло два столетия. Процесс этот начался в середине XV в. и завершился к середине XVII в.» **.

То, что исходный социальный тип Руси изменялся, подтверждает процесс институционализации прежних форм разделения труда с помощью превращения прежних социальных групп в «профессиональные». Согласно Р. Пайпсу, «тенденция исторического развития несомненно указывала в сторону складывания каст» ***. Например: «В XVI и XVII вв. были приняты законы, запрещавшие крестьянам покидать свои участки, а купцам — менять место жительства. Священникам запретили слагать с себя сан; сыновья их должны были вступать в отцовское поприще» ****.

Все это можно резюмировать таким образом: установление после Смуты стабильного режима московского централизованного самодержавия означало достижение предела в эволюции первичного социального типа, основанного на «механической солидарности». Традиционное русское общество вступило в переходное состояние, когда новый социальный тип «органической солидарности» мог развиваться только за счет вытеснения прежнего типа. В терминах общесоциологической теории это может быть описано как начало процесса модернизации традиционного русского социума.

* Там же. С. 187.

** *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 116.

*** Там же. С. 118.

**** Там же. С. 119.

Однако этому процессу препятствовали четыре блокирующих фактора, каждый из которых представлял собой один из базисных элементов традиционной социальной конструкции. Последовательное «снятие» этих блоков и образует содержание процесса модернизации России. А пиковые «возмущения» коллективного сознания, соответствующие стадиям снятия/оживления этих блоков, рисуют картину кризисов национальной идентичности, сопровождающих модернизацию и определяющих ее характер и скорость.

К числу базисных элементов традиционного общества, блокирующих модернизационный процесс, относятся:

1. Православие как интенсивная форма коллективного сознания*.
2. Неограниченное самодержавие (деспотизм).
3. Общинный (аграрный и посадский) коммунизм.
4. Перенос традиционных форм организации социума на новые территории, или «колонизация»**.

4

Вычленение базисных параметров русского архаичного социума, как они сложились к концу XVII в., дает возможность как бы «заглянуть внутрь» социокультурного механизма, блокировавшего российскую модернизацию. В рамках петровской эпохи (последняя четверть XVII — первая четверть XVIII вв.) нас будут интересовать лишь первые два параметра, поскольку именно они обеспечили содержательность идентификационных кризисов, сконцентрированных вокруг предельно смысложизненных тем традиционной московской ментальности — «правой веры» и «благочестивого царя». Инструментарий, позволяющий получить описание такого рода кризисов, дает психоаналитическая теория З. Фрейда.

Обращение к этой теории в рамках нашего исследования оправдано как минимум по двум причинам. Во-первых, процесс идентификации представляет собой своего рода «каркас», вок-

* Ср.: «Прогресс разделения труда будет тем медленнее и труднее, чем больше энергии и определенности будет иметь общее сознание» (Дюркгейм. С. 265).

** Ср.: «Специализация — не единственный возможный исход в борьбе за существование: есть также эмиграция, колонизация...» (Дюркгейм. С. 268).

руг которого складывается и организуется уникальным образом психическая жизнь конкретного индивида. И именно этот процесс является базисным для психоаналитического исследования, особенно — кризисных состояний сознания. Во-вторых, приложимость психоанализа выходит далеко за границы индивидуальной психологии. «Психоанализ как науку характеризует не материал, которым он занимается, — подчеркивал его основатель, — а техника, при помощи которой он работает. Без особых натяжек психоанализ можно применять к истории культуры, науке о религии и мифологии точно так же, как и к учению о неврозах. Целью его является не что иное, как раскрытие бессознательного в душевной жизни» *.

Рассмотрение коллективной идентичности с помощью техники психоанализа позволяет выявить ее глубинную инвариантную структуру. З. Фрейд обратился к этой теме в своей работе «Массовая психология и анализ человеческого “Я”» (1921) и пришел к результатам, подкрепившим представления о коллективном сознании, выработанные дюркгеймовской социологией. Изучая закономерности складывания и функционирования «масс», и особенно двух «искусственных масс» (церкви и войска), он сделал вывод: «Множество равных, кои могут друг с другом идентифицироваться, и один-единственный, их всех превосходящий, — вот ситуация, осуществленная в жизнеспособной массе» **.

Это наблюдение З. Фрейда оказывается чрезвычайно существенным для нашего исследования, поскольку в русской истории именно «войско» и «церковь» выступают как абсолютно доминирующие формы общенациональной идентификации. Необходимо, однако, видеть различия в механизмах идентификации, характерных для этих двух «масс».

В случае с «войском» перед нами процесс наиболее архаичной идентификации с царем — князем — военным вождем, в ходе которой первичная стадия (нарциссическая) формирования «Я» оказывается законсервированной, а «идеал Я», обычно стимулирующий продвижение психики к более зрелым формам, воспринимается как интимно-близкий — непосредственно данный. Таким образом, вместо самопостроения «Я» происходит процесс некритического переноса самых ранних стадий психоэволюции (фактическая неразличенность «Я» и окружающего мира) в

* Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 248.

** Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 117.

фазу физической и ожидаемой психической «зрелости». И именно фрейдовское описание этого механизма можно использовать как психоаналитическую интерпретацию того «мифа Царя», который как один из опорных канонов российской идентичности продержался до начала XX в.

3. Фрейд писал: «Отграничение “Я” от “Идеала Я” у многих индивидов не зашло слишком далеко, оба еще легко совпадают, “Я” часто еще сохраняет прежнее нарциссическое самодовольство. Это обстоятельство весьма облегчает выбор вождя. Нередко ему всего лишь нужно обладать типичными качествами этих индивидов в особенно остром и чистом чекане и производить впечатление большей силы и либидинозной свободы, и сразу на это откликается потребность в сильном властелине и наделяет его сверхсилой, на которую он и не стал бы претендовать. Другие индивиды, идеал которых не воплотился бы в нем без дальнейших поправок, вовлекаются “внушением”, т. е. путем идентификации» *.

Идентификация через «церковь» существенно усложнена тем, что в ней «идеал Я» трансцендирует все посюсторонне-значимые стадии возрастания «Я», точно так же делая практически невозможной адаптивную эволюцию как индивидуальной психики, так и социального типа. Ориентация этого идеала на заведомо сверхчеловеческие состояния — монашеское подражание «ангельскому чину» или даже «подражание Христу» — создает механизм, по существу блокирующий процесс эффективного самопостроения, а значит, обустройства социальной среды. Описывая этот механизм, З. Фрейд как бы дает психоаналитическую интерпретацию «мифа Святой Руси», второго опорного канона российской идентичности.

Вот это механизм: «Каждый христианин любит Христа как свой идеал и, кроме того, чувствует себя связанным идентификацией с другими христианами. Но церковь требует от него большего. Он, сверх того, должен идентифицироваться с Христом и любить других христиан так, как любил их Христос. Таким образом, церковь в обоих случаях требует восполнения либидинозной позиции, данной массообразованием. Идентификация должна присоединяться в случаях, где произошел выбор объекта; а обратная любовь — в случаях, где уже имеется идентификация. Это «большее» явно выходит за пределы конституции массы» **.

* Там же. С. 124—125.

** Там же. С. 129.

В применении к русской истории психоаналитическая техника дает возможность обнаружить уникальную конструкцию традиционной ментальности на основе психоаналитической интерпретации «мифа Святой Руси» и «мифа Царя» как опорных канонов русской идентичности. Согласно классической схеме позднего З. Фрейда, нормальное психическое пространство выстраивается как результат становления «Я», которое, используя энергетику первобытного инстинкта (либидо), заполняющего «Оно» и под контролем социально-нормативной инстанции «Сверх-Я» (совесть), преодолевает «принцип удовольствия» во взаимодействии с реальностью.

Как работает эта схема в качестве культурного кода, мы можем проследить на материале западноевропейской истории Средневековья и Нового времени. Феодалная организация германо-романских народов, основанная на договорном праве, выступает в качестве социокультурно маркированной зоны формирования и укрепления позиции «Я». Собственное языческое «ядро» постепенно проходит через двойную дифференциацию. Под давлением инстанции «Сверх-Я» (католическая церковь) одна часть вытесняется в дохристианское языческое прошлое, фактически сливаясь (статусно) с античной культурой и образуя энергетически-креативную сферу «Оно». Другая часть сама сублимируется в «Сверх-Я», образуя все многообразие западноевропейского христианского мира в двух основных формах: католичество и протестантизм. Собственно Ренессанс-Реформация и есть стадия культурного синтеза европейского «Я», когда языческое «Оно» и христианское «Сверх-Я» вступают в компромисс, позволяющий «Я» европейца Нового времени принять вызов реальности.

Приложение этой же схемы к русской истории обнаруживает глубокую специфичность структуры национальной ментальности, построенной на фактическом отсутствии социокультурно маркированной позиции «Я». В отличие от социальной эволюции западноевропейского культурного ареала (переход от централизма ранних каролингских королевств к феодально-договорной структуре), древнерусский социум двигался в противоположном направлении от свобод удельного периода к централизованному вотчинному государству, «при котором право суверенитета и право собственности сливаются до такой степени, что делаются неотличимы друг от друга и где политическая власть отправляется таким же образом, как экономическая»*.

* *Пайнс Р.* Указ. соч. С. 39.

Отсутствие социально значимого пространства договора препятствовало становлению позиции «Я» как такой, которая обеспечивала бы существование компромиссной зоны между вытесненным языческим «Оно» и сублимированным православным «Сверх-Я». В результате две эти зоны, не будучи опосредованными, функционировали либо в режиме полной рассогласованности, либо как тождественные. Так, в отличие от западноевропейской, в древнерусской культуре сложилась своя собственная конфигурация ментальности, при которой позиция «Я» не столько проращивалась изнутри индивида, сколько выносилась «вовне» и присваивалась всему социуму как целому.

Эта специфика русской социокультурной эволюции, выразившаяся типологически в отсутствии фазы Ренессанс—Реформация, самым серьезным образом сказалась на способе и характере идентификации русского коллективного «Я». Выступая как симбиотическое «Мы», в котором неразличимо сливаются «Оно» и «Сверх-Я», такая идентичность оказалась фактически беззащитной перед экспансией «Другого» — западной культуры с четко выраженной позицией индивидуального «Я». Поэтому сам процесс интенсификации контактов с «Западом» еще более обострил ситуацию внутреннего идентификационного кризиса.

Миф «Святой Руси» с предельной рельефностью обнаруживает механизм этого кризиса. Как отмечает М. Чернявский, этот миф с самого начала своего возникновения (середина XV в.) строился как оппозиция мифу «правителя-Царя» и по существу являлся «антицарским, антигосударственным лозунгом»*.

В этой своей функции миф «Святой Руси» выступал как дезинтегратор, разрывая и противопоставляя друг другу идентификацию через князя — военного вождя, вытесненную в языческое «Оно», и идентификацию через православную церковь, сублимированную в «Сверх-Я». Но в то же время этот миф как бы задавал формулу внутреннего тождества коллективного «Я», соединяя архаический этноним «Русь», с языческих времен служивший для обозначения варяжских князей с их дружиной, с эпитетом «Святая», означавшим высшую степень воцерковления.

Так к середине XVII в. выстраивается коллективное «Я» = «Мы», делающее самое себя объектом/«идеалом-Мы» и вовлекающееся в драматично-амбивалентный процесс идентификации с коллективным «Другим» — «Западом»/«Европой».

* *Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven and London, 1961. P. 110.*

Рассматривая проблему коллективной идентичности с точки зрения социологии Э. Дюркгейма, мы пришли к заключению, что к середине XVII в. древнерусский социальный тип (механическая солидарность) достиг предела своей эволюции и вступил в кризисно-переходную фазу. Одновременно мы видели, что именно в это время интенсивность «коллективного сознания» Московской Руси достигает своего пика. Православие становится идентификационной доминантой, стабилизирующей и консервирующей архаичный социальный тип.

«Соборное Уложение» 1649 г. (своего рода «конституция» Московского государства) открывается главой, первая статья которой говорит сама за себя: «Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русский человек (характерно это противопоставление «русского» — «иноверцу». — *Л. П.*), возложит хулу на господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, зжечь»*.

Структуру коллективной, а скорее даже — тотальной идентичности Московского государства с предельной рельефностью описал Иван Солоневич: «Царь считал себя Нацией и Церковью, Церковь считала себя Нацией и Государством, Нация считала себя Церковью и Государством. Царь точно так же не мог — и не думал, — менять православия, как не мог и не думал менять, например, языка. Нация и не думала менять на что-либо другое ни самодержавия, ни православия — и то и другое входило органической частью в личности Нации. Царь был подчинен догматам религии, но подчинял себе слугителей ее» (Солоневич, 1940-е).

Не будем сейчас вдаваться в давний спор о том, была ли идеология «Москва — третий Рим» императивом практической политики московских царей XVI—XVII в. или она отражала лишь надежды и упования церковных кругов. Для нас существенно то, что идеологема «православного царства» объединяла и царя, и подданных в такую целостность, которая устояла и в годы «опричнины», и в годы «смуты». Утопическим двойником этой идеологии и примерно с того же времени можно считать мифологему «Святой Руси».

* Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 85.

Вопрос о легитимности царской власти предельно обострился в Московском государстве в период «смуты» и после избрания на царство представителя новой династии Романовых. Базисная идеология выдержала испытание «смутой», выполнив роль хранителя коллективной идентичности именно в тот момент, когда традиционные властные структуры Московии разрушились и лишь сознание принадлежности к «православному царству» удерживало страну от окончательного распада и — самое главное — перемены веры. И вполне естественно, что, пройдя через чехарду всевозможных «избранников» и «самозванцев», московские люди на Земском соборе в январе 1613 г. единогласно решили «литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и никоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом» (Соловьев С., 1860-е).

Мы видим в Москве, пережившей «смуту», явно усилившееся давление утопии на легитимирующую идеологию «третьего Рима». Утопия еще не становится альтернативой власти, но как бы предполагает властную альтернативу: «Святорусская земля» как идеальное сообщество правоверных христиан должна быть представлена во властной структуре Московского государства. По-видимому, именно этим давлением утопии, а не только прямой родственной связью может быть объяснено то двоевластие, которое установилось в 1619 г. после возвращения из литовского плена митрополита Филарета и принятия им сана патриарха «всая Руси». Согласно описанию С. Соловьева, с 1619 по 1633 г. в Москве «было два великих государя, Михаил Федорович и отец его святейший патриарх Филарет Никитич, и это была не одна форма; все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты, подносили двойные дары» (Соловьев С., 1860-е).

Уникальность этого двоевластия как результата временного и хрупкого равновесия между легитимирующей «московской идеологией» и все более требовательной утопией «Святой Руси» подчеркивается катастрофой, постигшей патриарха Никона при попытке воспроизвести эту же властную конструкцию всего лишь четверть века спустя. И объясняется эта катастрофа от-

нюдь не тем, что между патриархом и Алексеем Михайловичем отсутствовала прямая родственная связь. Дело в том, что реформаторская деятельность Никона (нашедшая, кстати, полную поддержку и понимание царя) нанесла удар по легитимирующей идеологии, освободив тем самым царя от становившегося все более непосильным бременем во всем соответствовать совершенству воплощенного «третьего Рима». С другой стороны, вся разрушительная энергетика «святорусской» утопии также оказалась выведенной за пределы эффективного властного контроля.

Трагический парадокс русской церковной (а значит — и социальной) реформы заключался в том, что стремление к совершенству, заложенное в идеологически-утопическом симбиозе Московии, сформировало такой тип коллективной идентичности, который по определению не мог подлежать какой-либо корректировке «извне». Комплекс «Третий Рим/Святая Русь» и возник как защитная реакция на внешний мир, подпавший под власть еретиков и иноверцев, т. е. в конечном (эсхатологическом) счете — Сатаны и апокалиптического Антихриста. И когда царь и патриарх начали исправлять «третий Рим» по образу и подобию «второго», результатом оказался «раскол». Одна часть общества (конечно — большая) безусловно подчинилась авторитету власти, подчеркнув тем самым, что ранее живая интегративная и легитимирующая идеология начинает превращаться во все более отстраненный от реальности «официоз». Другая, заведомо меньшая, осталась верна утопической компоненте московской идентичности и ушла — из государства, из истории, из жизни.

Тотальный эскапизм как безоглядное бегство от реальности — родовой признак утопии, противостоящей фальсифицированной идеологии, становится идентичностью и психологической доминантой «раскола». В. Розанов определил «тайну раскола» как поиск «типикона спасения».

Прот. Георгий Флоровский еще точнее выразил эту «тайну», перевернув формулу: «Не следует ли сказать скорее: спасение, как типикон...». Действительно, единственная цель христианина — спасение. Но в логике утопии на последней стадии эта цель до неразличимости сливается со средством. Раскол спасает свою спасенность от исторической «порчи»: «Кончается и Третий Рим. Четвертому не быть. Это значит: кончается история. Точнее сказать, кончается священная история; история впредь перестает быть священной, становится безблагодатною. Мир оказывает

ся и остается отселе пустым, оставленным, Богооставленным. И нужно уходить, — из истории, в пустыню. В истории побеждает кривда. Правда уходит в пресветлые небеса. Священное Царствие оборачивается царством Антихриста...» (Флоровский, 1937).

6

На основе рассмотрения церковного раскола как первого идентификационного кризиса мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, кризис национальной ментальности явился выражением начавшегося кризиса архаичного социального типа. Солидарность по сходствам могла удерживаться с помощью нескольких блокирующих модернизацию факторов, одним из которых являлась предельная, близкая к тотальной степень интегрированности «коллективного сознания». Фактически именно на эту обусловленность раскола типом социальных связей указывал С. Соловьев, когда писал: «При отсутствии духовного простора, при господстве внешнего, формы, при неразвитости духовных, настоящих, самых крепких основ народности, однообразии, сходство внешнего, формы, служили единственной связью между членами общества, членами народа» (Соловьев С., 1860-е).

Раскол этого сознания вел к разрыву симбиотического единства «Оно» и «Сверх-Я» и — в перспективе — к появлению независимого «Я», функцией которого становилось взаимодействие с внешней реальностью — «Европой», «Западом», традиционно выступавшими в качестве угрозы и негативного идентификатора, т. е. объекта, на противостоянии которому строилась собственная идентичность.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть травматический характер этого разрыва, создающий предпосылки для невротической регрессии — т. е. для глубокого возврата назад во всех последующих случаях неудачного или неполного преодоления идентификационных кризисов. Дополнительная сложность травматической конструкции обуславливалась тем, что в то время как функция «Сверх-Я» оказалась существенно суженой, его содержание фактически подверглось вытеснению в глубинные слои коллективного бессознательного — в народный «раскол». Так возник феномен русского человека как «святозверя», описанный С. Аскольдовым в статье «Религиозный смысл русской ре-

волюции»: «Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, в том, что среднее специфическое человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке, как типе, наиболее сильными являются начала святое и звериное». Отсюда и долгое отсутствие революций в России, и вообще замедленность социальной эволюции: «Зверь не способен созидать новые формы общественности. Святой ими мало интересуется и по другим лишь основаниям, но тоже мало для этого пригоден» (Аскольдов, 1918).

В-третьих, в результате вышеуказанных изменений появилась возможность для позитивной идентификации с «Западом» — прежде всего через личность царя, воплощавшую позицию индивидуального «Я», освободившегося от власти тотальной идентичности. С большой долей проницательности на это обстоятельство еще в 1847 г. указывал К. Кавелин, написавший: «В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила их себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начал личности в русской истории» (Кавелин, 1847).

Но именно это обстоятельство заложило основу для очередного идентификационного кризиса, сосредоточенного вокруг самодержавной власти как атрибута архаичного социума. Персонифицированная власть оказалась нагруженной новой сверхзадачей: перенести «объект желания» («Европу») в Россию, т. е. изменить социальный тип и при этом не отказываться от абсолютизма — следующего (после подорванного и маргинализованного православия) фактора, блокировавшего модернизацию.

В-четвертых, сам идентификационный кризис необходимо интерпретировать с помощью максимально корректных терминов. В частности, было бы явным анахронизмом рассматривать конфликт между старообрядцами и властями как столкновение между ксенофобами-националистами и западниками-универсалистами. Необходимо постоянно иметь в виду, что внутри христианской парадигмы «фундаментализм» никоим образом не может быть отождествлен с «национализмом». Как подчеркивает Э. Хобсбоум, «в отличие от фундаментализма, который — при всей своей сектантской узости — черпает свою силу из устремления к универсальной истине, теоретически приложимой ко всем, национализм по определению исключает из своего поля

зрения всех, кто не принадлежит к его собственной “нации”, т. е. огромное большинство человечества» *.

7

Рассматривая первый идентификационный кризис в терминах психоанализа, можно сказать, что он явился выражением разрыва с начальной стадией психической эволюции, а именно — с нарциссизмом. Согласно З. Фрейду, «нарциссизм — общее и первоначальное состояние, из которого только позднее развилась любовь к объекту, причем из-за этого нарциссизм вовсе не должен исчезнуть» **. Социокультурными эквивалентами этого нарциссизма выступали достаточно известные и хорошо описанные в исследовательской литературе закрытость, изоляционизм и самодостаточность Московского царства, а также мессианиззм его идеологии.

Церковная реформа Никона и Алексея Михайловича уже означала смещение социокультурного, так сказать, «либидо» в сторону «объекта», еще не совсем «инога» (поскольку исправление книг и обрядов производилось в соответствии с нормами греческой церкви), но все-таки «внешнего». Реформа Петра I завершила сдвиг, обозначив в качестве объекта новой идентификации чужую и чуждую культуру — «Европу».

Для понимания этой новой ситуации особенно ценна прямо-таки фрейдовская «проговорка» Чаадаева. Вопреки своей рационально выстроенной концепции русскости как непрерывного «самоотречения», он вдруг делает такую запись в тетради 50-х гг.: «С того дня, как мы произнесли слово «Запад» по отношению к самим себе, — мы себя потеряли» (Чаадаев, 1850-е). Самое поразительное, что приблизительно в то же время Чаадаев спорит со славянофильским тезисом о том, что Петр «похитил» у русских «национальное начало»! Но это соседство записей — лишь красноречивый пример того, как в русской национальной ментальности (а Чаадаева следует признать одним из наиболее типически «чистых» ее выразителей) протекают два параллельных процесса — рациональная самоидентификация и бессознательно-невротическое переживание травмы разрыва со «своим» и становления «чужим».

* *Hobsbawm E. J. Nations and nationalism since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge, 1990. P. 168—169.*

** *Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. С. 265.*

Чрезвычайно существенно, однако, что разрыв с нарциссизмом как начальной стадией «коллективного бессознательного» был осуществлен с помощью самодержавного нарциссического «Я», и это оказалось мощным сдерживающим фактором в ходе последующей социальной эволюции. Механизм этой задержки можно представить таким образом. В качестве абсолютного властелина Петр мог позволить себе практически все, что угодно, но лишь поскольку он выступал в роли «Отца Отечества» (официальный титул, присвоенный ему сенатом). Это означало, что «Европа» для него не могла стать объектом, как выражается З. Фрейд, «по типу опоры», или могла стать таким объектом для него лично, когда он выступал в роли «плотника» или «шкипера». В роли же русского Императора Петр мог (и должен был!) относиться к «Европе» исключительно «утилитарно» — т. е. «по нарциссическому типу» (попытка нарушить этот канон со стороны Петра III, выбравшего Фридриха Великого в качестве «опорного объекта», окончилась трагично для русского императора).

Последствием такой «нарциссической идентификации» оказывается то, что «объект воздвигнут в самом Я, как бы спроецирован на Я... Тогда с собственным Я обращаются как с оставленным объектом, и оно испытывает на себе все агрессии и проявления мстительности, предназначенные объекту»*. Отсюда понятна та яростная настойчивость и все те крайности в искоренении традиционной московской идентичности, которые иногда напоминают даже эксцессы «опричнины».

Но отсюда же проистекает и другая крайность — узкоизбирательное, селективно-прагматическое заимствование инструментария европейской цивилизации (в первую очередь — воинской организация и гражданского управления), позволяющее лишь оснастить все то же нарциссическое «Я» новыми, более могущественными средствами оперирования во внешней среде и контроля над ней. И отнюдь не случайно, что Медный Всадник сегодня так легко, словно «Летучий Голландец», мигрирует из лагеря демократов-либералов в лагерь противоположный — национал-имперский.

Мы помним, как в начале 1994 г. после неудачных для блока выборов, лидер «Выбора России» негативно аттестовал Петра, лишь полгода назад ставшего эмблемой предположительной «партии победы». И в те же сроки в газете «Завтра» можно было прочесть следующее: «Те, кто воспринимает Петра Великого за-

* Там же. С. 273.

падником, делают большую ошибку. Сам он не раз говорил и писал, что, может быть, мы воспользуемся этими иностранцами всего несколько лет, а потом дадим коленом под зад... И главное — целью Петра было никак не смиренное “вхождение в европейский дом”, а Великая Россия» (Кириллова, 1994).

Эта двойственность оценок Петра обусловлена именно тем самым способом преодоления традиционной архаики, каким он воспользовался. Бритое лицо Петра есть та цивилизованная внешность, которая скрывает его «бородатую» душу. И если сделать вывод в стиле этой метафоры, то можно сказать, что, как и бритье бороды, цивилизация есть регулярный ежедневно повторяемый акт, а вовсе не чудодейственный одноразовый депиляторий.

8

Анализируя специфику структуры новой, постмосковской идентичности, мы должны обратить внимание на еще один существенный момент. Поскольку традиционное «Сверх-Я» оказалось репрессированным и вытесненным в «Оно» (именно так можно интерпретировать уничтожение патриаршества, превращение Церкви в государственный «департамент» и появление массового религиозного диссидентства), в структуре становящейся ментальности высвободилось место для функции «Я», которое, понятно, могло быть занято лишь и исключительно «Я» царским, а с 1721 г. — императорским. Но в силу специфики социального типа это «Я» тут же превратилось в фокус «коллективного сознания», т. е. функционально начало работать как «Сверх-Я».

Это превращение особенно рельефно проявилось в языке петровских указов, начинающих стандартной фразой «Божиею милостию, мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая». Симптоматичная ссылка на «Божью милость» дополняется местоимением «мы», подчеркивающим невозможность использования партикулярного «Я», столь обычного для повседневной переписки императора с высшими государственными чинами (которая содержала, кстати, прямые повеления и распоряжения, иногда даже более значимые, чем тот или иной указ). Характерный сдвиг, показывающий, как самодержавная власть, вытеснив своего конкурента — власть духовную, фактически сама заняла ее место в структуре русской ментальности.

Иван Грозный использовал форму первого лица единственного числа, обращаясь в своих «грамотах» таким образом: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии...». Местоимение «мы» появляется в приговорах церковно-земских соборов конца XVI в., причем в связи с высшим духовным лицом государства, например: «мы, преосвященный Антоней, митрополит всеа Русии» (1580) или «мы, преосвященный Деонисей, митрополит всеа Русии» (1584).

Перенос местоимения «мы» в титулатуру самодержца происходит во время двоевластия после «смуты», когда, например, «окружная грамота» царя Михаила Федоровича от 5 июля 1619 г. уже содержит формулу «мы, великий государь царь и великий князь Михаиле Федорович всеа Русии, с отцем своим и богомольцем святейшим патриархом Филаретом Никитичем Московским и всеа Русии». Отражая реальную ситуацию симбиоза «светской» и «духовной» властей, местоимение «мы» есть лишь корректная грамматическая форма — и не более.

Когда же эту форму использует Петр I, то это может свидетельствовать только о необходимости для самодержавного «Я» принять на себя функцию «Сверх-Я», вакантную после распада прежней формы идентичности, и таким образом лишь симулировать традиционную тотальную идентичность «Мы». То, что нарочито единыящее «Мы» российских самодержцев являло собой лишь симулякр, достаточно остро чувствовал А. Герцен. «Произведенная Петром революция, — констатировал он, — разделила Россию на две части: по одну сторону остались крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане; то была старая Россия, консервативная, общинная, традиционная Россия, строго православная или же раскольническая, неизменно религиозная, носившая национальную одежду и ничего не воспринявшая от европейской цивилизации». Ей противостояла Россия «новая», которую «составляло созданное Петром дворянство, все потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия» (Герцен, 1850).

В результате этого нового «раскола» начинает выстраиваться принципиально иное пространство идентификации, структура которого обуславливается теперь проецированием «внутри» того внешнего «Мы», которое в форме идеологического/утопического комплекса «Третий Рим/Святая Русь» противостояло всему остальному миру. Весь «русский народ» (прежде тотально представленный во всех формах социально-государственного бытия) теперь переместился во внутреннее пространство «Российской империи» и превратился в «объект желания» для государствен-

ной власти, реально функционировавшей в режиме «Табели о рангах», но символически замещавшейся симулятивным «Мы» очередного царствующего лица.

Но и со стороны «народа» выстраивается встречная и как бы зеркально отраженная идентификация с царским «Мы», с крестьянским «Царем-Батюшкой», идентификация «младших мужей» — мужиков. И для них «Царь» — лишь «объект желания» их коллективного «Я», источник и хранитель «правды-справедливости». Вот характерное свидетельство середины XIX в.: «Как известно, основой нашего социального строя служит семья, поэтому русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью, — и только. Всякий государь, каков бы он ни был, для него — батюшка» (Чаадаев, 1850-е).

Наряду с этой традиционной связкой «царь-народ» образуется новый идентификационный канон «царь-дворянство». Здесь стороны рассматривают друг друга не столько в качестве «объекта», сколько в качестве «опоры» — образца для подражания в развитии собственного индивидуального «Я». Для дворянства царь воплощал в себе предел (недостижимый — по определению) свободно-личностной формы бытия, спонтанно, но и ответственно самоопределяемой решением собственной воли. Для царя (Петра Великого особенно и совершенно сознательно) дворянство оказывалось воплощением собственного идеала — «слуги отечества», свободно отдающего ему все богатства своего индивидуального «Я».

Оба эти идентификационных канона, все более расходясь между собой (позднейшие опыты дворянского «хождения в народ» и встречного разночинного «хождения во дворянство» лишь подчеркнули роковую неизбежность окончательного разрыва), сходились, однако, в личности российского самодержца, образуя амбивалентную идентичность «Я = Мы». Двуглавый орел может быть поэтому понят и как совмещение позиций все-российского императора/«дворянского царя» и крестьянского (т. е. православно-христианского) «царя-батюшки».

Проблематичность этого симбиоза состояла, однако, в том, что внутреннее равновесие могло быть достигнуто лишь в том случае, когда ни одна из этих позиций не могла усилиться за счет другой. Иными словами, требовалась некоторая собственная, независимая от предложенных канонов идентичность самодержца, которая позволяла бы ему/ей существовать не в качестве «точки 0», а в качестве вершины треугольника, ограничиваю-

щего новое идентификационное пространство. Такой идентичностью мог стать лишь имевшийся в арсенале архаичной социокультурной практики образ неограниченного властителя — «деспота», если воспользоваться дюркгеймовской терминологией.

Собственно, смысл и существо следующего кризиса коллективной идентичности, инициированного Петром и завершившегося уничтожением императорской семьи в июле 1918 г. (ср. казнь царевича Алексея Петровича в июле 1718 г.) и состоит в безуспешном поиске меры «деспотизма», а значит — переживании/вытеснении его в качестве невротического комплекса в бессознательное российской национальной идентичности, становящейся в ходе социальной эволюции.

Сегодня, когда Россия переживает шок травматического разрыва с «коммунизмом» и «империей», все более заметное присутствие в нашем жизненном горизонте «Медного Всадника» и симптоматично, и своевременно. Искушение авторитаризмом (легко перетекающим, кстати, в автократию), свойственное столь многим — и столь разным! — политикам, не может быть лучше символизировано, чем бронзовой аллегорией удержания России «уздой железной». Вопрос только вот в чем: согласны ли мы сегодняшние признать себя — «над бездной»?!

Источники цитат

- Аксаков И., 1862 *Аксаков И. С.* Соч. М., 1886. Т. 2. С. 69.
- Аксаков И., 1880 *Аксаков К., Аксаков И.* Литературная критика. М., 1992. С. 265—266.
- Аксаков И., 1881 *Аксаков И. С.* Соч. Т. 2. С. 484, 485.
- Аксаков И., 1884 Там же. С. 814, 824, 827—828.
- Аксаков К., 1851 *Аксаков К. С.* Соч.: В 3 т. М., 1889. Т. 1. С. 46—48, 53—54.
- Аксаков К., 1856 Там же. С. 167.
- Андреев, 1958 *Андреев Д. Л.* Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991. С. 139, 152, 153—154, 157—158.
- Андреева, 1988 *Андреева Н.* Не могу поступиться принципами // - Советская Россия. 13.03.1988.
- Анисимов, 1989 *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 39—41.
- Аскольдов, 1918 *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 225.
- Ахиезер, 1991 *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1. С. 149.

- Бакунин, 1849—1850 *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. 4. С. 34—35, 40—41.
- Белинский, 1836 *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 1. С. 222, 476.
- Белинский, 1839 Там же. Т. 2. С. 138.
- Белинский, 1841 Там же. С. 53, 87; *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 5. С. 141; Т. 9. С. 93.
- Белинский, 1845 См.: Физиология Петербурга. М., 1991. С. 14, 22.
- Бердяев, 1918 *Бердяев Н. А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 255—256.
- Бердяев, 1937 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 12.
- Бердяев, 1946 *Бердяев Н. А.* Русская идея. Париж, 1946. С. 18.
- Бестужев-Рюмин, 1872 *Бестужев-Рюмин К. Н.* Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1872. Ч. 161, № 6. С. 151.
- Богословский, 1902 *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 3—4, 13, 24.
- Богословский, 1917 *Богословский М. М.* Петр Великий по его письмам // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 247.
- Болтин, 1788 *Болтин И. Н.* Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I. С. XXXVIII—XXXIX, 565.
- Булгаков, 1908 *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 33.
- Бунаков, 1932 *Бунаков И.* Пути России // Современные записки», Париж, 1932. С. 305, 307.
- Бунин, Катаев, 1920-е См.: *Катаев В.* Трава забвения.
- Василевский, 1923 *Василевский (не-Буква) И. М.* Романовы. Портреты и характеристики. Пг.; М., 1923. С. 99—102, 108, 124—125, 129, 134.
- Вейдле, 1936 *Вейдле В.* Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 308—309.
- Вейдле, 1937 Там же. С. 86—87.
- Вейдле, 1938 Там же. С. 67, 68.
- Волошин, 1920 *Волошин М.* Россия // Юность. 1988. № 10. С. 78.
- Вяземский, 1847 *Вяземский П. А.* Эстетическая и литературная критика. М., 1984. С. 327.
- Вяземский, 1867 Там же. С. 260.
- Геннадий (Эйкалович), 1981 *Игумен Геннадий (Эйкалович).* Народничество // Новый журнал. 1981. № 145. С. 255.
- Герасимов, 1920 См.: Образ Петра в советской поэзии двадцатых годов // Ученые записки Кировского государственного пединститута. Киров, 1967. Вып. 29. № 1.
- Герцен, 1833 *Герцен А. И.* Соч.: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 81.

- Герцен, 1843 Там же. С. 455—456.
- Герцен, 1850 *Герцен А. И.* Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М., 1987. С. 204; *Герцен А. И.* Соч.: В 8 т. Т. 3. С. 387—390.
- Герцен, 1855 *Герцен А. И.* Соч. Т. 8. С. 15.
- Герцен, 1857 Мнение А. И. Герцена о княгине Е. Р. Дашковой и ее воспоминаниях // Полярная звезда. 1857. Кн. III.
- Герцен, 1858 *Герцен А. И.* Полное собр. соч.: В 22 т. Т. 9. С. 206.
- Герцен, 1860 *Герцен А. И.* Соч. Т. 8. С. 48.
- Герцен, 1863 См.: Интеллигенция. Власть. Народ (Антология). М., 1993. С. 26—27.
- Герцен, 1864 *Герцен А. И.* Соч. Т. 8. С. 222.
- Гоголь, 1833 *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 55.
- Гоголь, 1843 Там же. Т. 7. С. 256—257.
- Гоголь, 1847 Там же. С. 341, 342.
- Головкин, 1721 См.: *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 8.
- Горный, 1922 *Горный С.* Пугачев или Петр? (Душа народа). Берлин, 1922. С. 10—11.
- Грановский, 1855 Грановский и его переписка: В 2 т. М., 1897. Т. 2. С. 453.
- Григорьев, 1859 *Григорьев А.* Искусство и нравственность. М., 1986. С. 176.
- Григорьев, 1862 Там же. С. 13.
- Данилевский, 1868 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 126, 265, 266.
- Дашкова, 1780 Бумаги кн. Дашковой // Архив кн. Воронцова. М., 1881, Т. XXI. С. 219—222, 361; Воспоминания княгини Е. Р. Дашковой. 2-е изд. Лейпциг, б. г. С. 199—201.
- Державин, 1776 Сочинения Г. Державина в 4 томах. СПб., 1895. Т. 1. С. 10—12.
- Димитрий Ростовский, 1701 *Димитрий Ростовский.* Собрание разных поучительных слов и других сочинений. М., 1786. Т. 1. Л. 1.
- Добролюбов, 1858 *Добролюбов Н. А.* Соч.: В 9 т. Т. 3. С. 25, 27—28.
- Достоевский, 1874 *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. М., 1980. Т. 21. С. 272.
- Достоевский, 1875 Там же. С. 267.
- Достоевский, 1876 Там же. Т. 22. С. 144; Т. 23. С. 47; Т. 24. С. 88, 113, 208.
- Достоевский, 1880 Там же. Т. 26. С. 147.
- Екатерина II, 1790 См.: *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 69; Семнадцатый век. М., 1869. Кн. 4. С. 245.
- Завалишин, 1870-е *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 121.

- Захаров, 1994 *Захаров А. В.* Оскорбление жестом (рукопись доклада). М., 1994. С. 1—6.
- Зеньковский, 1926 *Зеньковский В.* Русские мыслители и Европа. 2-е изд., Париж, 1955. С. 12.
- Зимовец, 1993 *Зимовец С. Н.* Петр Первый — кочевник на троне (рукопись доклада). М., 1993. С. 1.
- Зимовец, 1994 *Зимовец С. Н.* Петр Первый: «геополитик» или «хронополитик»? (рукопись доклада). М., 1994. С. 1—2.
- Иванов-Разумник, 1917 См.: Скифы. 1917. Сб. 1. С. 212.
- Ильин, 1950 *Ильин И. А.* Наши задачи. М., 1992. Т. 1. С. 286—287.
- Ильин, 1953 Там же. Т. 2. С. 213—214, 221.
- Иоанн (Экономцев), 1989 *Иеромонах Иоанн Экономцев.* Национально-религиозный идеал и идея Империи в Петровскую эпоху // Вестник РСХД. 1990. № 158. С. 30—31.
- Кавелин, 1847 *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 12—13, 61.
- Кавелин, 1864 Там же. С. 163, 164.
- Кавелин, 1866 Там же. С. 230, 240.
- Карамзин, 1790 *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253—254.
- Карамзин, 1797 См.: Там же. С. 453.
- Карамзин, 1811 *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 32—33.
- Карташев, 1950-е *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 320—321, 323—324.
- Каховский, 1826 Из писем и показаний декабристов. С. 11.
- Кизеветтер, 1900-е *Кизеветтер А. А.* Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1905. С. 8—12.
- Киреевский, 1832 Европеец. Журнал И. В. Киреевского. М., 1989. С. 314.
- Кириллова, 1994 *Кириллова Е.* Идеология идеала // Завтра. 1994. № 9.
- Киссель, 1991 *Киссель М. А.* К уяснению философско-исторического смысла преобразований Петра Великого // Из истории реформаторства в России. Философско-исторические очерки. М., 1991. С. 29.
- Ключевский, 1890-е *Ключевский В. О.* Соч. М., 1958. Т. 4. С. 206—209, 210, 213, 219; *Ключевский В. О.* Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 482, 484, 486—487, 490—492.
- Костомаров, 1875 *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования: В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. С. 126, 131—132, 133.

- Кузьмин-Караваев, 1911 См.: *Блок А. А. Дневник*. М., 1989. С. 14.
- Кюхельбекер, 1821 *Кюхельбекер В. К. Путешествие*. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 380.
- Ленин, 1918 *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 36. С. 301.
- Лихачев, 1978 *Лихачев Д. С.* Была ли эпоха петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.* М., 1978. С. 173.
- Ломоносов, 1750 *Ломоносов М. В.* Полное собр. соч. Т. XVIII. С. 285—286.
- Ломоносов, 1752 Там же. Т. VIII. С. 504.
- Ломоносов, 1755 Там же. С. 611.
- Лотман, Успенский, 1982 *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва—Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 244.
- Мамардашвили, 1988 *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1992. С. 174.
- Меншиков, 1726 См.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого // *Очерки по русской истории 17—18 вв.* СПб., 1910. Т. 2.
- Мережковский, 1896 См.: *Пушкин в русской философской критике*. М., 1990. С. 140, 141.
- Мережковский, 1904 *Мережковский Д. С.* Соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 324—325, 371—372, 412, 413, 414, 415, 417, 418, 420, 643, 648.
- Мережковский, 1906 *Мережковский Д. С.* Большая Россия. Избранное. Л., 1991. С. 35, 54, 58.
- Миллер, 1873 *Миллер О. Ф.* Об отношениях русской литературы к Петру Великому // *Русская старина*. 1873. Т. 7. С. 411—412.
- Милюков, 1892 *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти восемнадцатого столетия и реформа Петра Великого. М., 1892. С. 5.
- Милюков, 1901 *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1901. Ч. 3. Вып. 1. С. 145—147, 154.
- Михайловский, 1872 *Сочинения Н. К. Михайловского*. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 638—640, 647—651.
- Муравьев В., 1918 *Муравьев В. Н.* Рев племени // *Вехи. Из глубины*. М., 1991. С. 409, 411.
- Муравьев Н., 1839 См.: *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 77, 81.
- Надточий, 1993 *Надточий Э. В.* Топология перехода через Альпы // *Знание — сила*. 1993. № 10.
- Неплюев, 1725 *Записки И. И. Неплюева*. СПб., 1893. С. 112.
- Одоевский, 1844 *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 180—182.

- Павленко, 1973 *Павленко Н. И.* Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 40, 41.
- Павлов-Сильванский, 1907 *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 147.
- Панченко, 1984 *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984. С. 114, 116.
- Панченко, 1989 *Панченко А. М.* Начало петровской реформы: идейная подоплека // XVIII век. Вып. 16. Л., 1989. С. 7, 15.
- Панченко, 1991 *Панченко А. М.* Церковная реформа и культура петровской эпохи // XVIII век. Вып. 17, СПб., 1991. С. 10—11, 12.
- Пекарский, 1862 *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 13.
- Перевалов, 1994 *Перевалов В. П.* Петр Первый (рукопись доклада), М., 1994. С. 1—3.
- Петр I, 1709 Письма и бумаги Петра. Б. г. Т. IX. Вып. 1. С. 3259.
- Петр I, 1723 См.: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера. М., 1858. Ч. 2. С. 83.
- Пильняк, 1919 *Пильняк Б.* Сочинения. Никола на Посадях. 1924. Т. 3. С. 152, 188, 190, 198, 203—204, 208, 211.
- Писарев, 1862 *Писарев Д. И.* Исторические эскизы. Избранные статьи. М., 1989. С. 29—35, 53.
- Платонов А., 1920-е *Платонов А.* Избранные произведения. М., 1983. С. 168—198.
- Платонов С., 1899 *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 540—542.
- Плеханов, 1889 *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. I. С. 409—410.
- Плеханов, 1914—1915 *Плеханов Г. В.* Полное собр. соч. М., 1925. Т. 21. С. 37, 38.
- Погодин, 1838 *Погодин М.* Петр Великий // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 3—4, 10, 12, 15, 18.
- Погодин, 1863 *Погодин М.* Петр Первый и национальное органическое развитие. М., 1863. С. 5—6, 10, 12, 14—16, 23—24.
- Покровский, 1910-е *Покровский М. Н.* Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 99.
- Полевой, 1830-е *Полевой Н. А.* История Петра Великого. 2-е изд. М., 1899. С. 431, 434, 441.
- Пушкин, 1826 *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 386—387.
- Пушкин, 1828—1929 Там же. Т. 2. С. 92, 119.
- Пушкин, 1830-е См.: Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 141.

- Пушкин, 1831 *Пушкин А. С.* Наброски к истории Петра // Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. С. 413.
- Пушкин, 1833 *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. Т. 2. С. 182.
- Радищев, 1782 *Радищев А. Н.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1907. Т. 1. С. 73, 74—75.
- Розанов, 1896 *Розанов В. В.* Религия и культура. М., 1990. Т. 1. С. 76—77.
- Розанов, 1905 Там же. С. 342.
- Рязановский, 1984 *Riasanovsky N.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N.-Y., 1985. P. 251.
- Самарин, 1846 Сочинения Ю. Ф. Самарина. М., 1900. Т. 1. С. 4.
- Светлов, 1925 *Светлов М.* Соч.: В 3 т. М., 1970. С. 118—124.
- Семенов, 1985 *Семенов Ю.* Смерть Петра // Версии. М., 1985. С. 49.
- Серафим (Соболев), 1939 *Архиепископ Серафим (Соболев).* Русская идеология. СПб., 1993. С. 148.
- Серов, 1900-е См.: *Грабарь И. Э.* В. А. Серов. Жизнь и творчество. М., 1913. С. 248—249.
- Сироткин, 1994 См.: Независимая газета. 15.02.1994.
- Случевский, 18?? *Случевский К. К.* Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1988. С. 194.
- Соколов, 1993 *Соколов М.* Авессалом! Авессалом! // Сегодня. 4.06.1993.
- Солженицын, 1960-е *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. М., 1990. Т. III—IV. С. 562—563.
- Соловьев В., 1882—1883 *Соловьев В. С.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 72—73.
- Соловьев В., 1884 Там же. С. 287—289.
- Соловьев В., 1888 Там же. С. 424, 429.
- Соловьев В., 1896 Там же. Т. 2. С. 576—577, 602—603, 604.
- Соловьев С., 1858. *Соловьев С. М.* Избранные письма. Записки. М., 1983. С. 206.
- Соловьев С., 1860-е *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1991. Кн. VII. Т. 13—14. С. 427, 429, 432; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. Т. 18. С. 544—545, 549, 550—551.
- Соловьев С., 1861 *Соловьев С. М.* Птенцы Петра Великого // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 621, 623.
- Соловьев С., 1868 *Соловьев С. М.* Петр Великий на Каспийском море // Чтения и рассказы по истории России. С. 696.
- Солоневич, 1940-е *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 422, 423, 436, 442, 451, 453, 454, 459—462, 466—467.
- Сперанский, 1809 План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 1905. С. 21.

- Стефан Яворский, 1709 Проповеди блаженные памяти Стефана Яворского. М., 1804—1805. Ч. III. С. 242.
- Стефан Яворский, 1710 Там же. Ч. I. С. 167; Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // Труды Киевской Духовной Академии. 1875. № 1. С. 122.
- Сумароков, 1768 *Сумароков*. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Ч. 1. С. 268.
- Сыромятников, 1943 *Сыромятников Б. И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч. 1. С. 152.
- Тардов, 1911 *Тардов В. Г.* Судьба России. М., 1918. С. 131.
- Тихомиров, 1904 *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 292, 293, 295.
- Толстой А., 1917 *Толстой А. Н.* Собр. соч. М., 1982. Т. 3. С. 30, 32, 33—34.
- Толстой А., 1930-е Там же. С. 535.
- Толстой Л., 1870 *Толстой Л. Н.* Полное собр. соч. Т. 48. С. 123.
- Толстой Л., 1872 См.: Толстовский сборник. Тула, 1973. Вып. 5. С. 34—43.
- Толстой Л., 1890-е См.: *Берс С. А.* Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск, 1894. С. 46.
- Толстой Л., 1902 *Толстой Л. Н.* Полное собр. соч. Т. 73. С. 236.
- Топорков, 1915 *Топорков А.* Идея славянского возрождения // Начала. М., 1992. С. 32.
- Троцкий, 1923 *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1923. С. 69.
- Трубецкой Н., 1921 *Трубецкой Н.* Верхи и низы русской культуры // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России. М., 1992. С. 338.
- Тургенев И., 1846 *Тургенев И. С.* Соч.: В 12 т. М., 1953. Т. 1. С. 85.
- Тургенев И., 1869 Там же. Т. 10. С. 293—294.
- Тургенев Н., 1844 *Тургенев Н.* Россия и русские. М., 1908. Ч. III. С. 180, 184, 192.
- Тынянов, 1931 *Тынянов Ю.* Восковая персона. М., 1931. С. 18.
- Улыбышев, 1819 Избранные социально-политические и философские сочинения декабристов. М., 1951. Т. I. С. 290—291.
- Успенский, 1976 *Успенский Б. А.* *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286—289, 291—292.
- Учебник, 1702—1703 См.: Пьесы школьных театров Москвы. Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII вв.). М., 1974. С. 158—159.
- Федотов, 1926 *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 52, 79.
- Феофан Прокопович, 1717 *Феофан Прокопович*. Сочинения. М., 1961. С. 60—61; *Феофан Прокопович*. Слова и речи поучи-

тельные, похвальные и поздравительные. СПб., 1760—1774. Т. 2. С. 155, 157.

- Феофан Прокопович, 1718 *Феофан Прокопович*. Соч. С. 102—103; *Феофан Прокопович*. Слова и речи... Т. 1. С. 251, 252.
- Феофан Прокопович, 1725 *Феофан Прокопович*. Соч. С. 126.
- Феофилакт Лопатинский, 1709 *Феофилакт Лопатинский*. Служба благодарственная о великой Богом дарованной победе под Полтавою. М., 1709. Л. 16, 19.
- Флоровский, 1937 *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 82—83.
- Фонвизин Д., 1766 *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 185.
- Фонвизин М., 1940-е См.: *Общественные движения в России в первую половину XIX века*. СПб., 1905. Т. I. С. 109, 112—113.
- Франк, 1949 *Франк С. Л.* Пушкин об отношениях между Россией и Европой // *Пушкин в русской философской критике*. М., 1990. С. 455—456.
- Херасков, 1768 *Херасков*. Нума или процветающий Рим. М., 1768. С. 180.
- Хомяков, 1839 *Хомяков А. С.* Полное собр. соч. М., 1900. Т. 3. С. 18, 27.
- Хомяков, 1857 Там же. С. 270.
- Цымбурский, 1993 *Цымбурский В. Л.* Петр Первый (рукопись доклада). М., 1993.
- Чаадаев, 1937 *Чаадаев П. Я.* Полное собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 526, 527.
- Чаадаев, 1843 Там же. Т. 2. С. 159—160, 166.
- Чаадаев, 1850-е *Чаадаев П. Я.* Полное собр. соч. и избр. письма. Т. 1. С. 494, 499.
- Чернышевский, 1861 *Чернышевский Н. Г.* Полное собр. соч.: В 15 т. М., 1950. Т. 7. С. 612, 613—614.
- Чернышевский, 1886 Там же. Т. 15. С. 613—615.
- Чичерин, 1856 *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения в России в XVII в. М., 1856. С. 590.
- Шелгунов, 1881 См.: *Русанов Н. С.* Событие 1 марта и Николай Васильевич Шелгунов // *Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунов, М. Л. Михайлов*. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 355.
- Шихматов, 1810 *Шихматов*. Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях. М., 1810.
- Шмеман, 1954 *Шмеман А. Д.* Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954. С. 378, 384.
- Шмурло, 1914 *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.
- Шпет, 1912 Письмо Г. Шпета Н. Гучковой // *Начала*. 1993. № 3. С. 47—48.

- Шпет, 1922 *Шпет Г.* Соч. М., 1989. С. 27.
Щербатов, 1770-е Сочинения князя М. М. Щербатова. СПб., 1898.
Т. 2. С. 30, 38.
Эрн, 1915 *Эрн В. Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 387.

